

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2019

ТОМ 4 NO 2

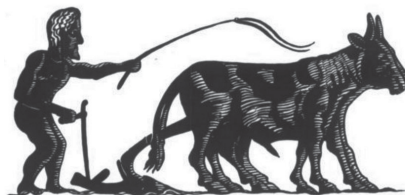
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)
А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Брунш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
В. Я. Узун, РАНХиГС
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР И.Е. Кроль; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Северная идиллия». К.А. Коровин (1886, Государственная
Третьяковская галерея, Москва)

© Авторы статей, 2019

© РАНХиГС, 2019

Содержание

От редакции. 6

Теория

Chaianov A.V. A Short Course on Cooperation. 8

Кузнецов И.А., Гришин Е.С. А.В. Чаянов — исследователь
трехполья. Предисловие публикаторов 57

Чаянов А.В. Южная граница преобладания трехпольной
системы полевого хозяйства на крестьянских землях России
к началу XX века 62

История

Ильиных В.А. Организация агрономического обслуживания
в Сибири в 1920-е годы: дискурс и выбор 83

Савино Дж. «Земельный голод» итальянского крестьянства:
от объединения страны до аграрной реформы 108

Современность

Алексеев А.И., Ефимова О.Ю., Ткаченко А.А.

Пространственная структура родственных связей (на примере
поселка Жарковский Тверской области) 128

Гусаков Т.Ю. Муниципальная реформа 2015 года в Украине:
реализация и первые итоги. 138

Интервью с исследователем

Киселев С.В., Никулин А.М. «Культура — это фактор
производительности труда». 160

Рецензии

Бабашкин В.В. Невольная воля 177

Троцук И.В. Глобальное и локальное в социальной истории:
реальные взаимосвязи и концептуальные противоречия 187

Russian peasant studies

Vol. 4. 2019. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

Editor's foreword 6

THEORY

Chayanov A.V. A Short Course on Cooperation 8

Kuznetsov I.A., Grishin E.S. A.V. Chayanov as a researcher
of the three-field system: A publishers' preface 57

Chayanov A.V. The southern border of the prevailing three-field
system of farming in the peasant lands of Russia
by the early 20th century 62

HISTORY

Il'inykh V.A. Organization of the agronomic services in Siberia in the 1920s:
Discourse and choice 83

Savino G. "Land hunger" of the Italian peasantry: From the unification
of the country to the agrarian reform 108

THE PRESENT TIME

Alekseev A.I., Efimova O.Yu., Tkachenko A.A. The spatial structure
of kinship (on the example of the Zharkovsky settlement
of the Tver Region) 128

Gusakov T.Yu. Municipal reform of 2015 in Ukraine: Implementation
and first results 138

INTERVIEWS

Kiselev S.V., Nikulin A.M. "Culture is a factor of labor productivity" 160

REVIEWS

Babashkin V.V. Unwitting will 177

Trotsuk I.V. Global and local in social history: Real relationships
and conceptual contradictions 187

От редакции

Журнал «Крестьяноведение» всегда уделял и впредь будет уделять большое внимание классическому российскому и зарубежному крестьяноведческому наследию, стремясь актуализировать его в современных условиях сельскохозяйственного развития. Ряд коллег нашего журнала являются активными участниками проекта *«Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия»*, поддержанного Фондом президентских грантов и Московской высшей школой социальных и экономических наук.

В рамках этого проекта в МВШСЭН в 2019 году начал свою работу Чаяновский исследовательский центр, деятельность которого направлена на решение следующих научных и просветительских задач:

— сбор информации о жизни и деятельности ученых школы Чаянова, библиографии их трудов и работ о них (на всех языках), оцифровка документов и создание электронного архива, материалы которого будут доступны на сайте Чаяновского центра;

— проведение открытых лекций, семинаров и круглых столов для студентов и научных специалистов в университетах России и мира, по темам, связанным с памятью и освоением интеллектуального наследия организационно-производственной школы А.В. Чаянова;

— проведение сельских полевых историко-социологических исследований с применением научных подходов школы Чаянова и формирование на этой основе рекомендаций по устойчивому развитию сельских регионов Российской Федерации.

Проект ориентирован на следующие целевые группы:

— научные работники, представители экономической социологии, социальной географии, социальной статистики, экономической истории, антропологии и других наук;

— студенты и аспиранты разных направлений экономических, географических, статистических, социологических и иных факультетов, заинтересованные в понимании логики исторического развития российского общества в целом и его сельских территорий в частности, а также исторических традиций и развития методологии их изучения в широком междисциплинарном контексте;

— управленцы и активисты, специализирующиеся на проблемах развития сельского хозяйства и сохранения и развития сельских территорий, на организации взаимодействия научного сообщества с представителями производства, региональных властей и местных сообществ.

Журнал «Крестьяноведение» намерен систематически освещать работу проекта *«Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия»*. В этом номере мы подготовили к публикации два текста А.В. Чаянова: «Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века», а также перевод на английский язык его работы «Краткий курс кооперации». Эти произведения будут безусловно интересны и полезны широкому кругу социальных исследователей и сельских активистов, исследующих историю и современность российского и международного сельского развития.

Editor's foreword

The *Russian Peasant Studies* has always focused on the classical Russian and foreign peasant-studies heritage to prove its significance for the current agricultural development. That is why the colleagues of our journal became the participants of the scientific project “*The school of A. V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage*” supported by the Presidential Grants Foundation and Moscow School of Social and Economic Sciences.

According to the project, in 2019, the Chayanov Research Center began its work aiming at solving the following scientific and educational tasks:

- collecting information about the life and activities of the representatives of the Chayanov school, updating the bibliography of their works (in all languages), digitizing documents and creating an electronic archive available on the website of the Chayanov Research Center;
- giving open lectures, holding seminars and round tables for students and scientists at the Russian and foreign universities devoted to the memory and intellectual heritage of the Chayanov organization-production school;
- conducting field historical-sociological studies in rural areas with the scientific approaches of the Chayanov school to make recommendations for the sustainable development of rural regions of the Russian Federation.

The project target groups include scientists — representatives of economic sociology, social geography, social statistics, economic history, anthropology and other disciplines; students and postgraduates from different economic, geographical, statistical, sociological and other faculties, who want to understand the logic of historical development of the Russian society as a whole and its rural territories in particular, and to learn historical traditions and the development of the methodology of their interdisciplinary study; managers and activists specializing in agricultural development, preservation of rural areas, and organizing the interaction of scientists with representatives of production, regional authorities and local communities.

The *Russian Peasant Studies* will systematically describe the work of the project “*The school of A. V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage*”. This issue presents two works of Chayanov — “The southern border of the prevailing three-field system of farming in the peasant lands of Russia by the early 20th century” and the English version of “A Short Course on Cooperation”. These works will certainly be interesting and useful for social researchers and rural activists who study the history and current state of the Russian and international rural development.

A Short Course on Cooperation¹

A.V. Chayanov

Translated from: Chayanov A., *A Short Course on Cooperation* Published by the Central Partnership "Cooperative Publishing House," Moscow, 1925

Peasant cooperative movement was one of the most important topics in Alexander Chayanov's scientific, organizational and pedagogical work. He wrote many articles and books on agricultural cooperation, and had hundreds of classes with students at universities and with peasants to explain and discuss various cooperative issues. Finally, Chayanov presented his conception of the ways to develop agricultural cooperation in his famous book *Basic Ideas and Forms of Peasant Cooperation*². At the same time, Chayanov was a talented and passionate popularizer and propagandist of cooperative knowledge among the wider population. Thus, on the basis of his lectures for the Old Believers' Agricultural Courses "Friend of Land" in Moscow in 1915, he published a booklet *A Short Course on Cooperation*, and in the next 10 years it was reprinted four times and became a desk book on cooperation for many Russian peasants, agronomists, and activists of rural development. This short course presents clear and unambiguous definitions of cooperation and its aims; each chapter is illustrated with popular historical and contemporary examples of the cooperative movement and of the interaction between peasant farms and specific types of cooperatives. This booklet reminds of two great genres of world literature. On the one hand, it is a propaedeutic *ABC of Cooperation*, like Leo Tolstoy's *ABC for Children*. On the other hand, it is a political-economic *Cooperative Manifesto*, similar to Karl Marx and Friedrich Engels *Communist Manifesto*, in which Chayanov describes a fascinating struggle of the Russian and international cooperative movement for the new just social world. Under the current rural development, Chayanov's *Short Course on Cooperation* is not only of a historical interest; it is an outstanding example of the unity of cooperative thoughts and deeds aimed at improving the lives of the broad strata of rural workers all over the world. This Chayanov's work was translated into English from its fourth and last lifetime edition of 1925³.

Keywords: agricultural cooperation, peasants, consumer cooperatives, credit cooperatives, marketing cooperatives, dairy cooperatives, cooperative solidarity

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-8-56

Составитель: Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

1. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project "The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage".
2. The abridged English version of this book was published in 1991: Chayanov A. (1991) *The Theory of Peasant Cooperatives*. Columbus: Ohio State University Press.
3. Chayanov A.V. (1925) *A Short Course on Cooperation*. 4th edition. Moscow: Central Partnership "Cooperative Publishing House".

When people talk about the future of the village, they usually pin their hopes on cooperation. The very term “cooperation” has become one of the most popular words in our everyday language. In any newspaper one finds it dozens of times; the pages of books are full of it; it is heard at meetings, conferences, and congresses. After V. Lenin’s last two articles on cooperation, it has become one of the foundations of our economic policy.

V. Lenin declared the exceptional significance of cooperation in the political and economic conditions of Soviet Russia and emphasized with particular insistence: “Now we must accept, realize, and provide extraordinary support for the only social order, which is cooperative order.”

However, despite all of this and the fact that there are several and not just one cooperative in every one of our *volost* [small rural municipality], not everyone — even those who are practically familiar with cooperative work — clearly understands its essence and is fully aware of its key ideas and organizational principles.

Thus, we have to pay special attention to clarifying the very nature of cooperation in the agriculture of the Soviet republics. We have to consider in detail its possible role in our villages and what it can do for the future of our agriculture.

We know that the most characteristic feature of the economic life of our time, which distinguishes it from the old times of our grandfathers, is the improvement of production machinery and a new, scientifically based organization of industrial and commercial enterprises. Huge steam and electric engines of thousands of horsepower, giant retorts of chemical plants, multi-ton steam hammers stamping metal products with tremendous speed, automatic scales weighing hundreds of samples per hour with apothecary accuracy, and thousands of other instruments and machines that affirm the power of human genius — those are the features of our time.

And this technical equipment is supplemented by the skillful organization of enterprises. The contemporary factory assembles hundreds and sometimes thousands of worker; it coordinates and unites their efforts in such a way that enables five workers to do the work that would require fifteen workers under bad organization. No less than the contemporary, production technology, workshops, factories, and enterprises of various kinds form production groups, trusts, and syndicates, thus, winning in the coordination of production and overhead and reducing costs. The entire strength of the industrial, capitalist countries of Western Europe and North America and all their economic power over the rest of the world depend on the skillful use of these two great principles of our time — advanced technology and the proper organization of enterprises.

However, until now, both principles have been applied primarily in urban manufacturing, mining, and transport. Agriculture remains somehow unaffected by these achievements of human culture. Almost everywhere, farming followed the old path of thousands and millions of individual small farms scattered, unrelated to each other, and in general, not using much advanced machinery.

Certainly, such “backwardness” in agriculture is not because of accidental reasons but is because the production in farming depends primarily on land, crops, and livestock. Therefore, in many respects it differs from purely mechanical industrial production. Thus, the advantages provided by large size farms and improved machinery in farming are not as great as in industry. Small, technically weak farms in agriculture can show significant resistance to their larger competitors, which is absolutely impossible in industry. The recent, scientific studies (of V. Lenin, P. Lyashchenko, and other economists) of American and Russian farming prove that capitalism develops even in agriculture, mainly in the form of the exploitation of the small producer of agricultural products by all kinds of trading companies and enterprises that provide him with credit at high interest rates. The peasant wishes to preserve his economic independence but is, in fact, entirely at the mercy of financial and commercial capital, because he owes this capital a lot of money and cannot ignore it either to sell the products of his labor or to buy the necessary means of production.

All this makes the organization of agriculture on a new basis a most difficult and complex task.

When considering the millions of small, peasant economies — unorganized, dispersed, developing on their own accord like the course of a large river — any organizer of agricultural production can sometimes give up in despair. He can ask himself: Is it possible to organize agriculture like industry on new principles of modern technology and scientific organization? Are there any paths and ways to accomplish this?

We know that we have a large number of improved methods of agricultural technology: improved livestock breeds; improved machinery, fertilizer, and tillage techniques, livestock feeding, and primary processing of agricultural products. The question is how to implement these techniques in the very heart of the village; how to organize the peasantry so that all scientific and practical achievements usually accessible for only large-scale production would become available for the peasantry too.

This question is the most important one for agriculture! And the answer can be given by the application of cooperative principles to the organization of the village.

The basic idea of agricultural cooperation is extremely simple. If we carefully consider the structure of the peasant economy, which is quite complex, we will easily see that, for a number of industries, its larger form will immediately ensure a greater direct benefit. Moreover, it is almost always possible to quite easily identify huge works

and combine them into one common, big activity of neighbors without disrupting the work of other parts of the economy and without destroying the labor of the family economy.

A few examples will explain the essence of this statement. For instance, everyone knows the advantages of separators and mechanical churns over home butter making. However, separators and mechanical churns are inaccessible to a small peasant economy that has only one or two cows. For the separator to pay for itself, it is necessary to start processing as much milk as can be collected from twenty or thirty cows.

It is obvious that no single, peasant economy possesses such a herd and, consequently, no single peasant economy can afford the use of a separator. However, it is equally clear that nothing prevents twenty or forty farms from uniting into a union and building a small dairy factory together after refusing to make butter at home. Nothing prevents them from bringing their milk to the cooperative factory entrusted not only to make butter but also to sell it.

This simple idea has long been recognized by the peasant masses; in different regions of the USSR and Western Europe, dairy partnerships were established many decades ago. Today there are more than four thousand of them in Western Siberia, the Vyatka, Vologda, and other provinces of the North and in the Kuban. We see that they have united into local unions, which, in the summer of 1924, formed the All-Russian Butter Union entrusted to sell their butter in the domestic markets of the USSR and also in England and other foreign markets. This Union combines the production of butter from the milk of two million cows and is one of the largest global companies on the butter market. Thus, it is natural that the Union can use all the technical achievements and all the organizational improvements available today.

The cooperative basis of processing and marketing of butter nearly always determines cooperative work in improving livestock and the conditions of animal housing, the development of partnerships for the joint use of breeding bulls, and for livestock insurance against mortality. In other words, soon after a dairy cooperation starts, all the foundations of peasant dairy production turn out to follow the principles of the largest production and most perfect organization.

The same cooperative principles can be used by the peasant to organize other branches of his economy. For example, if peasants in the potato areas are not able to sell their raw potatoes, they may cooperate to create a network of potato-processing factories that produce starch and finally a syrup. This allows them to make full use of all the advantages of this profitable crop and of factory machinery to process it. At the same time, by creating fields for producing improved varieties of potatoes and by supplying the production through potato cooperatives with the improved means of production, peasants organize the whole potato business at the highest technical level without destroying the peasant economies that form the basis of it.

The potato cooperation established the All-Russian Union, abbreviated as *SoyuzKartofel* [Soviet Potato], which unites many thousands of peasant economies.

An even more powerful organization was created by the flax-growing peasants who united the peasant cooperatives of fifteen provinces in a union called *L'noCenter* [Flax Center], which was recognized in the world market as a company selling fiber of immaculate quality and sorting.

It is especially important that, despite the most difficult economic conditions of life in our Soviet country, despite crop failures, and lack of funds and credit, wherever we look — even in the most remote districts of the USSR — there are the same organizational processes in the production of many agricultural goods — bread, sugar beets, poultry, cotton, viticulture and horticulture, agricultural machinery, fertilizers, seeds, and different items of peasant, everyday life and consumption.

Certainly, almost everywhere there are only the first and often timid and uncertain steps, but they convince us that the cooperative path is the only one and the right one for our peasantry. These steps show us that agricultural cooperation really allows the organization of the previously scattered peasant masses by connecting them directly to the centers of the economic and cultural life of the Soviet state and enabling them to use all the advantages of the large economy and improved machinery. Moreover, it is especially important that these large and organizationally perfect enterprises are forms of the social economy, i.e., in the social perspective, they are the highest form of organization.

However, let us consider what is necessary for peasant economies to form a cooperative, so that the joint venture will be really cooperative; what distinguishes cooperatives from private, commercial, and industrial enterprises with which they are often unfortunately confused.

We have already mentioned that the cooperative is primarily a union of farms and that the economies forming such a union are not destroyed but are still small labor economies.⁴

However, in cooperatives, only a part of production forms a union, i.e., the part in which the large farm has an advantage over the small one, the agricultural co-operative is a supplement to the independent peasant economy, serves it, and makes no sense without such an economy.

In its further development, cooperation will increasingly turn different branches of the peasant economy into a public cooperative

4. Agricultural cooperatives usually include the so-called “complete agricultural cooperatives”, i.e., agricultural communes in which individual farms are completely dissolved in the social economy. Due to their importance, a special book is devoted to “complete agricultural cooperatives”, and we do not consider them at all in this essay.

economy. Such elements of the social economy create in the peasant economy the foundations of the future, socialist organization of farming.

To more clearly understand the very essence of cooperation, let us compare two dairy factories — a cooperative one created for their own needs by peasant cattle-breeders, and a private one owned by a capitalist entrepreneur who rented it from *GubSovNarKhoz* [Provincial Council of National Economy]. Let us ask ourselves whose interests guide and manage the work of both factories.

A brief observation is enough to understand that the private factory will pursue the benefits of the capital invested in its turnover. Its main aim will be to organize the whole business in such a way as to obtain the most money, the highest net profit on the capital.

We see a different situation at the cooperative factory. Peasants invested the same capital in its organization and turnover as the private entrepreneur, but the interests of this capital and the task of obtaining the greatest net profit are secondary. The heart and the soul of the whole enterprise is the benefit of the peasants who deliver milk to the factory and who jointly created it in the interests of their economies. The cooperative factory can ensure a zero penny of profit on the capital spent on its construction, but it will still be profitable for peasants if it allows them to get more revenue for their milk than if they sell it into the wrong hands.

Let us further consider the structure of a consumer cooperation in which peasants unite for the joint purchase of products necessary for the household. Here we find the same differences from a private shop as we saw in the dairy *artel*.

The entrepreneur-shopkeeper puts the interests of his capital first. He tries to get the biggest profit from his trade by any means, to the detriment and at the expense of his customers, but, in the consumer cooperative shop, the net profit on the capital invested in the goods is a secondary task. Certainly, capital is necessary for the consumer community, and economic turnover is impossible without capital. However, it is not the interests of capital that manage the business but rather the interests of consumers, of those peasant households that joined efforts to create a consumer shop for their own needs.

For an ordinary shopkeeper, it is beneficial to sell bad products at high prices and to get the highest net profit. For a cooperative shop, profits can be very insignificant, but the products must be good and cheap. No cooperator would like to increase the profitability of his shop by adding sand to his bread and water to the milk for his children.

The most important part of cooperation is such a transfer of attention from the interests of capital to the interests of the peasants who united and created the cooperative enterprise for themselves. Cooperation will always use capital and very large capital, because economic life is impossible without it. However, the interest from this capital

does not come first in cooperation but rather the interests of the economies it serves. In cooperation, capital is a servant and not a master. Therefore, management of the cooperative is arranged in such a way that it is controlled not by representatives of capital and not by those who gave a lot of money for the cooperative trade or production, but by the labor economies by which the cooperative was created and which it exists to serve. Thus, it is clear that the activities of rural cooperation are guided by peasant interests, and all its work is determined by them.

According to V. Lenin's letters on cooperation, in the capitalist society, the peasant cooperative movement was powerless to solve these tasks. Only after the transfer of power to the working people does cooperation with the support of state power acquire a completely different meaning and become the basis of a new social system of the village.

Therefore, cooperation cannot be limited to trade or industry. Interests of the peasantry are broader. Peasants are interested not only in buying cheaper and selling higher but also in many issues of spiritual life, issues of the mind and heart. Cooperation is not only to help the peasant to get greater benefits in his economy but also to help him in enlightenment, in the organization of his spiritual life. Cooperation can give a lot here, perhaps even much more than in other aspects of the village life.

We know that besides the opportunity to purchase a good agricultural machine inexpensively, one should be aware of the existence of such machines and be able to use them. To provide the peasantry with this knowledge, cooperation supplements trade with cultural-educational work in the village.

These are the differences between cooperative production and private entrepreneurship and trade.

After describing them we should also consider the differences between cooperatives and state enterprises, and we should find out why recently the government agencies have transferred and continue to turn a significant number of state agricultural enterprises into cooperatives.

The village is supplied with seeds and agricultural machinery, rental points, breeding bulls, and local potato-processing factories. Last year all dairy enterprises of *GosMoloko* [State Milk] were transferred to the hands of agricultural cooperatives. After the 13th Congress of the Communist Party declared a state policy of agricultural cooperation, we believe that such a transfer of economic activities from the state to the cooperative's shoulders will become more widespread.

Why is this so? Why is a cooperative system considered more perfect for the needs of the village than state enterprises?

In a republic of working people, both the state and cooperative are the governing bodies of the same working masses and serve the same needs of the working people. Therefore, the decision about which of these bodies to entrust with economic work is made every time, depending on which of these bodies is technically most effective.

The elected representatives of the working people manage the cooperative in its smallest structures under the daily vigilant control of the members of cooperative who elected them. It is not governed by administrative orders of the center. It is flexible in economic activities and allows the fastest and most free manifestations of the beneficial local initiative. Therefore, cooperation is the best decision if organized, local, self-activity is required, if every individual case demands a flexible adaptation to the local conditions, and if one should take into account the smallest features of every place and every month of work.

All of these requirements — the necessary initiative of the masses, flexibility in organization and activities, ability to adapt quickly, and exceptional sensitivity to the needs of the working masses — are necessary for work in the village. That is why in our Soviet state, whenever cooperation becomes strong enough, it captures — one after another — the different branches of economic work in the village, which was previously dominated by state enterprises consisting of specialists and employees appointed by the center.

Readers can express concerns that after transferring the economic work to cooperatives, it will no longer be controlled by the governing bodies of the Soviet state. Thus, such a transfer will destroy all planned considerations that are absolutely necessary under the current, difficult conditions of our national economy. However, this fear is completely unfounded, because agricultural cooperation represented by its financial and trade centers and local unions is so deeply integrated into the general system of the government agencies of the USSR and works in such a close connection and coordination with them that there can be no contradictions in their work. On the contrary, it is due to the transfer of all economic work in the village to a cooperative that the whole village is being drawn into the mainstream of the planned economy, which became possible only thanks to cooperation.

Cooperation reorganizes the scattered, individual, peasant economies into higher forms of social economy, which is the main task of creating a new village.

What we have already said is quite sufficient to understand what the development of cooperation can mean for the village and what a great future cooperation has. All this makes every village worker pay special attention to the study of this new phenomenon of rural life.

In the following chapters, we will consider the history of cooperative ideas and will examine in detail the organizational forms of these ideas in every branch of cooperative work.

Chapter 2. A history of the cooperative movement

The history of cooperation can be traced from the mid-19th century. In the early 19th century in England, there was a man named Robert Owen, who was an industrial figure and, while observing the life of

16 the working people, often thought about how to improve their hard fate.

ТЕОРИЯ

Robert Owen believed that the human world was not arranged in the right way and too many things in people's lives did not correspond to reasonable grounds. He said that people should help each other to live with friendly joint efforts and should establish special communities to jointly organize their economic life.

His lofty doctrine on new life foundations very soon attracted many supporters in England, but the attempts to implement the ideas he preached in real life failed. Robert Owen based his doctrine on the spiritual unity of people, but he paid little attention to the development of a form for the practical implementation of his ideas and to how they corresponded to the development of the economic life of his time.

However, despite the small success of their practical implementation, the ideas of Robert Owen became widespread in England. A few decades later, in the 1840s, in a small English industrial town, Rochdale, a group of weavers, who considered themselves Owen's followers, founded the first cooperative, which became a model for others and started the practical implementation of the great teacher's covenants.

1) Foundations of consumer cooperation established by the Rochdale weavers

The cooperative founded by the Rochdale weavers in the small Toad Lane of the provincial town was not the first consumer community. In history, there were many attempts to arrange the public sale of essential goods for the benefit of people. However, all such undertakings very soon failed and perished due to the unsuccessful arrangement. And only simple Rochdale weavers, who had long thought about how to improve the life of the working people, managed to find the grounds that allowed their cooperation to develop instead of failing. Therefore, the Rochdale weavers are rightly called the founders of consumer cooperation and of the great cooperative movement.

What were the main principles implemented by the Rochdale weavers? Everyone understands that if you buy any goods from a wholesaler in a retail store not in small quantities but in large quantities, the purchase will cost less and the quality will be better. Therefore, every buyer who wants to get good products at a cheap price should buy them not in *arshins* [0.71 meters] or pounds but in big pieces, wagons or *poods* [16.3 kg], and not in a small shop but directly at a factory or in a large wholesale store.

However, no matter how beneficial this advice is, the question unwittingly arises: can our peasant, worker, or simple townsman store up for the future use butter in barrels, flour in wagons, and textile in bales? It goes without saying that any consumer cannot do that individually. First of all, he never has enough money to pay for these

large purchases, and the needs of his household are not measured by wagons or barrels but by pounds of bread and a few pieces of herring, by *arshins* of chintz and not by bales of it.

However, if tens, hundreds, and thousands of buyers unite to buy the goods they need together, they will immediately get the opportunity to buy goods in the largest quantities and will turn into one very large, wholesale buyer. Then the goods purchased will be cheap and of good quality.

This simple idea is the basis of consumer cooperation, and it is clear to any person who has ever thought about his economy. Certainly, this idea was known long before the Rochdale consumer shop in Toad Lane. However, despite numerous attempts, the idea failed previously to be put into practice. Obviously, it is not always easy to realize even a clear and simple plan. We will try to find out the reasons for it. Why did only the Rochdale weavers manage for the first time to establish consumer cooperation?

The simplest way for a joint purchase is when several families knowing each other decide to buy, for instance, some fabric for the summer, raise money together and make a joint purchase, let us say, at the factory of the Bogorodsky Trust, and then divide the purchased bale of chintz or *sarpinka* [printed calico] according to their orders. However, such a joint purchase is not yet consumer cooperation.

It goes without saying that if you buy all the products you need for the household in this way, you will have to gather every day, collect money for the joint purchases, take turns to go shopping. There will be no time for anything else, and the trouble will be extremely burdensome for everyone.

Therefore, people have long sought a good way for the joint purchase of all necessary goods — collecting money, establishing a small working capital, and electing a trusted person to open a small shop from which they can get the jointly purchased goods. Such a community that opens a shop of goods it needs for joint money was named a consumer cooperative. Such shops were opened long before the enterprise of the Rochdale weavers, but they managed to find only the right principles for consumer cooperation. What were they?

In the first unsuccessful attempts of joint purchases, the public shop bought goods at wholesale prices, added the overhead costs of transportation and maintenance of the shop and warehouse, then calculated the price of goods by weight, and sold them at this price to the members of cooperation. The goals of the community were achieved. The goods were of good quality and much cheaper than in private trade. However, such communities very quickly weakened and perished.

The cheap public sales irritated the neighboring shopkeepers who drew such a weak and fragile community into fierce competition by dropping their prices much lower than the cost prices. They suffered some losses but achieved their goal of using the irresponsibility of

buyers and turned them away from the public shop and, thus, destroyed the cooperative. There were even cases when traders bought up the goods of the public shop at cheap prices with the help of unscrupulous members of the cooperative and then sold these goods in their shops at a good profit.

However, the huge disadvantage of selling goods at cost prices was that the cooperative could not increase its capital. Its current assets, composed of meager share contributions, had always been insignificant, and the economic strength of the cooperative was negligible. The cooperative did not have profits from the sale, could not increase its current assets, and often did not have money when there was an opportunity to buy a cheap and good product. Even with the smallest losses, its capital and the cooperative itself were destroyed.

To avoid these adverse consequences, the Rochdale weavers decided to sell goods in their public shop not at cost prices but at the same market prices as the neighboring traders.

When trading at market prices, the still weak cooperative was not involved in a struggle with rich traders, which was unbearable for the cooperative in the beginning. The profits from market prices significantly increased its economic power, replenished its meager working capital, and strengthened the viability of the cooperative union. That is why the principle of selling goods to members of the community at market prices, which was established by the Rochdale weavers, is considered one of the most important foundations of consumer cooperation.

However, one can ask what the benefits are for the consumer from bustling about and opening a cooperative shop, if it sells goods at the same prices as private shopkeepers?

The answer to this question can be given by another rule introduced by the Rochdale weavers: in the cooperative, the profits from the consumer, determined by the market prices and forming the income of the shopkeeper in private trade, are returned to the consumer at the end of the year.

Suppose that this year, our consumer shop sold goods for 10,000 rubles and received 800 rubles of profit. This profit is received from members-consumers and must be returned to them. Per every ruble taken by the shop, eight kopeks were the profit and ninety-two kopeks were the cost price of goods with all the overhead. Thus, if I bought goods in our shop for 100 rubles, then the shop received eight rubles from me as a profit, which will be returned to me at the end of the year. For instance, if you bought the goods for 800 rubles this year, then the shop received sixty-four rubles of profit from you, which will be returned. If your neighbor bought the goods for 125 rubles, then at the end of the year he will receive ten rubles back.

Thus, when trading at our shop not at cost prices but at market prices, we, the consumers, do not lose anything, because all the profits of the shop will be returned to us at the end of the year. Moreover,

we benefit greatly from the profits of the shop. If our shop traded at cost prices, then every day we would buy small things and would get a small profit of fifteen or twenty kopeks per day or even less. Such a benefit would be little appreciated and completely lost in our everyday life.

The situation changes completely if our shop takes these kopeks and ten-kopeck coins as its profit. This will strengthen the shop and, at the same time, our ten-kopeck coins of one day will be added to the ten-kopeck coins of other days. The shop will turn into our caring piggy bank and a savings bank that will accumulate for us and give us a few dozen rubles at the end of the year. And this amount of money means a lot to the peasant, worker, or employee with a modest income. In any case, such an amount received in a lump will immediately bring much more benefit than penny savings made during the year.

That is why the return of profits to consumers according to their purchase of goods is considered the second great foundation of consumer co-operation.

However, if we study the life of our Russian consumer cooperation, we will see that even the best consumer communities usually do not distribute all their profits among customers. First of all, big money is spent to expand and strengthen trade, i.e., this money is added to the fixed or reserve capital.

We already know that without a lot of capital the public shop can be weakened, things in the shop will go badly, there will be few goods and few choices, the members-consumers will not be satisfied with their shop and will go shopping in private trade. Therefore, it is in the interest of the consumer himself to ensure the most extensive development of public trade possible and to accumulate such capital that the shop will never lack working capital. Collecting such money by share contributions is very burdensome for members-consumers, and it is much easier to get money from trade, i.e., by allotting a part of the profits.

Cooperatives also allot considerable funds for so-called “cultural-educational purposes”.

Cooperation gets stronger when it attracts more members and when they hold on more firmly to their cooperative. Therefore, the more widespread the right knowledge about cooperation, the stronger the cooperation.

Moreover, cooperation should not forget that “man shall not live by bread alone.” When selling cheap bread, sugar, nails, and textiles, cooperators should not ignore the spiritual life of a person. Together and under the guidance of the local departments of public education, cooperatives strive to provide their members with good, entertaining, and useful books, to establish folk theaters, libraries, folk houses, and tea houses, and to organize public readings to teach their members of the ways to farm to make two ears grow where currently the labor of the peasant makes only one grow. All this requires large ex-

20 penditures and consumers-cooperators who willingly allot them from their profits.

ТЕОРИЯ

Thus, the profits of cooperative trade are partly returned to the consumer, whereas the rest of them are spent to expand trade and for cultural-educational purposes, e.g., forming public and socially useful capital. Such an accumulation of public capital by allotting a part of the profits is considered one of the most important foundations of not only consumer but also of all other types of cooperation.

However, the above mentioned rules do not exhaust the covenants of the Rochdale weavers for us.

According to the next rule, which is often forgotten by Russian co-operators, the cooperative shop should sell goods for cash only. Taking goods on credit is not allowed in the cooperative, according to the founders of consumer cooperation. This requirement is perplexing and seems especially difficult to fulfill for the working people who support cooperatives. It may seem that the very public shop should come to the aid of the worker when he does not have enough money for daily bread. However, the Rochdale weavers strongly insisted that this rule should be strictly followed.

Why is that? Why can a shopkeeper sell his goods on credit, whereas a consumer community cannot? We will consider this issue in detail and very carefully.

Certainly, a shopkeeper selling goods on credit does not do that from a kind heart but rather for his own benefits. But what kind of benefits?

It has long been said not to look a gift horse in the mouth! Similarly, one should not be picky and demanding of goods taken on credit. Therefore, when selling goods on credit, without money, the shopkeeper gets rid of all the shelf warmers and products of poor quality, and, at the same time, increases their prices compared to the sales for cash. Thus, the losses of the shopkeeper from the delay in money return and failure to pay debts are covered by the profits from high prices and from the expensive sale of bad goods.

Public trade cannot do this; it cannot slip a buyer a bad product instead of a good one, cannot give short weight or inflate prices by selling goods to the poor buyer on credit. Therefore, public trade cannot cover the losses inevitably determined by the failure to pay debts, which can lead to other significant losses and destroy the whole consumer cooperation.

It should also be noted that when selling on credit, the public shop will always be short of cash and forced to take goods on credit, i.e., the shop will receive goods less regularly, they will be of worse quality, and the shop will repeatedly miss good chances to buy cheap goods of the best quality. Therefore, no matter how hard it is for the labor cooperator, if he values his consumer community and does not want to bring it to ruin, he should completely refuse to sell goods on credit. If there is a very great need for sales on credit, then it is possible

to accumulate special capital by allotting a part of profits, which will be used for loans to poor consumers, while the main trading capital of the cooperative must make its turnover only for cash.

Thus, there are three main foundations of consumer cooperation.

- 1) The selling prices of the consumer cooperative should be the prices of the usual retail trade and not the wholesale prices, because this is the only way to get a sizeable profit. Small allocations from it will allow an increase in the working capital of the cooperative and will provide the consumer community with free cash that will significantly strengthen its economic power.
- 2) All profits of the consumer shop should be distributed among individual buyers, not according to the money contributions made at the opening of the shop, but based on how many rubles they spent on purchases during the year.
- 3) To preserve the integrity of public cooperation and ensure its sustainable organization, we must refuse to sell on credit, because, without usurious interests, sales on credit are too unprofitable.

It is also necessary that every consumer makes a labor contribution to the organization of the shop, that consumers-members work as cashiers and even as countermen, i.e., that they participate in the cooperative with their own labor.

These are the foundations of the great undertaking of consumer cooperation which were laid in 1844.

A lot of water has flowed under the bridge of history since then. The structure of economic life has changed in many way. Capitalism has developed its new forms, and the social revolution in Russia has put forward a number of new ideas of economic organization. And, certainly, the principles of the Rochdale weavers, while remaining the same in essence, have been partly modified and partly supplemented according to the eighty years of changes in the conditions of economic life and especially under the new forms of its organization in our Soviet state.

The necessity to revise and supplement the Rochdale principles was recognized long ago. Recently this question has been put in line by the conference of cooperators-communists. It should be assumed that in the coming years the theoretical cooperative idea will manage to establish the basic principles of consumer cooperation relevant for the new forms of our economic life.

It is said that Moscow was burnt down by a penny candle. Similarly, from a small shop in the basement of a small house in Toad Lane, a huge social movement began and developed so quickly that after a few decades it had spread to all countries of cultural humanity. The development of this movement did not always go smoothly. Many cooperatives perished, and, in most cases, not because the Rochdale rules were bad, but because they did not follow them.

Today, a few decades after the modest attempt of the weavers, consumer cooperation has managed to remove from its path a shopkeeper,

a trader, and other intermediaries, to unite tens of millions people, to build huge warehouses, its own factories and plants, ocean steamers and railroads, hotels, hospitals, libraries and schools... Great seeds planted by Robert Owen have begun to bear fruits.

2) Raiffeisen principles

A quarter of a century after the first consumer cooperative was established in England, in a small German village, a local *volost* foreman proposed the creation of a first, credit partnership — the most important type of village cooperation.

Raiffeisen, the founder of credit cooperation — its “father” — as German cooperators like to say, was born in 1810 and died in 1888.

He devoted all his long life to selfless service to the peasantry. As the *volost* foreman, he knew the village’s needs very well and often thought about how to free the German village from the hands of usurers. In those times, usury was exceptionally widespread in the German village. Just like greedy leeches, the usurers sucked all the power out of the working peasantry. At first Raiffeisen tried to help the trouble by creating special unions that bought cattle for their poorest members. However, these unions were based on charity; they existed for a while but were gradually weakened, the flow of donations ceased, and the unions perished. By the end of his life, Raiffeisen realized that charity could not help poor peasants and began to think about helping peasants not by charity but by principles of mutual help for the working peasantry. Raiffeisen knew very well the main causes of rural poverty, and, after long years of reflections, he found a way to fight against them and described this in 1866 in the book, *Credit Partnerships as a Means of Eliminating Poverty*. On April 25, 1869, in the small village of Geddesdorf near the town of Neuwied, he managed to establish the first credit partnership.

What were the foundations of this first credit partnership laid by the “father” of credit cooperation?

Raiffeisen knew very well that every peasant often needed money for his economic turnover, especially if he had extended or improved his economy. However, it was often impossible for him to get money. The peasant tried different ways and, in the end, he still had to turn to his village’s *kulak*-usurer, who willingly lent money at a monstrous interest rate. He would lend twenty rubles, and a month later demand thirty rubles.

Under such loan conditions, one could never make any improvements in the economy, because the monstrous interest paid to the *kulak* would negate any profit that a new cow, thresher, or a seed drill would bring.

At the same time, quite a lot of free money accumulated in cities is put into banks and very willingly lent at small interest rates based on reliable ideas and on good securities.

It would be very good for every peasant to go to the city to a bank and borrow the money needed. However, this is hardly possible. One

cannot go to a distant city to get twenty, thirty, or even fifty rubles, because one must pay for the train ticket and will have spent much more than he will get from the borrowed money.

Moreover, the bank will never lend money to an unknown person. And even if the peasant offered to secure the loan with his livestock, buildings, and the entire harvest, the bank cannot check his capital. This is because the money borrowed is so insignificant that no interest will cover the expenses of the bank inquiries about the peasant's property and especially the expenses of sending a special person to collect non-payment. Therefore, there is no point for banks to lend money to peasants in small quantities. The bank will not even consider loans of fifty, a hundred and fifty, or two hundred rubles.

Raiffeisen had long thought about everything mentioned above. Finally, he suggested that the peasants of his *volost* establish a union that would borrow money in large amounts secured by the mutual responsibility of its members and by all their property.

Five or six hundred peasant families united usually need a few tens of thousands rubles for their economic turnover. This amount of money is so large that even a very small interest will pay for special trips to the city and correspondence with the bank. And, for the bank, such a large loan is sufficient to cover with interest the costs of inquiries and possible collection of non-payment. The property of five hundred peasant households is more than sufficient to secure a loan.

Therefore, the first principle of Raiffeisen — a joint money loan of many peasants united, which is secured by mutual responsibility and by all the property of members — ensured the inflow of capital into Raiffeisen communities and became the basis for the development of credit cooperation.

However, this rule cannot be considered the most important one for credit cooperation. It was introduced by Raiffeisen not so much as the basis of cooperative credit but rather as a well-known security for banks and other institutions and individuals that loaned money to the cooperative. The mutual property liability of cooperative members was understandable and inspired the respect of all capitalist and financial figures of the time.

However, Raiffeisen considered the true basis of cooperative loan not how it would be secured but who would get the borrowed money and on what it would be spent. Therefore, according to the most important Raiffeisen's rule, if a partnership gets money secured by mutual responsibility, this money should be given to its members only for productive needs.

Money cannot be taken from the cooperative for a dress or food but only for such expenses that affect economic turnover and, at the end of this turnover, return to the owner with a big profit. That is, money may be taken for such expenses that justify themselves and allow the owner not only to repay the loan but also to get a good profit.

This is the most important Raiffeisen principle that determines all others.

If the basis of cooperative credit is the loan for productive purposes, it is obvious that the credit partnership must keep a watchful eye on the borrowed money to ensure that it is not wasted in vain but is spent exactly for the productive purposes for which it was taken. To make such an observation possible, it is necessary to know the borrower very well and to not lose sight of his economy. First of all, it means the requirement to lend money only to the members of the partnership, i.e., to the people well known to share mutual property liability.

In order for the board of the partnership to watch its borrowers, it is also necessary that their economies are under the constant supervision of board members. This is possible only when all the economies of partnership members are located near each other, i.e., when the municipality in which the partnership works is small, the number of its members is small, and its turnover is not big.

In fact, if we unite a whole *gubernia* or *uyezd* [district] into one partnership, there will be no way to control its members' economies, its economic turnover, and the purposes for which the borrowed money is spent. Many believe that even a *volost* is too large for activities of the partnership; it is better for every five or six villages to establish their own credit partnerships. However, with such a small size, the turnover of the partnership cannot be big; therefore, all kinds of expenses — travel, bookkeeping, and record-keeping costs — become burdensome overhead expenses per every ruble lent by the partnership.

Suppose that the management costs are 1,000 rubles. If the partnership loaned 100,000 rubles this year, then, per every ruble loaned (without the interest paid by the partnership) it will have to take one kopek from its borrowers. If the partnership lends only 10,000 rubles per year, then it will need ten kopeks per every ruble lent to repay its overhead expenses.

Raiffeisen believed that it was not possible to expand the area of activities and the number of members in order to increase the turnover of the partnership. He recognized the need to reduce overheads and interests on loans; that is why he tried to somehow reduce the costs of maintaining the partnership. His most important suggestion was to consider the work of members of the board, the treasurer, and secretary-accountant as public duties and honorary positions, i.e., not compensated. Such a definition of the work of the board as honorary and unpaid workers significantly reduced the overhead expenses and the interest on loans, which made the credit more affordable.

These are the main rules introduced by Raiffeisen, the “father” of credit cooperation.

We know five of them:

- 1) Mutual property liability of all members of the partnership for its debts.
- 2) Loans for productive purposes only.
- 3) Loans to members of the partnership only.
- 4) Small area of activities of the partnership.
- 5) Declaring the work of the partnership board honorary and, therefore, unpaid.

Raiffeisen fervently preached these principles. That is why he not only found the Geddesdorf partnership but also took a trip to the villages of his neighborhood, where he managed to establish twelve more credit partnerships.

Their exceptional success and the incessant preaching of the “father” of credit cooperatives contributed to the wide dissemination of new ideas. When he was dying in 1888, Raiffeisen was left with a feeling of deep satisfaction and could count up to 400 German partnerships based on his rules.

This is how the two most important cooperative ideas emerged and developed, showing the working peasantry the ways of revival.

Subsequently, as the cooperative movement spread, rural cooperation expanded far beyond its initial tasks. In addition to credit and joint purchases, cooperation began to organize joint sales of the products of peasant labor and often combined them with the processing of agricultural products. Cooperation was also responsible for some special undertakings in cattle breeding, machine use, land improvement, etc.

In its basic idea, each of these new types of cooperation in one way or another followed the principles described in this chapter. However, the new forms of cooperation, its unprecedentedly wide scale, and especially its new tasks that came to the fore, such as some tasks of the state-planned economy, have put forward new ideas for cooperation, which we will present in the final chapters of the book.

Chapter 3. The rural consumer community

We will begin our narrative about different types of cooperative organizations with the rural consumer community.

Among all other types of cooperation, consumer cooperation is the most well known, due in part to the fact that this kind of cooperation is also practically known to all townspeople. It is also known even more so because, until 1921, in the economic life of Soviet Russia, almost all cooperative work consisted of consumer cooperation, and *E.P.O.* [UCC — United Consumer Community] was almost the only cooperative cell in local cooperative work. Other kinds of cooperative movement began to evolve only with the development of a new economic policy and new forms of our economic life. Today the organizers of rural life focus primarily on the following production forms

of cooperative work: dairy, flax, credit and other types of agricultural cooperation. This focus is quite understandable, because these are the sectors that can increase the income of the peasant economy and well-being of the village and ensure the reorganization of farming and animal husbandry on new principles.

However, when focusing on these issues, the organizer of rural life should not forget the consumer cooperative work, because the properly organized co-operation leads to savings from cooperative purchases of consumer goods and provides the peasant with huge savings for improving his economy.

This is especially true now, when in many provinces and districts, even close to Moscow, our lack of cooperative skills and organization allows the private shopkeeper to dominate again. Therefore, the funds, which could be used to increase production and strengthen the peasant economy under a strong cooperative organization, again today increase the profits of private capital.

The figures of the drop in village prices in the very rural hinterland in the years before the war, when consumer cooperatives first appeared there, show how large these profits can be, provided the weakening of consumer cooperation. For instance, in the Stavropol district of the Kursk Province, in the years when consumer shops first opened, prices of tea and caramel fell by 10 percent; of sugar — by 13; of matches and buckwheat — by 20; of biscuits and rice — by 15; of lemons and other snacks for tea — by 25; of vinegar and herring — by 25; and of yeast and soda — by 50, i.e., by half. And this happened at such a brisk place in the Kursk Province where it is not difficult to get to the city. We see a quite different situation on the outskirts. What was done by cooperation in the Cherdynsky district of the Perm Province can be called fabulous. [Dmitry] Bobylev, who studied the Perm cooperation, pointed out that with the development of cooperation, the prices changed in the following way: the price of sugar fell by 60 percent; of kerosene — by half; metal scissors, the price of which is 60-50 kopeks, cost up to 1 ruble 20 kopeks; velvet, which costs up to 3 rubles, was sold at 7 rubles. However, the prices for different little things, especially of nails, increased the most. As soon as consumer shops opened in the district, everyone began to buy goods on average at half price. Bobylev calculated for the Cherdynsky district that, thanks to cooperation, an 800,000-rubles purchase of peasant economies would save them 400,000 rubles, i.e., an amount that exceeds all local and state taxes and leaves a huge sum of money for the improvement of the peasant economy. In recent years, there have been many equally good examples, when consumer cooperation supported by the state has repeatedly prevented the frenzied speculations of private traders by fixed moderate prices.

These are the results of cooperative work in the districts where consumer cooperation confidently stands on its feet.

As the above example shows, consumer cooperation provides the population with large savings and, thus, has a great industrial sig-

nificance, because it allows the conversion of these savings into agricultural machinery, livestock and improved seeds. This is the consumer cooperation's deep "production significance".

However, it should be noted that there are no other cooperatives that are so much in danger of perishing as consumer shops. They are the weakest cooperatives. They are weak not by their foundations established by the Rochdale weavers, but by the fact that members of the consumer shop often forget their cooperative interests and break cooperative rules.

Moreover, consumer shops more than any other have to withstand a heavy rural struggle with shopkeepers and small traders. When opening a credit partnership or a dairy cooperative in a rural municipality, we add to the local economy new sources of income, which were not previously available and can now be used to varying degrees by all local people. And by ensuring incomes for many people, we do not make enemies.

The situation is different in consumer cooperation. The consumer shop immediately makes enemies among local shopkeepers. Its struggle is for life and death, and cooperation triumphs only if it manages to completely oust shopkeepers completely. Therefore, it is no wonder that the latter use all their influence and money to undermine cooperation and turn local peasants from it. Often cooperation fails, because its members do not buy goods in their own shop and prefer other shops.

However, no matter how many consumer shops fail, if we consider the reasons of failure, we will see that they are not the rules of cooperation but the cooperator himself who is not responsible and does not follow these rules.

In Russia, already in the 1860s, after the peasant liberation, there were first attempts to spread consumer cooperatives, but they were established in cities among workers and petty officials. For instance, in 1878 in Kharkov, there was a large consumer shop that even had relations with cooperatives of Western Europe and sold English cooperative cloth. When time passed and the wave of broad social interest had subsided, consumer cooperation was forgotten, and, only in 1897 with the first normal charter of consumer cooperation, did its new development start. However, before the war, consumer cooperation was growing slowly, and only during the revolution did it quickly develop and acquire exceptional power.

What rules do we have for cooperatives, and how do we establish a cooperative shop? We need a few peasants who clearly understand the benefits of consumer cooperation and wish to establish a consumer community for themselves and their fellow villagers. The founders should draft and adopt the charter of the consumer community. A standard charter can be found in any cooperative union. The signed charter is sent for registration according to an established order, and the consumer community can start its activities.

In the previous chapters, we have already mentioned the main differences between a consumer shop and a commercial enterprise. Let us consider how these differences are presented in the charter.

For greater clarity, let us compare the organization of a consumer, cooperative community with the organization of a private, joint-stock company that sells the same goods. Suppose that some people have agreed to contribute their shares, formed the capital, and begun to trade. The number of shares was fixed and limited, and our partners, while trading and receiving profits, have no longer accepted anyone into their company, because any increase in the number of shareholders would reduce their profits.

In the consumer shop, the number of members and shares is unlimited: every worker has the right to demand to be included in the consumer union, and the more members, the stronger the consumer community. This is the first difference.

Furthermore, in all private enterprises, the right to vote and the right to influence the course of the enterprise always correspond to the share contributions: if one partner contributes a large number of shares and another partner contributes a small number of shares, then the former has more influence over the activities of the trading company than the latter, according to the capital contributed. The situation is completely different in a cooperation, because its every member, regardless of the amount of money contributed — 10 or 100 rubles, has one vote.

The biggest shares in the consumer community are small, usually no more than 10 rubles. Therefore, everyone can become a member of the community, especially because shares can be paid by installment. However, it is highly desirable that the wealthy members contribute not one but two or more shares, which will significantly strengthen the consumer community. Nevertheless, as we have already learned, the profit is distributed not by shares but by purchases.

Thus, in a trading company, the capital is the owner, and it makes profit on the consumer, whereas in the cooperative shop, the consumer is the owner. He unites with other members of cooperation and, thus, makes the capital to serve his consumer needs.

Let us now consider the structure of the consumer community.

According to the recent decrees about consumer cooperation, its membership is completely voluntary and accessible to all.

The activities of the consumer community are managed by a general meeting of all members. If there are too many members, then they are managed by a meeting of authorized representatives. The meeting solves all key tasks and elects the board that manages all activities of the shop. To control the work of the board, the general meeting elects a special audit commission, which monitors the correctness of the board's work. It is the responsibility of the board to develop a budget, obtain working capital, purchase all goods, set sales prices for goods, and, finally, to carefully keep records and books.

To sell the goods at prices set by the board, every consumer community hires a responsible clerk with whom it signs a detailed contract on how the goods should be stored and sold.

As practice has shown, to be successful, the consumer community needs at least 100 members. With a smaller number of members, the consumer shop cannot pay off: usually a shop of 200 members has approximately 8-10 thousand rubles of turnover, and its capital has time to turn over approximately ten times per year.

Therefore, such a store, with a 10-thousand-ruble turnover, needs at least 1,000 rubles of capital. In other words, if the peasants who established the consumer community do not want it to constantly suffer from lack of money and owe suppliers, they should collect 1,000 rubles as its share capital. Every consumer should contribute shares in the amount necessary to supply the consumer community with goods. If I buy products for 200 rubles at the consumer shop, of which half is bought by the consumer community for cash, then under the nine-fold turnover of capital per year, I have to contribute ten rubles to the consumer community capital share.

When the necessary capital has been accumulated and the responsible clerk has been hired, the board should take care of purchasing goods. The consumer community entrusts purchases to one of the members of the board, the "purchaser". He acquires most of the goods from the city Cooperative Union (textiles, flour, tea, sugar, etc.), but finds it much more profitable to buy good local products at home (sauerkraut, dried mushrooms, meat, handicrafts, etc.).

What goods and how many of them should be bought? The answer to these questions is given by buyers. Obviously, the consumer shop must have the goods that the consumer who created it needs — the goods that he needs for everyday use in his household. Therefore, the range of goods in the city consumer shop will be different from the village shop, because the needs of townspeople are different from the needs of peasants. The city shop in workers' quarters will sell one range of goods, whereas the city consumer shop organized by wealthy townspeople will sell another range of goods. A village shop in the Poltava Province is unlikely to sell bread and cereals, because its peasant members have a lot of them. But, in the villages of the Moscow Province and Vladimir Province, bread and flour are very important products because peasants do not have enough bread for the winter.

The board should have in the shop all the basic products for which there is a constant demand among its members. Certainly, it is desirable to simplify the situation and to not have too many varieties of goods. At the same time, it should be remembered that, unfortunately, our peasants' cooperative consciousness is still not strong enough, and the private shopkeeper can ensnare the peasant from the cooperative with goods that are more to his taste. Therefore, the cooperative shop should have a more or less diverse range and such goods

that, despite being to some degree luxuries, are sometimes used in a peasant's everyday life — artfully painted cups, scented soaps, expensive sweets, etc.

How many goods should be bought? The amount of goods should correspond to the demand, so that they are always necessary goods. At the same time, one should not create stocks that are too large, because the cooperative needs capital that is taken out of turnover, which determines considerable losses for the community, i.e., constrains its already meager funds.

If the product can always be bought at a cheap price, it should be stocked in the smallest amounts. If it is difficult to find some goods or you need to go far to buy them, then you should willy-nilly acquire large stocks of such goods.

Large stocks should also be made for goods the prices of which fluctuate during the year (hay, oats, etc.). Their stocks should be made at the lowest price, and the stocks should be stored in the shop and warehouse.

The shop should be well equipped. There should be a basement with ventilation, a cellar for perishable food products, and all sorts of other warehouses; there should be scales, a counter, cash register and cabinets with shelves for goods. The goods should be put on shelves not randomly but reasonably: the most saleable articles often demanded in small quantities should always be at the clerk's hand so that he does not need to rush from corner to corner to get them. The goods should be presented neatly and beautifully to make a good impression on the buyer. The shop should be clean; its walls should be decorated with cooperative posters. The price of goods in the shop should be set before they go on sale.

The price is set in the following way: first, the goods are weighed and counted, and their future shrinkage taken into account; the weight and losses determine the purchase price of the pound, *arshin*, or piece. Then different overhead expenses are calculated — for keeping the shop and its staff, the interest on capital if the goods are bought on credit, and the profit wanted from these goods.

If the goods are saleable, the capital turns over quickly: the goods were bought today and are sold tomorrow or the day after tomorrow, so the charge should be small. For instance, if we charge two kopeks per ruble for bread with a daily turnover of the capital, then for the year of 250 trading days, the gross profit will be 50 percent.

If the goods are unmarketable and turn over only twice a year (perfume, paper, etc.), then the overhead charges should be significantly increased. For instance, if with the capital turnover is twice a year, and we add at least 10 kopeks per ruble, we will get only 20 percent of the gross profit from which, to calculate the net profit, we will deduct the overhead expenses for keeping the shop and its staff.

Moreover, charges are high for the goods that are perishable or luxuries. The charge increases if, due to a profitable purchase, the

calculated price turns out to be much lower than the regular retail price.

The goods with set prices go on sale. However, it is often necessary to change the prices. The prices grow when there is a shortage of goods and the product increases in price in the market. The prices fall if, for some reason, the goods are not saleable and threaten to form large stocks, thus, burdening the warehouses of the consumer community. In general, large stocks in the consumer shop harm trade, so, if there are large stocks, it is better to sell them at a cheap price, even at a loss, than to let the current assets rot in the goods stuck in the warehouse.

For good trading, it is of great importance to ensure the right order, convenient hours for the consumer, and other seemingly insignificant terms of sale. If the board ignores them, it can disperse its members, who will find it more convenient to buy goods in a neighboring private shop.

We have already talked a lot about the distribution of profits from cooperative trade. Now we stress that when distributing profits between members of the consumer cooperative, the board should carefully calculate the cost of the purchases of all its members. The need for such records complicates the calculation and gives the counter-men a lot of work.

The cooperative practice shows three ways to calculate the purchases of cooperative members. The first and the most troublesome is to record all purchases in the special clerk's book and on the membership card of every consumer. The second way is much simpler: at the time of payment the shop cashier gives each buyer special stamps for the amount of purchase. The total purchase of all members is calculated by the number of stamps given, and, at the end of the year, every member presents all his stamps received for individual purchases so as to calculate his purchase contribution. The third way is very beneficial for cooperatives and is called "advance payment". Every buyer pays some amount of money to the shop in advance and receives a check-book with tickets-checks for different amounts. When shopping, the buyer pays not with money but with these checks. Thus, the amount of advances paid is the total cost of purchases minus the unspent checks.

When the annual profit is calculated, a part of it is used to pay off the shop itself and its equipment. Another part is divided among the members of the consumer community, as we have already learned, according not to share contributions but to purchases in the shop. Suppose the calculations show that the profit for every 10 rubles of purchases is 2 rubles; during the year you took goods for 50 rubles, so you get 10 rubles; if you took goods for 100 rubles then you get 20 rubles. Thus, you use profit not as a representative of the capital invested in shares but as a consumer.

When dividing profits, there is often an interesting question. In most consumer shops, the goods are sold to everyone interested.

Therefore, the buyers of the consumer shop are not only its members but also outsiders. The goods sold to them bring a profit. The question is how to distribute this profit. Certainly, non-members will not receive profits on their purchases; so the profit from a free sale goes to the benefit of community.

However, can we say that in such a way the community profits at the expense of outside consumers? We think that this cannot be said. According to the charter, everyone can join the consumer community, and its task is to ensure that the residents of all neighborhoods become its members. To attract them, it is necessary to ensure that each person joining the community clearly understands its benefits.

If non-members of the community could make a profit too, then what would be the point of becoming a member of the partnership: why pay fees, why buy shares, why watch and enter the board or revision commission, if you can profit from cooperation without being its member? The fact that no free buyer can profit from cooperation is determined mainly by the intention to make all free buyers become the members of a consumer community.

The profit collected from outside buyers is often used for cultural-educational purposes and to popularize and promote cooperative ideas, i.e., to attract new members to cooperation. It is this desire to make everyone a real participant of the common cooperative business that is one of the most important features of cooperation.

If the capitalist buys stock of some trading company, it is important for him to get the highest return on his shares, although he can have absolutely no interest in the business itself. Despite receiving a return on shares, he can never visit the joint stock company in which he has shares, and he cannot even know where it is located.

In cooperation, the situation is completely different: it is a common business, and it needs to be monitored by the public; thus, every member of the consumer shop is morally obliged to participate in this public control. A member who is not interested in the work of the shop is a bad member: every disruption should interest him; he must watch everything; and often the consumer shop arranges the shift duty of its members. Such constant monitoring is necessary to ensure that the common business really pursues common benefits.

The cooperation's attitude to various fakes, falsifications, admixtures to, and spoilage of products is also quite different from the private trade. Many shopkeepers benefit from spoiling their products by adding sand to flour, water to milk, etc., because they get profit from such admixtures. However, they cannot be beneficial to the members of the consumer shop, because the profit here is distributed not by the number of shares you have but by the amount of goods you buy per year. If by admixtures you get a higher profit, then you will also eat more sand and more water added to your food.

If you want to eat sand and water for the sake of greater profits, you will falsify products, but every consumer will probably refuse

such profit. Thus, the very essence of cooperative work makes falsification impossible, because it will immediately affect interests of all consumers as the owners of the common business.

Moreover, every trader, if he correctly understands his interests and wants to make a big profit, should keep in secret the prices at which he buys products, the places and companies from which he gets the goods profitably, and hanging and combinations of goods that increase their profitability. This is because, for his own profit, it is necessary to deprive his competitors — neighboring shopkeepers — of all the benefits that he enjoys.

The cooperative shop does not need to keep secrets because it has no competitors. Its members-buyers, if they correctly understand the common business, cannot go to a private shopkeeper after being lured by some bait. If the cooperative shop is bad, if its work does not get better, its members should rather reorganize it than run to neighboring shopkeepers to buy goods from them.

Therefore, in a private shop, traders strive to keep useful information only for themselves, but in cooperation, all good ideas realized in one shop become known to all other shops, and, thus, everything useful and indeed good gets widespread.

Recently, when cooperators-consumers want to achieve a larger turnover and to save more on overhead costs, they quite often do not organize small rural shops serving one or two villages. Instead they unite the population of dozens of villages in the consumer partnership, and, to serve these villages, they open not one but a whole network of shops of the same consumer community. Such large consumer associations, unlike petty ones, are called multi-shops.

Although the above-described small consumer community, not to mention the multi-shop, has a many times larger turnover than the peasant family, after eliminating a small trader it cannot buy all goods first-hand in large lots. In other words, a small shop does not achieve the main goal of consumer cooperation by eliminating intermediaries between the consumer and the producer. Therefore, to enlarge their turnover, small, rural, consumer shops create unions to make joint purchases for many tens and hundreds of thousand rubles.

In the USSR, such unions of cooperatives now exist in every district. They also unite in provincial and regional unions, which unite all the Russian consumer cooperations in the Central All-Russian Union of Consumer Communities located in Moscow and having a huge turnover.

This union with a turnover of hundreds of million rubles not only manages to buy all goods first-hand but also has many of its own factories, procurement stations, and other commercial enterprises.

Centrosoyuz [Central Union], as it is abbreviated, helps its members, local unions, and cooperatives not only to make purchases but also to manage the local cooperative work. There is a special instructor department in *Centrosoyuz* whose members study cooperative is-

sues, visit local cooperative unions, help them to keep records, and reveal their mistakes. In contrast, one of the tasks of the non-trading department of *Centrosoyuz* is promotion of the ideas of consumer cooperation. *Centrosoyuz* publishes books, calendars, and booklets on cooperation, and constantly publishes magazines and newspapers.

This is the everyday work of consumer cooperation. However, when doing this seemingly unenviable small work, our rural cooperators should not forget that they are at the forefront of the village struggle against commercial capitalism. The success of their daily work determines the victory on this front. This victory should and can be achieved not by prohibitions or administrative persecution of the private shopkeeper, but only by the power of cooperative organization and the ability to organize the rural commodity turnover better than the private entrepreneur.

Chapter 4. Agricultural and credit partnerships

Agricultural cooperatives are much more important for our village than the above-described consumer partnerships, because they organize agricultural production and help to ensure that in the near future two ears will grow on a spot of ground where only one is growing now. This is the agricultural cooperation's exceptional national and state significance, and it was precisely this cooperation that we meant when we considered the reorganization of our agriculture on the basis of scientific knowledge and large-scale production. This significance of agricultural cooperation makes us pay particular attention in describing it.

The basic unit of agricultural cooperation in the USSR is an agricultural partnership acting on territory that usually does not exceed one *volost*. The agricultural partnership aims to help the peasant economy primarily in its cooperative reorganization. That includes helping in (1) the cooperative purchase of agricultural machinery and implements, mineral fertilizers, seeds and other means of production; (2) in sales of those products of the economy that are produced for sale as commodities; and (3) cheap loans for production purposes.

Besides the above-mentioned main cooperative operations, the agricultural partnership usually organizes repair shops, rental points and grain-cleaning stations, seed plots and breeding grounds, experimental and demonstration fields. In general, it seeks to cooperatively satisfy all the needs of the peasant economy, which technically do not require special organizations with a smaller area of activity.

Let us consider each type of the agricultural partnership's work separately.

We will begin with the description of the work to supply the peasant economy with means of production. In its simplest form, this operation is reduced to the peasants' joint purchase of needed supplies

and implements. When the time for flax sowing approaches, peasants know from experience that the homegrown seeds' yield is always much worse than of the purebred Pskov seeds. Therefore they collect the necessary money by banding together, send their authorized representative to the Pskov village to buy a wagon of good, selected, flax seed of high germination and purity and, when sharing a purchase, also share its overhead costs.

In exactly the same way, when preparing for mowing, a group of peasants can band together to buy some scythes directly from the factory that produces them.

Sometimes the partnership agrees to band together in advance, but takes from its members the earnest money and gets a loan for a few months from the seller of the goods. It settles accounts with its members only after providing them with the ordered tools and supplies.

When the operations of the partnership expand to ensure a sufficient turnover, and, after collecting share fees and making deductions from its purchases, the partnership acquires a more or less substantial public capital, it ceases to work only on orders. It then establishes a permanent warehouse of agricultural implements and machinery, fertilizers, seeds and fodder and keeps for sale all the supplies that the peasant economy usually needs.

The organization of such an agricultural warehouse on a cooperative basis should follow the same principles of the Rochdale pioneers that we described for the consumer cooperation. In other words, the purchasing cooperative should trade at average market prices. At the end of the year, it should deduct profits per ruble given by its members and use a part of the profit to create public cooperative capital or for public agricultural needs. Finally, it should not sell its goods to its members on credit.

We have already described the work of the consumer community in such detail that there is no need to repeat the same about the purchasing cooperation. An agricultural warehouse is organized in the same way as a consumer shop but with the obvious differences determined by the nature of goods that require other storage rooms and equipment.

However, in supplying the peasant economy with means of production, the agricultural cooperation cannot be limited to the purchase of implements and supplies. Cooperation should not be limited to replacing the shopkeeper or trader; the nature of its social-economic tasks makes cooperation enter deeply into the organization of the peasant economy's means of production.

First of all, after providing the peasant with agricultural machinery, co-operation should ensure the future replacement of spare parts and repair. A repair shop or even a network of workshops scattered around the area of the partnership's activities is a necessary part of the machinery supplies. The spring, repair campaigns of recent years

prove the full possibility not only of using one's own facilities for seasonal repairs but also of making special agreements with all mechanical workshops of the district (at factories, railway stations, and so on) to ensure the quick repair of the implements.

Besides the repair of implements in individual use, the agricultural partnership can also organize the joint use of large agricultural machinery — threshing sets, soil-tillers, multi-hull plows, Randall harrows, seeders and tractors. Such joint use can be organized in three forms: 1) by creating on the basis of the partnership a network of rental points scattered around the cooperative's area of activity; 2) by propagating and organizing small machine partnerships that unite one to two dozen householders and have a small set of machines, which the individual, peasant economy cannot afford; 3) by organizing joint tillage and harvesting by mechanical means, i.e., by tractors and complex, agricultural machines.

The rental points of the partnership should pursue a twofold goal: on the one hand, to promote among its members by practical experience the improved machinery and implements; on the other hand, to allow small economies to use the machines that can be repaid only by large economies. With the development of the cooperative movement, the latter task should be transferred to small partnerships scattered around the villages, because all machines should stay near the fields on which they work. For these small machine cooperatives, the agricultural partnership should play the role of a union and a supplier for its rental points of such rarely used machines that cannot be used in small cooperatives: sward-removers, soil-tillers, meadow harrows, up-rooters, and sets for land improvement.

Finally, the cooperative organization of means of production can assume an even more complete character by turning the joint use of implements into joint tillage, i.e., by combining all arable lands of the partnership's members and their joint tillage with complex machines and tractors.

We believe that in the areas of land surplus and extensive grain economy, this method of farming has a great future and will become widespread.

We do not focus on another and even more complete socialization of means of production in agricultural communes and *artels*. There are special courses and books on this important issue of the agrarian policy of the USSR, which is broader than our topic and beyond it.

The partnership should do exactly the same work in the organization of seed improvement as with the implements. The agricultural cooperation in seed improvement aims to solve three tasks: the elimination of weediness, the provision and constant renewal of excellent seeds to households, and the improvement of old varieties and the introduction of new ones. Moreover, all three tasks should be solved on a mass scale, because their very nature allows their solution only in this way.

The struggle against the weediness of fields should be waged not only by supplying peasants with purchased seeds but also by putting all peasant seeds through special grain-cleaning stations established by the partnership. Made aware of the benefits of sowing clean seeds, peasants will willingly bring their seeds to the grain-cleaning stations equipped with different kinds of sorting facilities, triers, cockle-separators, etc.

Peasant seeds, especially flax, often reach 15-20 percent weediness, which makes their cleaning exceptionally profitable for the economy. However, it is necessary at all grain-cleaning stations to promote other purely agronomic measures to fight weeds (for instance, by plowing fallow land, etc.).

The second task of organizing seed improvement – constantly supplying peasant households with excellent seeds – becomes an increasingly important measure that will gradually reduce the peasants' use of home-grown seeds – non-purebred, mixed, and constantly degenerating. In the future, all work with seeds of some crops should be limited to special seed farms with special conditions of purebred production that will supply all agriculture with seeds. The organization of such farms, the testing of different varieties of seeds, and the selection of new varieties is the third task of agricultural cooperation in seed improvement.

However, it should be noted that today in many regions of the USSR, we still witness large under-crops, the reduction of some crops due to the lack of seeds, and intermittent crop failures. Therefore, a simple mass transfer of seeds to the regions with shortages is the primary task of agricultural cooperation.

The organizational work of the agricultural partnership in seed improvement and machinery supply can be adopted in other areas of supplying activities: delivery of fertilizers, pest control agents, etc.

When considering all the operations of the cooperative supply, one should remember that they not only allow to save on purchase but also pursue the much broader task of the most perfect organization of the means of agricultural production on a mass scale and in public form. This is the difference between purchasing cooperation and consumer cooperation, which does not solve agronomic tasks.

Cooperative work in the organization of the means of agricultural production with a persistent, year-to-year plan of compliance opens exceptional perspectives. In five to ten years, it can free the village from backward implements, buildings, and seeds by completely replacing them with the best ones technically. A significant number of complex, large machines and buildings should remain in public use.

These are the supply tasks of agricultural cooperation, but its tasks in the sales of agricultural products are even more significant and important. However, because not only agricultural but also other special cooperatives take part in sales, we believe it is necessary to consider sales cooperation separately in a special chapter.

Therefore, when speaking of the further work of the agricultural partnership, we will focus on the most important part of this work at the present time — small loan operations. We have every reason to consider the restoration of cooperative credit as one of the most important tasks in the development of our agriculture.

During the war and the revolution, the peasant economy has considerably worn out its production equipment. There are not enough horses, cattle, and pigs, and, in many areas, flocks of sheep have been nearly destroyed, and, in some places, there is a huge shortage of equipment. However, even if the means of production of the peasant economy were now the same as before the war, we would consider them insufficient. Our task is not to restore the previous, three-field farming but to create a new agriculture based on new technology and organization.

Such a new agriculture requires more and more financial costs. Now we plan a number of major agronomic reforms. And it is necessary to clearly understand that each of these reforms primarily requires new expenses.

The still weak, peasant economy cannot save money from its meager income and has no source to obtain money. Thus, the only way to satisfy this financial need is to get help. For its development, agricultural production needs loans, and the long history of crediting in the village shows that these loans are possible only on the Raiffeisen principles, which we have already considered.

This credit is so important for the developing agricultural country that, for example, before the war in Russia, credit cooperation was the main branch of the village public works. All other activities of cooperatives were in addition to credit in the small cooperatives.

Today, due to the lack of a stable monetary unit until 1924, credit operations within agricultural cooperations are still underdeveloped, and the main cooperative network consists of general agricultural partnerships. However, this does not reduce the value of cooperative credit. According to the charter, the agricultural partnership can conduct credit operations, and we have no doubt that in the coming years, cooperative credit will be among the key branches of cooperative work.

We will try to study in detail the economic foundations of cooperative credit and its organization.

According to the Raiffeisen basic principle, cooperative credit is primarily a productive loan. Let us find out what this means for our village. When we speak of a productive loan, we want to say that a peasant who took a loan in the cooperative does not spend it on a fur coat or tea and sugar but on economic turnover and, moreover, on such a turnover that ensures an income sufficient not only to repay a loan with interest but also to make a profit for the economy.

A few examples will explain this idea. Suppose that a peasant does not have oat seeds and does not have money to buy them. He takes

a loan of twenty rubles, buys forty *poods* of oats and sows them. In the autumn, he gets a 180-*pood* yield, which he sells for ninety rubles, so he easily takes twenty rubles to repay the loan plus two rubles of interest and retains sixty-eight rubles for his labor and other costs. Thus, the loan is fully secured by the expected harvest and is easily repaid by its sale.

Let us consider another example. Due to the very large yield of grass, the peasant gets 600 instead of 400 *poods* of hay. To feed his two heads of livestock, 400 *poods* are sufficient, but to sell the excess 200 *poods* is not profitable, because, under the large yield, the price for hay fell to fifteen kopeks per *pood* and is not recouped in harvesting. The peasant takes a loan of 100 rubles to buy a second cow with an autumn calving. During the winter, the cow eats 200 *poods* of hay and gives eighty buckets of milk, which the peasant sells to the dairy for 120 kopeks per bucket; therefore, he gets ninety-six rubles. In the spring, he sells a cow for the same 100 rubles. From the revenue, he pays ten rubles of interest and gets eight-six rubles for fodder and labor. If he had sold hay in the autumn for fifteen kopeks, he would have received only thirty rubles for hay. But he took a smart loan and used it in the production turnover, which allowed him not only to repay the loan easily but also to increase his income by fifty-six rubles.

In this example, the loan was secured primarily by using the money for buying a cow, the sale of which always repays the loan, and the payment of interest on the loan is justified by the correct calculation of the difference between the cheap price of hay and the more expensive fodder at the cooperative dairy.

Despite some differences, the examples are very similar. Let us consider a third example that is somewhat different from them. In the autumn, the peasant needs money for his family's food and has the opportunity to sell 100 *poods* of oats at low, autumn prices — fifty kopeks per *pood* or fifty rubles in sum. He considers this revenue to be too small, so he brings his oats to the cooperative warehouse to get a loan of forty-five rubles to support his family during the winter. In the spring, the price of oats rises to seventy kopeks per *pood*. The peasant sells his oats in May, earns seventy rubles, of which he pays the forty-five rubles of loan plus four rubles of interest, and gets eleven rubles of profit. At first glance this loan seems purely consumer but, in fact, it is based on the correct economic calculation of the use of the seasonal price difference and is reliably secured by 100 *poods* of oats harvested.

In all three examples, the economic turnover ensured by the loan did not exceed six-eight months; the loan was taken for the same period and can be called a short-term loan.

A loan taken for the economic turnover of several years is somewhat different. Suppose that our peasant needs to drain his meadow, which is waterlogged and produces only 120 *poods* of hay from three *desiatinas* [1.093 of hectare]. Digging ditches, laying down the fas-

cine drainage, levelling the hillocks, plowing and sowing a mixture of herbs, besides the peasant's own work, would cost 210 rubles or seventy rubles per *desiatina*. As a result, instead of 120 *poods* from three *desiatinas*, the meadow gives 330 *poods*, i.e., 210 *poods* more, or, at the price of forty kopeks per *pood*, eighty-four rubles more than before the reclamation. Taking into account the increased costs of the larger harvesting per *desiatina*, we can be sure of the increased income of seventy-five rubles from the meadow's reclamation. Certainly, despite the profitability of reclamation, the loan of 210 rubles taken for it cannot be repaid from one year's income, and it is necessary to distribute the payment on the loan over at least four years. Thus, the loan should be taken for at least four or five years, i.e., this should be a long-term loan. Calculation of the land reclamation costs proves that this loan is quite secure by the increased income from the meadow.

The above examples show perfectly, on the one hand, the benefits that the peasant can get from the proper and reasonable use of a productive loan, and, on the other hand, the grounds for the creditworthiness of the peasant economy, which constitute the small production loan based on the Raiffeisen principles. It is not without reason that in the countries with developed cooperative credit, investments in Raiffeisen partnerships are considered the most reliable ones!

Thus, having identified the economic essence of cooperative credit, we can now consider its technical organization.

The crediting procedure in agricultural partnerships is usually as follows: every member of the partnership who wants to get a loan provides the cooperative board with the information about himself and his economy, such as the number of buildings, equipment, livestock and the size of arable land. This information should be checked to become the basis for issuing loans together with the evaluation of the peasant's personal qualities, his work capacity, ambition, and conscientiousness. The partnership decides on the extent to which it is possible to give a loan to this peasant without risk. Before the war, the average open credit to a member of the partnership was about eighty rubles.

If the partnership has approved giving credit to the member of the cooperative, then, if he needs money, he can ask the cooperative board for a loan by indicating in his application the purpose of the loan, its size, and maturity date. The purpose of the loan should be productive and loss-free, its size should be consistent with the purpose, and, if possible, not exceed the open credit limits, and its period should not exceed six months. A loan for longer terms can be provided only if the partnership has special capital for long-term loans and for a special order.

If the partnership has cash and the peasant's request is economically reasonable, the loan is issued in full or in part, and the interest is deducted in advance for the period declared in the application.

For instance, if a peasant gets a loan of 100 rubles for six months at twelve percent per annum, then he actually receives only ninety-four rubles but should repay 100 rubles.

The loans are issued under a three-fold collateral: 1) the personal trust of the member receiving the loan, 2) the guarantee of some other member, 3) security of the product or livestock.

Personal trust is enough for relatively small loans indicated at the opening of credit. If the requested loan exceeds this amount, it is issued only if some other member of the partnership gives his guarantee for its return. Under such a guarantee, in case of non-payment, the money is collected primarily from the debtor, and only then from the guarantor, if the debtor cannot repay the loan. It should be noted that, when opening credit, the partnership should set not only the maximum size of the loans available to the member under personal trust and guarantee, but also the size of the loans that this member can guarantee for others.

The amount of a loan issued on bail should correspond to the collateral and be no more than $3/4$ or $2/3$ of it. Products of agriculture can be accepted as the security of the borrower — bread, flax, leather, etc., or cattle. The pledged agricultural products are usually transferred to the warehouse of the partnership, which often organizes their joint sale; the pledged cattle stay in the stable of the owner but become “prohibited”, i.e. the owner is deprived of the legal right to sell, give away, or take these cattle anywhere without the special permission of the cooperative.

The loan can be issued both in money and in kind in the form of a warrant for the warehouse of the partnership. Such an issue of agricultural machinery, fertilizers, seeds, and other things does not violate the Rochdale principle of trading only for cash, because the necessary amount of money is immediately transferred to the account of the warehouse from the credit department of the partnership, which constitutes a cash payment. Thus, this is a combination of two types of operations — purchase and credit.

Because the loan is provided and the borrower gave a debt receipt to the partnership, its board has the right to check if the money was used for the specified purpose. If the borrower lied, the partnership can demand an immediate return of the loan and exclude an unscrupulous borrower from the partnership. If the economic turnover for which the loan was taken is not over by the time of the repayment, or if the calculations of the borrower were not fully justified, he can ask the board to defer payment. After careful consideration of the circumstances and validity of the request, this can be allowed for usually no longer than six months.

If the borrower delays return of the loan for a few days without notifying the board, a special penalty is imposed on him for each day past due.

This is the crediting technique of credit cooperation.

Where does the partnership get funds for issuing loans to its members? These funds consist of 1) the fixed capital of the partnership, 2) the reserve capital of the partnership, 3) some special capital, such as long-term, loan capital, 4) the partnership's loans for different periods, 5) public deposits transferred to the partnership on different terms, and 6) the money saved by the partnership for different periods. Let us consider each of these sources separately.

The fixed capital can sometimes be made up of the share fees of members of the partnership, but, according to the Raiffeisen principles, it is usually borrowed as a long-term loan, which is gradually repaid by annual deductions from the partnership's profits. Such a method of accumulation ensures that, in a few years, the partnership will turn the fixed capital into the social capital accumulated in the course of its activities.

Today in the USSR, there is no final procedure for small credit organizations to accumulate fixed capital. However, it is most likely that the Central Agricultural Bank of the USSR will take the responsibility for financing the fixed capital of agricultural partnerships and will rely on local agricultural credit communities and local cooperative unions.

The Agricultural Bank as the center of all agricultural crediting should devote a significant part of its work to issuing all types of loans to the peasant economy through cooperatives. Issuing loans for the fixed capital of local partnerships should become the main bank's activity because of the simplicity of this work, on the one hand. On the other hand, only this bank can solve this task on a mass scale with the help of large and long-term state funds. In all likelihood, a part of state savings banks' funds and some insurance capital will be used to finance cooperative credit.

The reserve capital is accumulated by the partnership gradually — by deducting a part of profits — and serves as collateral for all the obligations of the partnership and as a source to pay accidental damages.

Special capital for different special purposes is accumulated either by special loans or by deductions, fees, and even donations. When it is already on the accounts of the partnership, special capital can be temporarily used for credit purposes. A special long-term loan capital can be used for direct crediting, and its accumulation is extremely important because of the very acute need of our village for long-term loans.

Loans are taken by the partnership when there is a lack of funds: usually these are short-term loans from other cooperative organizations, local banks, and even individuals. Provided the proper organization of the partnership's activities, such loans should not play an important role in its funds, because this is the most disadvantageous and expensive form of getting money.

The main source of funds for the cooperative credit should be the community itself, i.e., the peasants — both members of the partner-

ship and all willing local people — should turn their available funds into the partnership's deposits. Under the developed and trusted cooperative movement and during the noticeable well-being of the population, the inflow of deposits to cooperative partnerships is usually so great that it ensures their crediting work.

When people are convinced of the strength and complexity of cooperative organizations, they usually transfer to them at a quite low interest rate all their savings "for a rainy day", which were previously stored in thrift-boxes, stockings, and chests. People make deposits from spare cash that they cannot invest more profitably for some reason, and they temporarily make deposits from their working capital if it is not needed for production purposes for several months during the dead season.

Deposits can be time and non-fixed/on-call. If the person has a non-fixed deposit, he usually pledges to inform the board of the partnership a few days before he will reclaim it, and, in the case of a large deposit — a few weeks before reclamation, so that the sudden withdrawal of a large sum will not damage the partnership's business.

The amount of deposits made by the member of the partnership is kept secret. They can be recovered or prohibited to be used only by order of the judiciary.

The interest paid by the partnership on time deposits cannot be changed before the maturity of the deposit. The interest on on-call deposits can be changed any time by a resolution of the board.

These are the sources of funds for the crediting work of the partnership.

To finish the description of cooperative credit, we should focus on the very important circumstances of crediting work.

1) When considering the crediting activities of the partnership we said nothing about how the interest rate on its loans is set. We could not explain this without having described the sources of the partnership's funds. Now we can indicate that the interest rate on loans is determined entirely by the interest rate at which the partnership can get funds as loans or deposits. Having received the funds for deposits, for instance at eight percent per annum, the partnership adds to this interest another two or three percent to pay the board members and to create profit, and issues loans at ten or eleven percent per annum. The difference between loan and deposit interests is called "percent stress", and, in a well-developed partnership, it should be as small as possible. Profits and funds for salaries of the board should be increased not by higher "percent stress" but by the growing credit turnover.

2) When issuing loans, the partnership has to take into account not only the available amount of cash but also the terms on which they were given. Four-month deposits cannot be given for seven months, because, when the time comes to return the deposit, there will be no

way to get this money from the borrower. In other words, the terms of loans should always more or less correspond to the terms of deposits and taken loans, because any disparity can put the partnership in an extremely difficult situation.

3) The distribution of profits from credit operations deserves special attention. Because credit partnerships have no shares, their members cannot receive profits on shares. Similarly, there are no profits on the credit or deposited ruble, which is typical for other cooperatives. All profits of the cooperative credit are usually turned into social capital. Before the war, usually in credit partnerships, forty percent of profits were deducted for the fixed capital, twenty percent for the reserve capital, and the remaining forty percent for the various agricultural and cultural needs of the local population and sometimes also for special capital.

In short, this is how the cooperative credit works. If you take a deeper look at this work, you will easily see that the cooperative credit is much more important than just helping individual economies. As credit cooperation develops and strengthens, it inevitably absorbs all the spare cash of the village as deposits and supplements them with public funds and capital received from the banks. Thus, a credit cooperation makes loans cheap and accessible for every peasant and introduces them into ordinary life. In agriculture, just as now in industry, most of the working capital will be invested and borrowed mainly from cooperatives. Dairies and potato-grating plants, stud farms, machine and grain-cleaning stations, mills, and other cooperative facilities will be built and organized on cooperative capital, in these cooperative buildings and all sales, purchases, and processing operations will be implemented on the same cooperative capital. In other words, provided the wide scale of all the above-mentioned operations, we will see a gradual cooperative socialization of all capitals in agriculture and in the marketing of agricultural products.

Contemporary capitalism is usually called financial, because its main owner and organizing and leading force is the bank capital, which finances industry and trade and provides funds for their entire turnover. Provided the development of cooperative credit and a powerful inflow of funds to the peasant economy with its help, the financial capital will gain a governing and all-determining role in the countryside. However, this capital will not be the capital of bankers but rather public, cooperative, and state capital.

The above considerations give an entirely different connotation for the modest work of our cooperative partnerships. Despite its everyday character, they make it the most important work in the creation of a new, social-economic system by providing the whole system of agricultural credit — from local agricultural partnerships and their unions to the agricultural bank of the USSR — with an absolutely exceptional value in the socialist construction of our country.

We have already mentioned the benefits of cooperation for peasants in getting cheap loans and purchasing goods. However, cooperation is even more beneficial in marketing the products of peasant labor. Those who visited our northern flax fairs before the revolution understood quite well the losses of the peasantry from such sales. When the peasant got to the fair with his flax bundles, his flax was pulled and broken, which confused the peasant. By agreement, dealers beat down the price, defamed the goods, and, finally, gave the peasant short weight on the hop. The flax gathered by the dealers was bought by a county trader and then sold at a wholesale price. It was bought by a foreign company and sent to England or other countries by sea to finally appear on factory spindles.

The peasant was selling flax clean and dry at a cheap price; the factory received it with impurities and damp at a high price. Only the dealers and traders profited. It seemed very easy to send flax directly from the peasant to the factories' spindles, and many Russian public figures have long thought and talked about this. However, it is easier said than done. There were much greater obstacles to cooperation in marketing agricultural products than in purchasing them.

These obstacles were primarily determined by the technical organization of marketing. Consumer cooperatives received their goods from factories and wholesale enterprises as sorted, weighed, and packaged. The marketing cooperation dealt with the raw product and had to do all the sorting and packaging by itself, at first without proper skills and knowledge and only gradually learning the technique.

In the most difficult part of trade — the sales — the consumer society had to compete with the small rural shopkeeper, who was quite weak and did not have much capital. But the sales cooperation selling the goods abroad had to compete with the largest, old companies in the world with huge capital, many years of experience, and excellent knowledgeable employees.

It was difficult for a cooperation to break into the big market, especially because the buyers had become so used to the falsified Russian flax that, at first, they paid the same price for the pure, cooperative flax as for the flax with impurities, because they did not trust its purity. However, after long efforts, the cooperation managed to win the competition and gradually arrange cooperative sales of flax, eggs, and hemp. Perhaps soon we will manage to arrange the mass cooperative sale of bread, to which serious steps have already been taken.

The grounds of sales cooperation are very simple.

An agricultural partnership or a special sales cooperative, which wants to arrange cooperative sales of, for instance, flax, rents convenient warehouses, gets a press for packing flax into bales, invites an experienced sorter, who knows how to work with the fiber, sets the days and hours for accepting the goods, and proceeds to work.

Every peasant, a member of the cooperative, brings his flax fiber to the cooperative, the sorter examines it, identifies its quality, divides the fiber into varieties if it is not uniform, weighs it and, after accepting it, gives the peasant a receipt stating that the cooperative has accepted from him, for instance, “5.5 *poods* of the first grade flax at the price of 10 rubles per *pood*, and 10 *poods* of the second grade at the price 8 rubles per *pood*, i.e., in total 15 *poods* for 130 rubles.” The prices are set by the board of the cooperative according to the market situation and are posted for everyone to see together with the samples of sorting.

The flax accepted from the peasant is sorted in special warehouses by specified varieties and mixed with other peasants' flax of the same varieties. Thus, as they say, flax is “depersonalized”, i.e., each strand of the fiber loses its connection with its owner, mixes with other similar strands, and, in the future, the owner has the right not to the flax that he produced and brought to the cooperative, but only to the same amount of the same varieties of flax or rather to the cost of them.

Impersonal flax is pressed by varieties into bales and goes on sale.

Usually the peasant who brought his flax to the cooperative needs money and cannot wait for the cooperative to find a buyer for his goods, which often takes three to four months. Therefore, the cooperative usually provides the peasant immediately with a loan secured by his goods and constituting 60, 75, or even 100 percent of their estimated price. After the goods are sold, the cooperative takes the amount issued from the proceeds, and the peasant gets all the surplus except for a small commission percentage.

We should never forget that the money given by the cooperative to the peasant for his flax at its acceptance is nothing else than a loan secured by flax and not a payment for flax. We have two operations here — 1) joint sale of flax, and 2) issuance of a loan secured by flax, and not just one operation of purchase and sale. Therefore, if under the confluence of adverse circumstances, the joint sale of flax provides less revenue than the loan issued, and the proceeds from the sale do not repay the loan, the cooperative can and should demand from the peasant payment the loan balance in cash.

Such a payment is unpleasant for the peasant's empty pockets and can determine distrust in the cooperative. That is why cooperatives do not usually issue the entire loan but only three-quarters or another part of it, so that, even in the case of a cheap sale, the loan will not exceed the amount received from sales. This part will increase if the cooperation does well, and if it can get higher prices in the wholesale market than at the agricultural fair.

It goes without saying that, for the sales cooperation that is striving to sell its goods on the largest foreign market, the transformation of an association of small cooperatives into powerful cooperative unions becomes especially important. Only huge batches of flax of different qualities will allow a cooperation to take a strong position in

the market. The larger its turnover, the greater influence it exerts on the level of prices, thus, ensuring the peasant a high payment for his agricultural labor.

In its first years, the flax cooperation united its cooperatives into dozens of unions and merged these unions into its center called the Flax Center. It is the All-Russian Union of peasant flax-cultivators and hemp-producers. It meets all the needs of the flax-growing economy, sells peasant flax for tens of millions of rubles, supplies peasants with good seeds, and leads the entire, local flax cooperation.

Many peasants followed the path of flax-cultivators: for instance, the hemp-producers in the Chernihiv and Orel Provinces, who organized the hemp cooperation; the peasants of the Kostroma and Vladimir Provinces, who organized the sales of potatoes; the cotton-growers of the Turkestan Province, Voronezh Province peasants, who organized the joint sales of eggs, and, recently, steps have been taken for the joint sale of bread.

Thus, it should be noted that sales cooperation does not only increase the incomes of the peasant by selling his products at higher prices but it also has a great impact on the organization of his production. By paying higher prices for good varieties and by informing the peasant of the market demand, a cooperation sometimes makes him change the whole organization of his economy and develop it on new, improved principles. That is why, although at first glance sales cooperation looks just like a trade, we always consider it the first step in the organization of production and call it production cooperation.

However, it should be noted that many agricultural products have to be processed in order to be sold in a good, distant market at a high price. These are milk, vegetables, potatoes, and fruits. They are very heavy and difficult to transport. They become profitable and non-perishable goods only when processed into cheese or butter, into dry vegetables, starch, or syrup and preserves. Therefore, when arranging a cooperative sale of these products, we should, at the same time, arrange their cooperative processing. The model of such a cooperation for marketing and processing is the most widespread type of cooperative — the dairy, the organization of which will be described in the next chapter.

Chapter 6. Dairy artels and other animal husbandry cooperatives

Among all cooperatives, dairy partnerships are of the greatest importance. They are models for cooperation, in which marketing is combined with processing.

The artisanal method of butter making consists of simply settling the milk in wide cans, and about one-quarter of the butter remains in the skim milk and is lost. If cream is separated by a machine — separator, then only 0.01 instead of one-quarter of the butter will be lost,

and the creaming itself will be much faster. Such a transition from manual creaming to a mechanized process allows one to win about ten kopeks per bucket of milk.

The usual milk yield of a good cow is 180 buckets per year, so the replacement of a simple paddle with a separator gives us more than twenty rubles per cow in gold.

It should also be noted that when we use a paddle to make butter at home, we can make only Russian melted butter that is usually quite cheap. Moreover, it is important to note that one *pood* of Russian melted butter requires thirty-thirty-two *poods* of milk. But when we skim the cream off with a separator and use it to make butter, then we can make the best, so-called Parisian butter, which requires only twenty-one *poods* of milk per *pood* of butter and is more expensive than the simple Russian butter.

All these advantages encourage the transition from manual creaming and manual bottle-butter-making to the mechanized method. However, to pay off the separator and other machines necessary for mechanical butter-making, we need to process at least 200 buckets of milk per day or most of the time the machines will stand idle, and their work will cost more than manual processing. Thus, for the dairy to operate quite profitably, the owners have to unite in a partnership with at least 200 dairy cows. Obviously, no single peasant economy can have so many cows, so, to take advantage of machine processing it has to unite with its neighbors. Besides the technical benefits of using the separator, such a union allows peasants to sell their butter not in small amounts through the buyer-up but in large quantities and independently in the wholesale market.

In Russia, such dairy unions first appeared in Western Siberia not as cooperative but as private and industrial. Mainly the foreigners built small dairies that quite profitably sold butter to England and other markets. Usually such dairies had small food shops. In fact, it is difficult to understand how these small dairies survived. They bought milk from peasants and paid for it with their shops' food products. You can guess the prices of these goods. Moreover, the shop often traded on credit at high interest rates, which often determined a much higher profit for the dairy's shop compared to the profits of the dairy itself. However, such small industrial dairies played a great educational role in Western Siberia. They allowed the local population to see with their own eyes that technical improvements and the collection of large quantities of milk led to great profits for the dairy and showed the benefits of a cooperative shop. Such private dairies and small shops determined the development of Siberian dairy *artels*.

The *volost* scribes were primarily the first leaders of the Siberian cooperative organizations. They represented the most intelligent group of the population, read a lot, had connections with Russia, and were the first to talk about the possibility of organizing dairies on a partnership basis. The organizer of dairy cooperation in Siberia, [Al-

exander] Balakshin, began to develop this business. Soon in Western Siberia there were dairies that paid the population forty-fifty kopeks per bucket of milk and managed to take the place of private, industrial enterprises.

Entrepreneurs started the Siberian butter-making industry. Now the population has taken this business into their hands in dairy cooperatives, which, from the very first step, followed the path of the partnership. The well-known Siberian Union of Dairy *Artels* was founded and began to develop rapidly.

Following the example of Siberia, dairy cooperation spread into the Vologda, Vyatka, Yaroslavl, Moscow, and other provinces. Today it seems that we will not find any province without some dairy cooperation.

Dairy *artels* are established by a contract of participants or by a charter and its registration.

The necessary machinery and devices for a small factory to process 200 buckets of milk cost about 600 rubles. The premise can be rented; if you want to build your own factory in the forested part of Russia, it will cost about 600 rubles, so the whole factory will cost between 1200 and 2000 rubles in gold.

A good icehouse is the main expense. A cellar is to contain at least 2000 *poods* of ice. According to the practice, the calculation is very simple — one *pood* of ice per five *poods* of daily milk.

How is the dairy established? Where can we get the necessary 1000-1200 rubles? The separator and other machines can be bought on credit through local cooperatives. The loan is usually issued for nine months, and, if the general assembly of the *artel* decides not to take money for milk until its members pay off their debts and the cost of the dairy equipment, then nine months are more than enough for any *artel* to repay this debt with interest.

Let us consider an example of one *artel* in the Vologda Province. It started business with 165 rubles, and, for nine months, none of its members took money for milk. In a year they had produced 1002 *poods* of butter for fifteen thousand rubles, which allowed them to repay all the costs of the dairy equipment with interest and gave them a huge profit that was divided between shareholders at the end of the year.

What are the organizational principles of the *artel*? They are the same as in the consumer shop. The *artel* also needs capital, and this capital is also exclusively of service. This means it serves the interests of the united owners. All profits are also not included in the dividends on the capital invested but are distributed according to the amount of milk that each member delivers to the partnership.

In most cases, the partnership does not have any shares. Because of the nine-month loans, almost all partnerships were established on credit. However, sometimes the share capital is collected by members. Equipment on credit is repaid in the very first years, and without any initial capital, the partnership is on its feet.

After the organization of the cooperative, the dairy members of the *artel* begin to deliver their daily milk. Their daily milk is weighed and recorded in a special book. At the end of the week the *artel* pays its members for the delivered milk at the prices set by the board.

These prices are set in such a way that the *artel* gets some profit after the sales of products. As was mentioned above, this profit at the end of the year is calculated in the same way as in the consumer shop, i.e., according to the amount of milk delivered by every member of the *artel*. Suppose that we have ten kopeks of profit per bucket, and you delivered 200 buckets of milk this year, i.e. you get twenty rubles of profit. If you delivered 100 buckets, then you get only ten rubles.

When delivering milk to a private dairy, it is in the interest of the peasant milk-supplier to sell milk at the highest possible price under the weekly calculations. However, a peasant working for the cooperative dairy can agree to a small payment for each bucket of milk, because he is sure that he will get the profit from his milk in the partnership: the profit will be used to repay all the factory equipment, and the remaining part of the profit will be distributed between members at the end of the year according to the amount of milk they delivered. Thus, eventually you will receive not less but much more for milk than the private entrepreneur gives.

In other words, the income in the *artel* consists of two parts: the member receives one part weekly and the other part at the end of the year. Which of these parts should be larger? Some say that it is better to receive a larger weekly part, and others say that it is better to get a large amount at once at the end of the year, with which one can do much more than with small payouts.

We think that it is better to make weekly payouts at a low price and, at the end of the year, to pay the resulting profit. This method allows the partnership to always have a large amount of capital in cash for any unexpected extraordinary expenses. If this capital is not sufficient, the partnership deducts one or two kopeks per bucket from weekly payouts and very soon accumulates a large amount of capital.

These are the general principles of the cooperative dairy's work.

In Western Europe, payouts and distribution of income and expenses are sometimes more complex. In fact, concerning dairies, we are interested not in milk but in butter. But if milk is taken from different cows, then the fat content of milk of each of them is different. The Russian cow gives milk with 4.5 percent of fat, and the Western-European cow gives milk with 3.25 percent of fat, although its milk yield is higher. If the cows of the *artel's* members give different milk by fat content, we should change the method of calculation and take into account not the amount of milk but its fat content.

From the milk delivered by each peasant, small amounts are taken as a sample to identify the fat content. Those who have more butter per bucket get a higher price, because the bucket of their milk gives more butter. This calculation is more correct, although it requires the

constant checking of the fat content per bucket of milk. Such checking allows the owner to know for sure which of his cows are profitable and which are not, so he can sell the unprofitable cows and make up his herd of only the most profitable cows.

However, one should not limit oneself to identifying fat content. It is also necessary to know the total amount of milk and of fodder. Sometimes your cow eats a lot of hay, but its yield is small or its fat is very low. Sometimes its yield is large, but the cow is still unprofitable for it eats too much. Sometimes the situation is opposite: the milk yield is small and the cow does not eat much, so the cow is profitable for it gives enough milk for a small amount of fodder.

Today in Western Europe, and after the revolution the same applies to us, to identify the profitability of cows in peasant partnerships, a special clerk called the control-assistant is often hired to calculate milk yields, production of butter, and amount of fodder per each cow based separately on the records and instructions of the owners. Having obtained all these data, the control-assistant calculates the profitability of each cow per *pood* of fed hay. If a cow gives little milk per *pood* of hay, it is unprofitable and should be sold. By rejecting such cows and replacing them with better ones the peasant can gradually make up a herd in which each cow ensures high yields per fed hay.

These calculations are also very useful to identify the cheapest and most profitable fodder for the cattle.

Unions of owners that hire control-assistants for such calculations are called control unions; recently they have spread in Western Europe and now are starting to develop in our country.

Besides control unions, there are also other animal-husbandry partnerships in Western Europe, for instance, the so-called "bull union".

To have a good animal-yield, one needs a bull of a good breed. However, such a bull is very expensive, and the individual owner cannot afford it. One bull can service twenty to twenty-five cows, so a few families can form a partnership to buy a pedigreed bull and have a good animal-yield from it. Such unions are widespread in Western Europe and are of great benefit to the peasantry.

Among other cooperative partnerships that are of great importance for animal-husbandry, we will focus on livestock insurance partnerships.

One of the biggest disasters for small peasant economies is the death of a horse or a cow. In the annual cash turnover of 150-200 rubles, of which three-quarters are spent on the most urgent needs, fifty rubles for the purchase of a new animal are an extraordinary expense. Especially in the months long before the harvest, such a purchase can destroy peasant economic well-being.

Quite often a peasant economy that lost a horse does not have money to buy a new one and finds itself in a painful situation of a

horseless economy, which is difficult to get out of. We believe that every peasant who lost his livestock and cannot afford a new one will be very happy to be offered to buy one on credit for five or six years. We think that no peasant would refuse this, but the problem is that horses and cows are not sold on credit in the market. If this sometimes happens, the trader sets an onerous interest.

Meanwhile, peasants can change the situation in such a way that the money necessary to replace a dead animal would be paid in installments and not in two but in twenty years. This possibility is provided by livestock insurance.

One can confidently say that an economy with one horse will inevitably face at least one unexpected infectious disease and death over twenty years. So, the owner insures his horse just as he insures his house and barn, and pays two rubles per year. In case of a death, he will receive forty rubles from the insuring institution to easily replace the dead, farm animal with a new one. Thus, a heavy lump sum is paid in installments during twenty years.

The profitability of livestock insurance is particularly evident for the Russian peasant economy, whose entire annual cash turnover does not always reach 100 rubles. Therefore, an unexpected lump payment of forty rubles would almost always destroy its economic well-being.

The only question is how can we insure livestock in Russia?

We believe that cooperation can be of much help to the peasant economy here, because its partnership basis has already played an outstanding role in providing the village with cheap credit and in organizing the sales and purchase of the agricultural means of production. So, we think, and the example of Western Europe completely convinces us, that peasant economies willing to insure their livestock can very successfully unite in a special insurance partnership.

In fact, every peasant knows that the herd of 200 cows loses no more than five to eight cows per year, i.e., no more than 400 rubles (certainly, we do not take into account the years of terrible epidemics). If these 400 rubles are divided by 200 heads, we get two rubles per head. If individual owners of these cows unite in an insurance partnership and pay an insurance fee of two rubles per head, the owners whose cows will die this year will get new cows bought by the partnership. If the number of dead cows is less than eight, the collected surplus can form the reserve capital to pay the expenses in exceptional years, when the number of dead animals exceeds eight.

In Western Europe, especially in Belgium, such partnerships have become very widespread and contribute greatly to the well-being of animal-husbandry. Most of them unite in extensive unions that help partnerships in case of an excessive loss of livestock. Such mutual help is possible due to the collected surplus of the partnerships with insignificant deaths in the same year.

In Russia, the first peasant partnerships for livestock insurance appeared before the war in the Vladimir and Ryazan Provinces. We hope that in the future cooperative insurance will develop rapidly.

Besides the detailed analysis of animal-husbandry cooperation, we showed the gradual deepening of cooperation from marketing into production — step by step it penetrated into all its branches, one after another, and introduced the principles of socialization everywhere, where a large form of production has undoubted advantages over a small one, thus, creating new forms of farming.

The value of cooperation in all branches of agricultural production is much more than just a reconstruction of individual peasant economies. By socializing rural capital and the means of production and marketing and by penetrating step by step into the very organization of production, cooperation develops higher forms of large economies in the same way that trusts and financial capital have organized industry in capitalist countries. But it has done so with one difference — our cooperative capitalism from the very beginning had social forms and was under the control of the working masses.

Chapter 7. Conclusion

Our short course on cooperation is about to end. Certainly, in such a small book we could not describe with sufficient completeness all types of cooperation that already exist or can exist. However, we hardly need such a description. We outlined the main principles that cooperative workers use to develop cooperation. We also described such methods and cooperative enterprises that allow peasants to get a better future.

Everyone looking at the vivid rural life and knowing the great principles of cooperation will easily see where and how cooperation can help the peasantry.

In rural life, there are many cases, in which cooperation is a true helper to the working man. The same principles that form the basis of dairy partnerships can be used in processing agricultural products — in drying vegetables, canning, potato-grating, and even sugar production. The same cooperative principle as in the bull union can be applied in the partnership for the joint use of machines. Great cooperative principles can help a lot in the handicraft industry, in land issues, and in soil improvement. Thus, almost all aspects of life can take advantage of cooperation.

Sixteen years ago, in 1908, when Russian cooperators first met at the All-Russian Cooperative Congress, our cooperative movement timidly took its first steps, modestly learning from its foreign fellows — cooperators of England, France, and Germany. Today, by the scope of work, Russian cooperation is the first in the world. There are tens of thousands of cooperatives in all regions of the Soviet Union,

which unite millions of members — peasants, workers, and townspeople: hundreds of unions have linked cooperatives into a single whole and given it exceptional power.

As of January 1, 1924, the agricultural cooperation of the RSFSR consisted of 12,000 agricultural and credit partnerships, 1,500 dairy *artels*, 500 other types of cooperatives, and about 11,000 agricultural communes — approximately 25,000 cooperatives of all types.

The whole cooperative network includes as members approximately 1.5 million peasant economies representing mainly the middle and poor strata of the village. However, in the general mass of peasant economies, the number of economies participating in the cooperative movement is still small — about twelve percent. Nevertheless, in some regions, the cooperative movement is much more successful, for instance, in the Kimry district of the Tver Province or in the potato Shunginsky district of the Kostroma Province, where the overwhelming majority of the local population is involved in cooperation.

To perform large-scale trading operations and technical management, thousands of scattered cooperatives unite in local county or district unions, the number of which is more than 300. For certain operations, especially if they are located remote from the center, these unions form provincial or even regional unions. All this cooperative structure has a common center — the All-Russian Union of Agricultural Cooperatives, or *Selsksoyuz*, and a number of special centers, such as the Flax Center, Soviet Potato, and the very young Butter Center and the Fruit-Wine Union.

In addition to these special agricultural centers, there are three auxiliary co-operative centers: *Vsekobank* (All-Russian Cooperative Bank), *Strakhsoyuz* (Cooperative Union for Insurance), and the All-Russian Cooperative Publishing House. These centers unite not only agricultural but also consumer cooperation.

This is the complex scheme of the current state and organization of agricultural cooperation, which is nothing but a form of economic organization of 1.5 million peasant economies that make up its basis.

All this represents a strange and unprecedented economic power and promises a bright future to the Russian peasant provided... that he will not change his cooperation for the lentil soup of an obliging shopkeeper or dealer, just like Jacob sold his birthright for a mess of pottage.

Russian peasant, your future is in your hands! There is no other way for you to achieve the bright happiness of working life than through cooperation. Know that this way is the only way! To lose it means to die.

In the first chapters of our book, we mentioned that to develop and prosper, the peasant economy should organize its farming and animal husbandry in a new way. Today we see that this new farming, new improved machines, breeding cattle, improved seeds, cheap credit, and profitable sales are accessible to the working peasant only if

he unites with other peasants. Only by relying on the union cooperative principle of the socialized economy can the peasantry use all the achievements of agronomic science in their fields and stalls, in order to, indeed, make two ears grow upon a spot of ground where only one is growing now, shake off the burden of usurers and buyers-ups, and take confident steps to a better future.

We see this better future as a complete reorganization of our agriculture. Certainly, today's cooperative undertakings will develop further and further, seizing newer and newer branches of agriculture to organize new forms of social cooperative production. These cooperative undertakings in the form of auxiliary enterprises will gradually and powerfully develop into the main form of agricultural production, which will introduce large-scale production and mechanization principles wherever they can be advantageous.

Thus, we will see a new and unprecedented form of agriculture based on socialization, perfect technology, and the scientific organization of production. This future makes us consider our work (which superficial observers define as only the sale of butter and purchase of plows) as the future, grand, social-economic revolution that will turn a scattered, spontaneous, peasant economy into a coherent, economic whole and a new system of organized farming. And this future makes us totally agree with the idea of Lenin's deathbed article that the development of cooperation coincides in many respects with the development of socialism.

Пер. на англ. И.В. Троцук

«Краткий курс кооперации»⁵

А.В. Чаянов

Кооперативное движение среди крестьян являлось одним из важнейших направлений научной, организационной и педагогической деятельности Александра Чаянова. Он написал о сельскохозяйственной кооперации десятки статей и книг, провел сотни занятий со студентами в университетах и крестьянами в деревнях, разясняя и обсуждая самые разнообразные кооперативные вопросы. В итоге им была создана собственная концепция возможностей развития сельскохозяйственной кооперации, воплотившаяся в знаменитой монографии «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации»⁶.

Вместе с тем Чаянов обладал талантом страстного популяризатора и пропагандиста кооперативного знания среди самых широких слоев населения. Так, на ос-

5. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

6. На английский язык эта книга в несколько сокращенном виде была переведена и опубликована в 1991 году: Chayanov A. (1991). *The Theory of Peasant Cooperatives*. Columbus: Ohio State University Press.

нове прочитанного им курса лекций на старообрядческих сельскохозяйственных курсах «Друг земли» в Москве в 1915 году он опубликовал брошюру «Краткий курс кооперации», которая в течение 10 лет переиздавалась еще 4 раза, став настольной книгой по кооперации для многих российских крестьян, агрономов, активистов сельского развития.

Чаяновский краткий курс содержит прежде всего ясные и четкие определения кооперации, ее видов, каждая глава курса иллюстрируется популярными историческими и современными примерами кооперативного движения, а также конкретными примерами взаимодействия крестьянских хозяйств и конкретных видов кооперативов.

Эта книга Чаянова одновременно напоминает два великих жанра мировой литературы. С одной стороны, это пропедевтическая «Азбука кооперации», подобно «Азбуке для детей» Льва Толстого. С другой стороны, это политэкономический «Кооперативный манифест», подобный «Коммунистическому манифесту» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, где Чаянов излагает увлекательную картину борьбы российского и международного кооперативного движения за созидание нового справедливого социального мира.

В современных условиях сельского развития чаяновский «Краткий курс кооперации» представляет собой не только исторический интерес, он остается выдающимся образцом единства кооперативных мысли и дела, направленных на улучшение жизни широких слоев сельских тружеников всего мира.

Перевод на английский язык этого произведения А.В. Чаянова выполнен по последнему прижизненному авторскому 4-му изданию 1925 года⁷.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, крестьяне, потребительские кооперативы, кредитные кооперативы, сбытовые кооперативы, молочные кооперативы, кооперативная солидарность

7. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М.: Центральное товарищество «Кооперативное издательство», 1925.

А.В. Чаянов — исследователь трехполья¹

Предисловие публикаторов

И.А. Кузнецов, Е.С. Гришин

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: reytwjd68@mail.ru

Евгений Сергеевич Гришин, руководитель сектора исторической картографии и геоинформационных систем Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Публикуется статья Александра Чаянова (1888–1937), которая впервые вышла в 1910 году в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство». Основу статьи составляет дипломная работа Чаянова, написанная в Московском сельскохозяйственном институте под руководством профессора сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственной статистики А.Ф. Фортунатова. В статье рассмотрены системы полеводства (системы земледелия), практиковавшиеся крестьянами на общинных землях в губерниях Европейской России в конце XIX — начале XX века. Чаянов сгруппировал основные системы хозяйства в пять типов: трехполье, двухполье, пестрополье, переложная и толочная системы. Основными источниками для определения и локализации систем служили материалы неправительственной (земской) статистики и описания систем земледелия, сделанные местными агрономами в ряде губерний. В качестве индикатора, позволяющего определить систему хозяйства, Чаянов также использовал соотношение площади пара и посевов. Это соотношение он вычислял по статистике земельных угодий, которая была собрана Центральным статистическим комитетом в 1881 и 1893 годах в 46 губерниях европейской части России. Результат работы представлен картограммой, на которой обозначены южная и восточная границы преобладания трехпольной системы полеводства. Публикация ориентирована преимущественно на историков, изучающих аграрную историю и творчество А.В. Чаянова.

Ключевые слова: аграрная история, историческая география, трехполье, крестьянское хозяйство, А.В. Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-57-61

1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Статья Александра Васильевича Чайнова (1888–1937) «Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века» впервые вышла в 1910 году в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» (№ 8, с. 691–710) и до сих пор не переиздавалась. В основе статьи лежала его дипломная работа в Московском сельскохозяйственном институте. Диплом I разряда, дававшийся лучшим студентам, подразумевал выполнение самостоятельной научной работы под руководством профессора той кафедры, по которой желал специализироваться выпускник. Чайнов специализировался по кафедре сельскохозяйственной экономики и статистики у А.Ф. Фортунатова. Как видно из письма Чайнова Фортунатову от 4 января 1910 года, тема имела подзаголовок: «Карта и замечания о ее составлении»². То есть предметом и конечным итогом работы мыслилась именно карта с нанесенной на ней границей трехпольной системы, провести которую следовало на основе данных различных статистических источников. Текст, «одобренный профессорами А.Ф. Фортунатовым и Д.Н. Прянишниковым», был готов уже в марте³. Работа стала новаторской и продемонстрировала уровень, достойный публикации в министерском журнале.

В этой статье отразилась, с одной стороны, незаурядная самостоятельность и широта научного мышления молодого Чайнова, сумевшего объединить теоретический анализ систем земледелия с разработкой массива статистики и разрозненных эмпирических наблюдений земских агрономов путем наложения их на географическую основу. Одновременно Чайнов предстаёт верным учеником и последователем своего учителя, несмотря на то, что по одному из вопросов вступает с ним в спор. Школа Фортунатова проявляется здесь не только в тщательности работы со статистикой, но прежде всего в стремлении строго придерживаться индуктивного метода, при котором у читателя не должно возникнуть даже тени подозрения, что автор привносит в эмпирический материал какие-либо априорные мнения или теории — любое утверждение должно быть выводом из эмпирических данных. Чайнов сформулировал эту позицию фразой: «Постараться избежать внесения в построение системы хоть какого-либо следа теории-гипотезы исторического, географического или какого другого содержания, то есть того, что должно явиться во всяком случае последней стадией работы, последней условностью, но отнюдь не ставиться *a priori*». В тексте также заметно подражание фирменному фортунатовскому лаконизму и сжатости изложения. В объёме средней журнальной статьи Чайнову удалось вместить огромный массив информации, причем тщательно продуманной и систематизированной.

2. Чайнов В.А. (2000). А.В. Чайнов — человек, ученый, гражданин. М.: Изд. дом «Дашков и К^о». С. 182.

3. Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 228. Оп. 3. Д. 6657. Л. 11.

Проблема определения и классификации систем земледелия/систем сельского хозяйства являлась одной из сквозных на всем протяжении развития российской агрономической и аграрно-экономической науки. Характерно, что первой докторской диссертацией по сельскому хозяйству, защищенной в России, была книга А.В. Советова «О системах земледелия» (1867). Немалую дань этой теме в разное время отдали А.П. Людоговский, И.А. Стебут, А.С. Ермолов, А.И. Скворцов и другие видные ученые⁴, не остался в стороне от дискуссий и А.Ф. Фортунатов⁵. Отметим, что Чаянов использует понятие *системы полевого хозяйства* (а не *системы земледелия*), присоединяясь тем самым к традиции, идущей от А.С. Ермолова⁶, хотя ссылок на него в тексте нет. Нет у Чаянова и никаких оценочных суждений о достоинствах или недостатках трехпольной системы, как и всех остальных систем. Впрочем, в критике трехполья российская агрономическая литература не испытывала недостатка начиная с XVIII века. К началу XX века в науке существовал консенсус по поводу того, что трехполье является господствующей системой в хозяйстве российских крестьян, притом что оно технически нерационально и бесперспективно. Однако представления о локализации трехполья на территории России оставались весьма приблизительными.

А.В. Советов в свое время очертил ареал трехполья следующим образом: «По сельскохозяйственному атласу, изданному в 1869 году департаментом сельского хозяйства, трехпольная система начинается на севере около 61° с.ш., в южной Финляндии и, подвигаясь к востоку, по берегам озер Ладожского и Белоозера, проходит по юго-западной части Вологодской губернии в Вятскую и Пермскую до самого Уральского хребта. На юге линия трехпольной системы опускается с западной стороны ниже 50° с.ш. до Каменец-Подольска (48° 40»), обнимая губернии Киевскую и Полтавскую, поднимается к Харькову и идет через Воронежскую губернию к Саратову (51° 32»), Симбирску (54° 19») и по той же высоте почти достигает и здесь до Уральского хребта. Из этого громадного пространства, обнимающего около 13° широты, надобно исключить только Остзейские губернии, где в помещичьих имениях... ведется система плодосменная. Таким образом, трехпольной системы, за исключением этих провинций, самых северных губерний, южной части Украины и всей Новороссии, держится почти вся Европейская Россия, то есть, начиная с губернии С.-Петербургской, все губернии, лежащие по Валдайской возвышенности, центральные, западные и часть восточных Приволжских губерний. Вся эта площадь, за исключением низового Приволжья, занимает... почти одну треть всей Европейской России. Народонаселения на эту

4. Подробнее см.: *Крогалева Ф.С.* (1960). О системах земледелия. Исторический очерк. М.: Госсельхозиздат.

5. *Фортунатов А.Ф.* (1902). К вопросу об определениях и разделениях систем в сельском хозяйстве // *Хозяин*. № 35–37.

6. *Ермолов А.С.* (1879). Организация полевого хозяйства. Т. 1–2. СПб.

площадь приходится около 39 миллионов, то есть почти $\frac{2}{3}$ народонаселения держится системы трехпольной»⁷. Чайнов, кажется, впервые после фундаментального труда Советова предпринял попытку уточнить южную и восточную границу преобладания трехполья, используя накопленные к этому времени новые материалы.

Основными источниками ему служили материалы земской статистики и описания систем земледелия, сделанные местными агрономами в ряде губерний. В качестве индикатора, позволяющего определить систему хозяйства, Чайнов также использовал соотношение площади пара и посевов, которое он вычислял по правительственной статистике земельных угодий, собранной Центральным статистическим комитетом в 1881 и 1893 годах в 46 губерниях европейской части России.

Чем и кому может быть интересна эта статья сегодня? Думается, прежде всего она должна привлечь внимание историков-аграрников. Помимо собственно итогового вывода и иллюстрирующих его картограмм для исследователей аграрной истории сохраняют свою актуальность методы работы Чайнова со статистикой и сделанные в ходе этой работы источниковедческие наблюдения. В частности, о различиях в структуре и группировке данных в различных изданиях правительственной статистики, о проблемах их сопоставимости и степени достоверности и т.д. Интересны выводы о многообразии систем хозяйства у крестьян, широко различающихся даже в пределах одного уезда. Публикация, несомненно, будет также полезной и для исследователей творчества Чайнова. Многие идеи ранних работ ученого в той или иной форме вошли в его последующие большие труды, но эта статья стоит особняком, поскольку к изучению трехполья он не возвращался и со статистикой ЦСК, активно использованной здесь, в дальнейшем почти не работал.

Картограммы для настоящего издания выполнены Е.С. Гришиным. На картограммах в первом издании не были обозначены названия губерний, поэтому издатели посчитали необходимым для большей ясности изложения свести все цифры, нанесенные Чайновым на картограммах 1 и 2, в отдельную таблицу (табл. 1), которой в оригинальной публикации нет. Там же дан и список губерний в алфавитном порядке, порядковые номера губерний в этой таблице соответствуют их номерам на картограмме 4. Формат имевшихся в тексте таблиц в ряде случаев пришлось видоизменить. У Чайнова таблицы не имели номеров и заголовков, все заголовки таблиц даны И.А. Кузнецовым. Общепонятные сокращения, использовавшиеся в первом издании статьи, раскрыты нами без оговорок. Ссылки на источники и литературу по возможности уточнены. Примечания публикаторов помечены [ред.], примечания без пометок принадлежат А.В. Чайнову. Благодарим В.О. Афанасенкова за помощь в наборе текста.

7. Советов А.В. (1950). Избранные сочинения. М.: Госсельхозиздат. С. 323.

A.V. Chayanov as a researcher of the three-field system: A publishers' preface⁸

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Research Laboratory for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

Evgeny S. Grishin, Head of the Department of Historical Cartography and Geo-Information Systems, Research Laboratory for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: bibliosof-info@yandex.ru.

This is an article of Alexander Chayanov (1888–1937) first published in 1910 in the *Agriculture and Forestry*. The article is based on the graduate work of Chayanov written at the Moscow Agricultural Institute under the guidance of the Professor of agricultural economy and agricultural statistics A.F. Fortunatov. The article considers farming systems used by peasants on communal lands in the provinces of European Russia in the late 19th — early 20th centuries. Chayanov grouped main systems of the peasant economy into five types: three-field, two-field, many-field, transient (lea tillage), and upland farming. The key sources for the definition and localization of farming systems were the data of non-government (*zemstvo*) statistics and the descriptions of farming systems provided by local agronomists in a number of provinces. Chayanov also used the ratio of the sown and fallow lands as an indicator of the farming system. He calculated this ratio on the basis of the land statistics data collected by the Central Statistical Committee in 1881 and 1893 in 46 gubernias of European Russia. The results of his work are presented in the cartogram indicating the southern and eastern borders of the prevailing three-field system of farming. This publication is mainly for historians focusing on the agrarian history and the works of Chayanov.

Keywords: agrarian history, historical geography, three-field system, peasant economy, A.V. Chayanov

*И.А. Кузнецов,
Е.С. Гришин*
А.В. Чаянов — ис-
следователь трех-
полья. Предисло-
вие публикаторов

8. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project “The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists’ findings through the actualization of their heritage”.

Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века

А.В. Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-62-82

I

Ознакомление с *географическим распространением* систем полевого хозяйства является необходимой подготовительной работой для всякого рода индуктивных исследований в этой области. Это, в сущности говоря, есть не более как ознакомление с пространственным расположением того материала, который в дальнейшем будет более или менее полно исчерпан.

Настоящая статья является частью работы, стремящейся определить это пространственное расположение на крестьянских полях Европейской России. Материалом для нее послужила главным образом основная земская статистика и издания агрономов, собранные в библиотеке А.Ф. Фортунатова. Эти данные разбросаны в периоде времени, начиная с 1880 до 1907 года, то есть 27 лет, и понятно, одним из первых вопросов исследования был вопрос о том, может ли свод этих, столь разнящихся по времени, источников дать какое-либо реальное представление об изучаемом объекте. Являлось вероятным, что за промежутков в 25 с лишком лет формы хозяйственной действительности претерпевали резкие и быстрые изменения, результатом чего наша вертепная географическая картина явилась бы голым абсурдом.

Сплошные правительственные статистические исследования 1881 года⁹ и 1893 года¹⁰, при сравнении их, указывали на резкие изменения, происшедшие в крестьянском полеводстве за эти 12 лет, и тем подтверждали основательность опасения. Так, А.Ф. Фортунатов писал в 1895 году: «Несмотря на весьма распространенное убеждение в полной неподвижности русского крестьянского хозяйства, чуть ли не со времен Иоанна Грозного, приходится констатировать изменение в системе крестьянского полевого хозяйства за такой не особенно продолжительный срок, как 12 лет, протекших

9. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год // Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 4. СПб., 1884. — *Ред.*

10. Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 года // Временник Центрального статистического комитета. № 33. СПб., 1894. — *Ред.*

со времени первой российской регистрации угодий и культур в 1881 году. В 1881 году пар составлял на надельной пашне 46 губерний 25,6%, а в 1893 году — 22,5%. Это весьма немалое уменьшение относительного значения пара, замечающееся притом не только в общих итогах, но и повторяющееся в 44 губерниях, из которых иные дали весьма резкое падение процента пара на надельной пашне»¹¹.

Рассматривая изменения процента пара по губерниям (картограмма 1, табл. 1), мы обнаружим, что 27 губерний из 46 потеряли более 3%, а 12 из них — свыше 5%. А так как означенные губернии принадлежат к трехпольной полосе России, то, даже при невероятном случае исключительного перехода от трехполья к чистому посеву хлеба на хлеб, эти цифры указывают на изменения, захватившие *не менее* 10–15% всей площади, что для 12-летнего периода величина весьма большая.

Таблица 1. **Изменения доли паров в площади пашни и в площади посевов по 46 губерниям Европейской России**¹²

Порядковый номер губернии (на картограмме 4)	Губернии	Изменение процента пара, вычисленного ко всей пашне за 1881–1893 годы (картограмма 1)	Изменение процента пара, вычисленного к сумме озими и яри за 1881–1893 годы (картограмма 2)
1	Архангельская	-18,2	4,9
2	Астраханская	4,3	13,3
3	Бессарабская	-0,8	0,1
4	Виленская	-4,3	-0,2
5	Витебская	-7,4	1,3
6	Владимирская	-2,7	1,0
7	Вологодская	-8,1	4,3
8	Волынская	-4,6	-0,3
9	Воронежская	-1,7	1,0
10	Вятская	-2,4	3,2
11	Гродненская	-2,8	1,6
12	Екатеринославская	0,6	1,0
13	Казанская	-1,8	-0,4
14	Калужская	-4,6	0,2

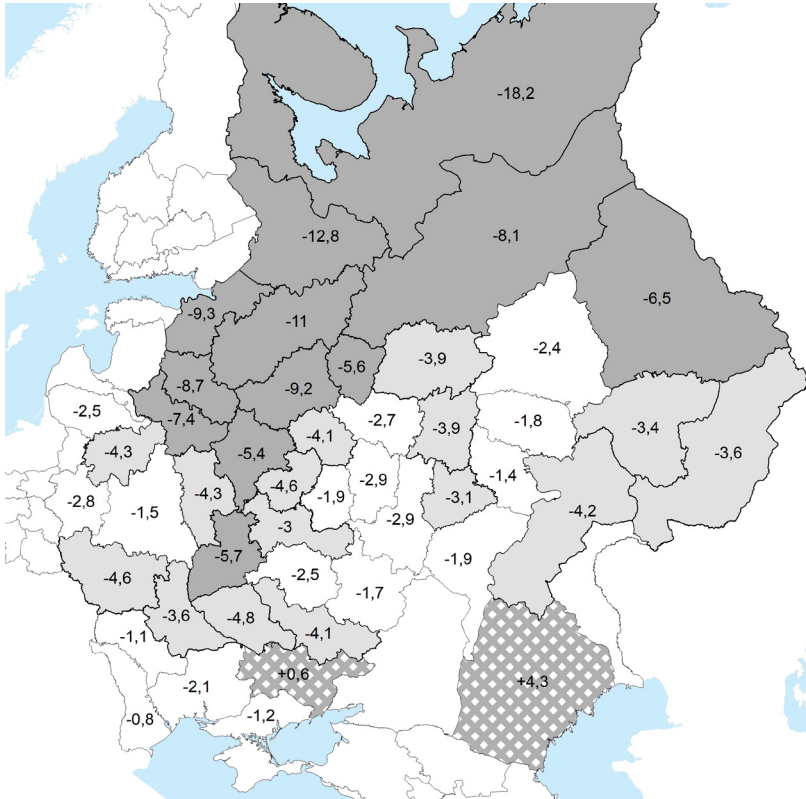
11. *Фортуатов А.Ф.* (1895). Севообороты в мелких хозяйствах // Русские ведомости. № 53. С. 3. — *Ред.*

12. Таблица составлена нами. — *Ред.*

15	Киевская	-3,6	-1,9
16	Ковенская	-2,5	3,3
17	Костромская	-3,9	2,2
18	Курская	-2,5	0,1
19	Минская	-1,5	5,3
20	Могилевская	-4,3	0,5
21	Московская	-4,1	0,3
22	Нижегородская	-3,9	-1,2
23	Новгородская	-11,0	4,4
24	Олонецкая	-12,8	1,1
25	Оренбургская	-3,6	-1,2
26	Орловская	-3,0	-0,6
27	Пензенская	-3,1	-1,0
28	Пермская	-6,5	10,6
29	Подольская	-1,1	-0,3
30	Полтавская	-4,8	-5,9
31	Псковская	-8,7	1,9
32	Рязанская	-2,9	0,7
33	Самарская	-4,2	-2,8
34	С.-Петербургская	-9,3	6,7
35	Саратовская	-1,9	-3,2
36	Симбирская	-1,4	0,7
37	Смоленская	-5,4	1,6
38	Таврическая	-1,2	-0,9
39	Тамбовская	-2,9	0,4
40	Тверская	-9,2	0,3
41	Тульская	-1,9	0,6
42	Уфимская	-3,4	13,0
43	Харьковская	-4,1	-4,3
44	Херсонская	-2,1	-1,7
45	Черниговская	-5,7	-0,4
46	Ярославская	-5,6	2,8

Подобная подвижность форм полевого хозяйства заставила бы, в сущности говоря, с первого взгляда оставить всякую мысль о возможности сводить материалы, отстоящие на 25 лет друг от друга.

А.В. Чапнов
Южная граница преобладания
трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях
России к началу XX века

Картограмма 1. **Изменение процента пара, вычисленного ко всей «пашне» за период 1881–1893 годов**

Но, к счастью, внимательный сравнительный анализ регистрации 1881 года и 1893 года приводит нас к выводам более благоприятным. Уже А.Ф. Фортунатов в означенной статье упоминает о некоторой неопределенности в способе опубликования регистрации 1893 года. Само сличение тетрадок этих двух публикаций — наименования их граф — уже может внушить сомнение в возможности их прямого сравнения между собой. Так, например, общие сведения о пашне были сгруппированы в следующие различные системы граф: 1881 год — под посевом (озимь, ярь, стручковые, корнеплоды, торговые, кормовые травы), пар, залежь; 1893 год — под посевом (озимь, ярь), пар, сенокоса (кроме лугов), остальной.

Очевидно, что программа вопросов была для обеих регистраций совершенно различна и весьма вероятно, что в 1893 году под именем «сенокоса» (кроме лугов) (?) и «остальной» — к общему количеству пашни были причислены такие земли, кои в графу «залежь» 1881 года не входили и вовсе не зачислялись в отдел пашни. В этом случае общие итоговые цифры оказываются вовсе несравнимыми. Количество

«пашни» 1893 года увеличено за счет посторонних элементов, введенных в учет, а следующий процент пара, вычисленный к этому количеству, уменьшен и совершенно несравним с данными 1881 года.

Вероятность того, что это действительно так, подтверждается рядом фактов. Привожу для иллюстрации один из них. Пахотная площадь на крестьянских землях Владимирской губернии с 1 236 868 десятин в 1881 году увеличилась по регистрации 1893 года до 1 281 528 десятин, то есть на 44 660 десятин, или на 3,6%, что указывает на значительный рост распаханности. По данным же земской статистики за то же время, видно, что во Владимирской губернии, в силу развития индустрии и переселения, сельское хозяйство в упадке и общая пахотная площадь не только не увеличивается, но даже резко сокращается. Так, исследователь одного из ее уездов пишет: «Вытеснение земледелия промышленностью приводит к сокращению запашки и к полному забрасыванию ее»¹³. Размеры этих забрасываемых земель весьма значительны; так, в озимом клину их от 3,7% (Шуйский уезд) до 7,1% (Вязниковский уезд). Весьма характерно также и то, что по межевым данным в 1804 году процент пашни ко всем угодьям, например, для Шуйского уезда, составлял 44,8%, а в 1899 году — только 27,8% (М. для оц. з. Вл. г. I. X.).

Это противоречие заставляет глубже анализировать данные обеих правительственных регистраций. Разложим для этого площадь пашни на более мелкие деления (табл. 2).

Таблица 2. **Площади посевов, пара и залежи по данным 1881 и 1893 годов (в десятинах)**

	Посев	Пар	Залежь [сенокосы (крестьянских лугов) + остальной земли]	
1881	793 011	398 445	45 088	45 088
1893	761 420	379 081	72 357+96 742	169 099
[Разность]	-31 591	-19 364		+124 011

Из приведенной таблицы явствует, что увеличение «залежи» более чем вдвое превышает уменьшение площади посева + пара. Это избыточное приращение могло произойти или от различного понимания понятия «залежь» при обеих регистрациях и введения в соответствующие графы 1893 года таких земель, которые не учитывались в 1881 году, или же от того, что старые земли бросались в залежь и на их место распахивались нови, на что, однако, в литературе указаний нет и что маловероятно.

13. А.В. Чайнов ссылается на «Материалы для оценки земель Владимирской губернии» («Мат. для оц. з. Вл. г. I. IV. сз г., стр. 39»); по этой и следующей за ней ссылке цитату в источнике найти не удалось. — *Ред.*

Таким образом, приходится признать, что изменение в проценте пара, вычисленного ко всему количеству «пашни», как это делал А.Ф. Фортунатов в 1895 году, не дает нам в данном случае права судить о переменах в системе полевого хозяйства за этот промежуток времени.

Из этого, однако, не следует, что мы должны совершенно отказаться от всякого суждения об изменениях в полевом хозяйстве на основании сравнения этих регистраций. Для определения относительного значения пара можно исчислять его процент к величинам более определенным, чем «пашня», и потому не зависящим в своем учете от различного понимания самого термина. Такой величиной может явиться посевная площадь. При отсутствии широкого развития подсечной и залежной системы процент пара, вычисленный к посеву, является таким же хорошим показателем при определении систем хозяйства, каким явился бы в нормальных условиях процент пара ко всей пашне. Разница только в величине цифр: так, для чистого трехполья мы вместо 33,3% будем иметь 50%.

Для упрощения вычислений под площадью посева я буду подразумевать для 1881 года только графы «озимь» и «ярь», так как: 1) посевы трав до начала XX века не имели массового характера на крестьянских полях; 2) по регистрации 1893 года мы не знали бы, куда отнести эти посевы: в графу ли «сенокосы» или в «ярь»; и 3) из граф «стручковые», «корнеплоды» и «торговые» мы причисляем к яри площади, занятые «горохом», «картофелем» и «льном», а все остальное не вводим в учет, так как одни культуры, вроде «конопли», «огурцов» и т.п., обычно не входят в севооборот и культивируются часто на *усадебных землях* и потому, весьма вероятно, не были включены в графы «озимь» и «ярь» 1893 года, другие же культуры весьма ничтожны и их исключение не могло привести к большим изменениям в процентах, но зато облегчало учет.

Результаты вычисления по этому способу дают совершенно иную картину изменений в проценте пара (картограмма 2, табл. 1)¹⁴.

Прежде всего мы можем отметить, что общее суммарное изменение процента пара для 46 губерний будет равно всего только 0,2% (1881 год — 42,2%, 1893 год — 42,0%), а не 3,1%. Правда, погубернские данные говорят нам о сравнительно больших изменениях, но 1) изменения процента не так резки, как при первом методе исчисления, и в группе свыше 4,5% (соответствующую 3% первого способа исчисления)

14. Эта картограмма может возбудить некоторое недоумение: около $\frac{2}{3}$ губерний повысили свой процент и только $\frac{1}{3}$ его сократила, а тем не менее в итоге мы имеем некоторое уменьшение, правда, близкое к 0 (0,2%). Этот факт заставил меня три раза пересчитать все вычисления. Не найдя в них ошибок, пришлось объяснить это кажущееся несоответствие тем, что: 1) для очень большого числа губерний, получивших приращение процента, это приращение весьма незначительно (0,1–0,5%) и 2) губернии с уменьшением процента пара принадлежат к числу наиболее распаханых, а изменения их процента пара имеют большее абсолютное значение.

Картограмма 2. **Изменение процента пара, вычисленного к (озимь + ярь) за период 1881–1893 годов**

вместо 28 губерний вошли только 7, а в высшую (7,4%, соответствует 5% первого способа исчисления) — 3 вместо 11; 2) само изменение процента носит совершенно иной характер: при первом способе учета все губернии, за исключением двух, указывали на падение процента пара, во втором случае, наоборот, большинство губерний показали увеличение, хотя часто незначительное, но наряду с этим в 16 губерниях мы наблюдаем довольно значительное падение и в итоге суммарный процент по всем 46 губерниям остается почти не изменившимся, и 3) резкие изменения приурочены к определенным районам, за счет которых вся остальная масса дает незначительные колебания.

Таким образом, более совершенный метод определения относительного значения пара значительно ослабляет картину изменений в системах полевого хозяйства. Но, однако, и он констатирует их наличие. Остается выяснить, насколько велико значение установленных нами изменений в проценте пара, и поскольку могут они препятствовать возможности нашей сводки.

Здесь прежде всего надо отметить тот факт, что сравниваемые нами величины 1881 и 1893 годов представляют собой не средние

величины за какой-либо более или менее значительный промежуток времени, а являются только годовыми отметками, отстоящими друг от друга на расстоянии 12 лет. Таким образом, их числовая величина не избавлена от влияния обычных годовых колебаний и весьма вероятно, что для многих губерний *величина изменения* процента пара находится в пределах этого обычного годового колебания и является, следовательно, величиной случайной.

Для определения пределов годовичного колебания процента пара мы не имеем прямых данных. Но принимая во внимание, что для трехпольных губерний «*пар*» представляет собой не более как очередной клин поля и что сегодняшний *пар* завтра будет *озимым*, мы сочли себя вправе счесть пределы их годовичных колебаний более или менее равнозначными. Для определения годовичных колебаний в проценте озими мы воспользовались данными Центрального статистического комитета, кои нам дали возможность составить следующую таблицу для ряда лет, непосредственно примыкающих к исследуемым (табл. 3)¹⁵.

Таблица 3. **Процент озимых посевов ко всей посевной площади и его изменения по годам в процентных пунктах (изменения более чем на 1 пункт выделены шрифтом)**

Губернии	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Владимирская	50,4	51,0	49,1	50,6	50,3	50,4	49,5
	0,6	1,9	1,5	0,3	0,1	0,9	
Вятская	48,6	47,2	46,9	47,6	47,6	46,4	47,4
	1,4	0,3	0,7	0,0	1,2	1,0	
Казанская	50,6	50,5	50,5	50,4	49,5	50,2	50,5
	0,1	0,0	0,1	0,9	0,7	0,3	
Калужская	49,8	48,6	48,0	48,6	48,4	49,0	47,8
	1,2	0,6	0,6	0,2	0,6	1,2	
Костромская	47,9	47,5	48,0	47,9	48,0	48,7	47,8
	0,4	0,5	0,1	0,1	0,7	0,9	
Курская	44,6	46,5	46,3	46,3	46,5	46,7	46,9
	1,9	0,2	0,0	0,2	0,2	0,2	

15. Источник для этой таблицы А.В. Чайнова: Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаяев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям Европейской России // Временник ЦСК. № 48. СПб., 1901. Найденные опечатки исправлены Ред.

Московская	51,1	49,9	49,0	50,2	50,0	50,7	49,9
	1,2	0,9	0,2	0,2	0,7	0,8	
Нижегородская	49,2	49,4	48,6	48,9	48,8	48,6	49,0
	0,2	0,8	0,3	0,1	0,2	0,4	
Орловская	47,3	46,9	46,4	46,7	46,5	47,2	46,5
	0,4	0,5	0,3	0,2	0,7	0,7	
Пензенская	48,4	48,9	48,7	47,9	46,7	48,1	47,7
	0,5	0,2	0,8	1,2	1,4	0,4	
Рязанская	49,7	50,3	49,6	49,5	49,5	49,6	49,5
	0,6	0,7	0,1	0,0	0,1	0,1	
Симбирская	49,0	49,3	49,2	51,2	48,4	48,4	49,5
	0,3	0,1	2,0	2,8	0,0	1,1	
Тамбовская	49,4	49,9	50,0	49,5	48,8	48,7	49,7
	0,5	0,1	0,5	0,7	0,1	1,0	
Тверская	48,3	48,3	47,2	48,3	48,3	48,9	48,8
	0,0	1,1	1,1	0,0	0,6	0,1	
Тульская	49,3	48,4	48,5	48,2	48,2	48,2	48,3
	0,9	0,1	0,3	0,0	0,0	0,1	
Ярославская	47,0	47,6	44,6	46,9	47,1	46,9	47,4
	0,6	3,0	2,3	0,2	0,2	0,5	

Анализ этой таблички указывает, что годовые колебания величины одного из клиньев трехполя могут достигать больших величин до 2 и даже 3%. К тому [же] есть данные предполагать, что эти колебания приуменьшены, так как цифры, легшие в основу вычисления этой таблицы, получены на основании сведений волостных правлений, которые смотрят очень часто на сообщение их как на простую формальную официальную отписку и просто переписывают данные прошлых лет, не давая себе труда учитывать все изменения, благодаря чему разница между годами должна сильно сглаживаться. Все это дает нам право считать все изменения, не превышающие 1,5%, находящимися в пределах годовых колебаний и, следовательно, не связывать с ними представления об изменении системы полевого хозяйства.

С другой стороны, разница между данными 1881 года и 1893 года может отчасти зависеть и от способа учета, который, как мы видели в предыдущем, сильно разнится в той и другой публикации. Об этом может дать понятие сравнительный анализ данных по ряду

губерний. Так, например, площадь посева Костромской губернии с 1881 года по 1893 уменьшилась на 60,8 тысяч десятин. Сравнивая эту величину с годовыми колебаниями площади посева в течение 9 лет с 1893 по 1899 год, мы можем отметить, что максимум последних — 12,7 тыс. десятин (5,1; 12,7; 12,1; 0,4; 5,7; 3,3) — почти в пять раз меньше ее. Таким образом, уменьшение в 60,8 тыс. десятин мы не можем объяснить простым годичным колебанием и должны предположить, что за период 1881–1893 годов произошло сильное сокращение посевной площади. А раз это так, то мы вправе ожидать какого-либо следа этого уменьшения и в следующее десятилетие. Но самый тщательный анализ цифр 1893–1899 годов не дает нам возможности заметить его. Средняя величина посевной площади по 4-летиям: 1893–1896 годы — 773,8 тыс. десятин; 1894–1897 — 774,3 тыс. десятин; 1895–1898 — 773,1 тыс. десятин; 1896–1899 — 773,8 тыс. десятин. Для других губерний мы будем иметь следующую таблицу (табл. 4).

Таблица 4. **Изменения площади посева в 1881–1893 и 1893–1899 годах по периодам (в тысячах десятин)**

Губернии	Изменение в площади посева с 1881 по 1893 год	Максимум годовых колебаний площади посева с 1893 по 1899 год	Средняя величина площади посева по 4-летиям			
			1893–1896	1894–1897	1895–1898	1896–1899
Московская	65,6	14,2	436,5	436,8	431,7	432,7
Нижегородская	136,3	18,7	807,1	809,4	814,9	820,8
Рязанская	72,1	11,1	815,1	816,8	813,7	813,8
Тамбовская	95,7	31,7	1450,7	1446,4	1448,2	1461,0

То же самое мы имеем для Тульской, Симбирской, Воронежской и многих других губерний, где посевная площадь 1881 года отличается от таковой же 1893 года на величину, значительно превосходящую пределы годовых колебаний. Почти во всех этих случаях, по данным 1893–1899 годов, не удается обнаружить никакого следа процесса резкого изменения, предположенного на период 1881–1893 годов. Средние цифры 1893–1899 годов остаются почти константными и делают гораздо более вероятным предположение, что разница в большей мере зависит от различия в способах учета. На какую величину это отразится на проценте пара, мы учесть не можем, но все-таки должны иметь в виду возможность этого влияния.

Остается сказать несколько слов о соотношении между сокращением процента пара и изменениями в самой системе полевого хозяйства. При трехполье, которое нас теперь интересует, се-

вооборот, теряя или сокращая паровую площадь, может перейти к пестрополью, травополью, четырехполью или каким-либо другим системам. Во всех этих случаях такой переход должен отразиться кроме пара также и на других элементах севооборота; так, например, озимь, обычно следующая за паром, должна сократить свои относительные размеры. При обратном переходе вместе с увеличением пара должна также увеличиваться и озимь.

Наблюдая относительную величину озими у ряда *чисто* трехпольных губерний, увеличивших или сокративших паровую площадь на довольно значительные величины, мы или совсем не можем уловить никаких *соответствующих* изменений, или же эти изменения незначительны (табл. 5).

Таблица 5. **Изменения доли пара и доли озимых посевов в посевной площади за 1881–1899 годы по периодам (в %%)**

Губернии	Изменение в % пара с 1881 по 1893 год	Процент озими в 1881 году	Средние величины процента озими по 4-летиям			
			1893–1896	1894–1897	1895–1898	1896–1899
Костромская	+2,2	50,0	50,5	50,2	50,1	50,1
Ярославская	+2,8	46,5	46,0	46,5	46,4	47,1
Нижегородская	-1,2	48,9	51,7	51,8	52,0	52,3
Вятская	+3,2	47,3	48,1	47,9	47,4	47,4
Смоленская	+1,6	47,8	46,7	46,8	46,9	46,9

Таким образом, приходится признать, что изменения процента пара для периода 1881–1893 годов не всегда указывают на *обязательное* изменение в системе полевого хозяйства, что, вероятно, происходит от различия в приемах учета пара и посевов в регистрациях 1881 и 1893 годов.

Рассматривая географическую карту изменений процента пара, мы можем сделать несколько замечаний, выясняющих соотношение между увеличением или уменьшением процента пара и изменениями в самих системах полевого хозяйства. Так, резкое увеличение процента пара в губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Минской, может быть, *отчасти* и в Пермской, С.-Петербургской и Костромской, могут быть объяснены тем, что в них наряду с трехпольем существует и переложная система хозяйства, и процент трехпольного пара исчисляется не только к трехпольному посеву, а к сумме трехпольного и переложного посева и, следовательно, преуменьшен против нормального трехпольного процента (50%). За промежуток 1881–1893 годов площадь переложного хозяйства сократилась, а следовательно, перелож-

ные посевы, вводимые в вычисления процента пара, в меньшей степени влияют на уменьшение процента пара, и он относительно увеличивается.

Гораздо труднее поддается объяснению *увеличение* процента пара в чисто трехпольных губерниях, где оно, правда, незначительно и не выходит за пределы годовых колебаний, как это мы уже видели. Было бы неправдоподобно предположить переходы от трехполья к двухполью, или факты увеличения трехпольности губерний, то есть приведения к трехполью тех случаев не-трехпольных систем полеводства, с меньшим содержанием пара, которые вкраплены в каждую трехпольную губернию; гораздо более вероятности в том, что здесь для индустриальных губерний, особенно, например, для Владимирской, Ярославской, Костромской, Смоленской и т.п., сыграло роль забрасывание посевов многими хозяйствами (севообороты типа пар–пар–озимь и пр.), на что имеются указания и в литературе. Мы склонны, однако, основываясь на всем вышесказанном, объяснять эти изменения главным образом несовершенствами методов учета.

Для южных губерний с *крупным уменьшением* процента пара весьма правдоподобными явятся предположения о развитии пестрополья¹⁶.

Подводя итоги вышесказанному, мы имеем некоторое право полагать, что обычные средние уменьшения или увеличения процента пара еще не указывают на значительные изменения в самой системе полевого хозяйства и что при составлении сводной карты географического распространения систем мы можем с ними не считаться, принимая во внимание лишь только исключительно резкие изменения, по моему предположению, превышающие 3,5%¹⁷.

Этот вывод дает нам следующие практические указания для составления карты: 1) анализировать возможно полнее районы, претерпевшие изменения свыше 3,5%, и 2) данные по этим районам приурочивать к последнему пятилетию XIX века и, в случае отсутствия прямых указаний за это время, вносить соответствующие поправки в имеющиеся данные на основании процента пара и других данных.

16. Спешу оговориться, что настоящая статья не претендует на исследование вопроса о том, изменяются ли системы полевого хозяйства на крестьянских полях и если изменяются, то как? Автор отлично понимает всю наивность попыток решить этот вопрос на основании только данных правительственных регистраций. Поставленный мною вопрос сводится исключительно к тому, были ли за анализируемый промежуток времени изменения, могущие нарушить общую географическую картину преобладающих систем. Для этой цели материал правительственной статистики считаю до известной степени достаточным.

17. Цифра в достаточной степени произвольна, нужно было выразить, что эта величина находится где-то между 3% и 5%.

А.В. Чапнов

Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века

ТЕОРИЯ Для определения южной границы преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к концу XIX столетия мы имеем следующие данные: 1) прямые указания земской статистической литературы и изданий агрономов; 2) косвенные данные в виде указаний процента пара и распределения культур в правительственных регистрациях 1881, 1887 и 1893 годов и 3) косвенные указания других изданий.

Основными данными для нашего исследования явились сведения первой категории, возможность и условия использования которых были установлены в предыдущем. Эти данные сведены на картограмме № 3¹⁸. При ее черчении мы разбили все наличные системы полевого хозяйства на 5 разделов.

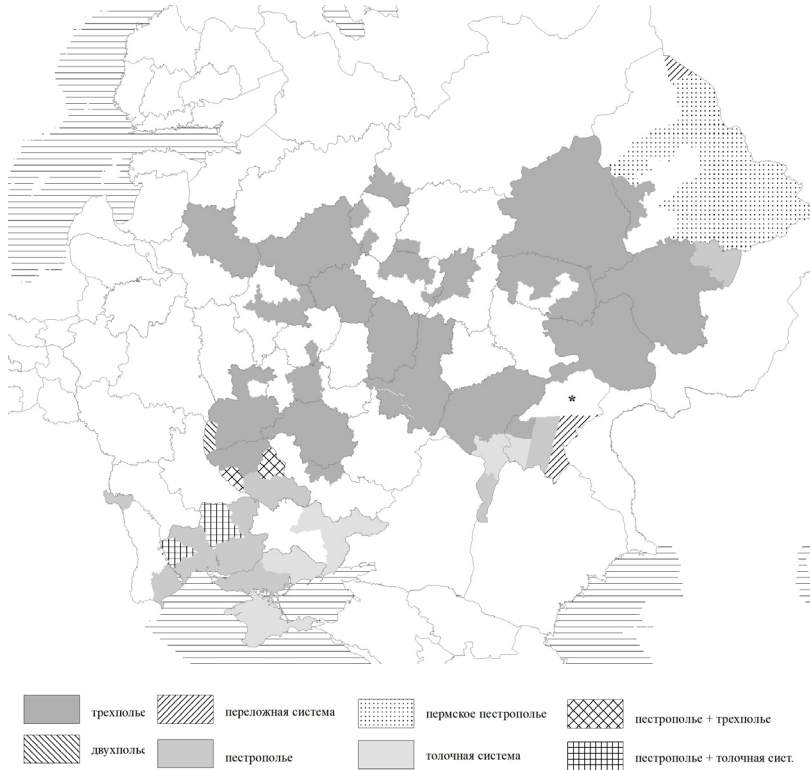
1. *Трехполье*. В данном случае под трехпольем понимался не столько классический *севооборот* пар–озимь–ярь, сколько сам хозяйственный строй полеводства трехпольной России, то есть деление пашни на общие для всех хозяев переходящие клинья, обязательность толоки¹⁹, словом *общинная* трехпольная система полевого хозяйства. Сюда, таким образом, включены трехпольные хозяйства с севооборотом пар–ярь, с угловым травосеянием, а с другой стороны — исключены случаи трехпольного севооборота пар–озимь–ярь на одном и на двух полях, или же на нескольких, независимых между собой и не связанных с соседними обязательностью клина (пермское пестрополье). Трехпольно-залежные севообороты сибирского типа, то есть перелог, по которому 3–4 раза оборачивают трехпольный севооборот, а потом снова забрасывают в многолетнюю залежь, я также не счит возможным включить в этот раздел.

2. *Двухполье* — севооборот пар–озимь или пар–ярь на двух полях с обязательной толокой, по общему строю близкий к трехполью.

3. *Пестрополье*. В этот раздел входят все «системы», характеризующиеся тем, что отдельные поля хозяйства не находятся между собой в какой-либо связи и совершенно самостоятельно свершают свой цикл посевов, иногда в виде беспорядочного посева хлеба по хлебу, иногда же обладая элементами некоторой периодичности вплоть до включения толоки через известные промежутки лет. Из этой группы мы сочли удобным выделить так называемое *пермское пестрополье*, в котором периодичность носит определенный выдержанный характер и сводится к обычному трехпольному и четырехпольному севообороту и отличается от соответствующих систем только тем,

18. Подчеркиваем временный рабочий характер нашей системы. С педагогической точки зрения мы склонны полагать наиболее пригодной систему, построенную на агрономических признаках.

19. Толока — пастьба скота весной-летом на паровом поле до его вспашки, в трехпольной системе применялась крестьянами из-за нехватки земли для выпаса. — *Ред.*

* В Николаевском уезде смесь трехполья, двухполья, пестрополья и точечной системы.

Картограмма 3. Системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к концу XIX века по данным земской статистики и публикаций агрономов

что каждый кусок земли идет совершенно самостоятельно, вне всякой зависимости от других. Пространственная система, таким образом, отсутствует и наблюдается только временная.

4. *Переложная система.* Этот раздел состоит из систем, в которых исключительное пользование залежью, как методом восстановления плодородия, принуждает земли, находящиеся под пашней, переходить в другие категории угодий: степь, лес и пр. Период залежи здесь намного превышает период пашни, и одним из определяющих моментов этой системы является тот факт, что срок поднятия залежи определяется не по времени, проведенном землей без посева, а сообразно ее «спелости», о чем судят по растительному покрову. Строго говоря, эта система близка к установленному нами типу пестрополья, так как, имея временную последовательность (систему), она не имеет пространственной. Однако факт пе-

рехода земель из одной категории угодий в другие заставляет нас выделить ее в самостоятельный раздел.

5. *Толочная система*. Эта группа весьма обширна по числу самых разнообразных форм и носит чисто искусственный характер. Ее определяющими признаками служат наличность двух и более годичной толоки и главным образом присутствие, наряду с временной последовательностью, также и некоторых элементов пространственной системы, связывающей между собою отдельные поля хозяйства.

Подобное подразделение несколько отличается от обычного, и посему мы считаем себя вправе сказать несколько слов о всей классификационной системе в целом и о ее мотивах. Смеем полагать, что каждая система, как и вообще всякая теория, есть вещь искусственная, и ее значение всегда только временное, педагогическое, имеющее целью дать возможность мыслящему уму с возможно меньшей затратой сил охватить всю совокупность фактического материала и возможно ясно ее мыслить. Ввиду этого классификационных систем может быть великое множество, все они «верны», и весь вопрос в том, какая из них проще и удобнее. Лично мы придаем большое значение *целевой* оценке систем, то есть оценивая всякую систему в зависимости от того, поскольку она удобна в видах той или иной цели, допуская, что для различных целей имеющейся материал можно группировать в различные системы.

Принимая это во внимание, мы должны были для классификации *сырого, еще не вполне изученного* материала остановиться на системе, опирающейся на конкретные, легко устанавливаемые признаки (морфологического характера) и главным образом постараться избежать внесения в построение системы хоть какого-либо следа теории-гипотезы исторического, географического или какого другого содержания, то есть того, что должно явиться во всяком случае последней стадией работы, последней условностью, но отнюдь не ставиться *arguōi*.

Группируя сырой материал, я не счел себя вправе воспользоваться так называемыми «историческими» системами, столь у нас распространенными. Во-первых, потому что этим вносилась бы априорная посылка об определенной исторической последовательности систем. А во-вторых, и потому, что существующие «исторические» системы с *исторической точки зрения* представляют собою наигрубейшее упрощение хода развития систем полевого хозяйства и, в сущности, являются также морфологическими системами, с плохой морфологической разработкой вдобавок.

Возьмем для анализа обычный ряд ([А.П.] Людоговского): 1) переложная, 2) зерновая, 3) улучшенная зерновая, 4) плодосменная, 5) вольная. Для России она не имеет никакого *исторического* значения. Так, наше южное пестрополье с посевами растения по растению, часто сообразно требованию рынка, строго говоря, должно быть отнесено к пятой, вольной системе, а между тем в условиях русской действительности пестрополье, например, Саратовской губернии следует непосредственно за перелогом, а в Полтавской пред-

шествует трехполью и, наконец, в Курской возникает на развалинах последнего. Залежные системы, которые, очевидно, надо отнести к отделу переложных, как предшествуют пестрополью, так равно и следуют за ним, и нередки случаи, когда они возникают на развалинах трехполья (Черниговская и Владимирская губернии).

Таким образом, историческая часть системы оказывается сильно упрощенной, и предложенный ряд представляет, в сущности, ряд все возрастающей интенсивности хозяйств, но это уже признак не исторический, да еще вдобавок спорный и в данной системе мало разработанный.

Все это заставило меня отказаться от имеющихся «исторических» систем и сделать попытку установить чисто морфологическую временную систему для разработки сырого материала²⁰.

Основным элементом предлагаемой системы является ряд, то есть известная последовательность состояний земли (культур, пара и т.п.), который может быть выражен как *a, b, c ... v, z*. Этот ряд может быть временной, то есть один и тот же участок пройдет его в течение ряда лет; так, каждое поле трехполья в отдельности свершает ряд парозимь-ярь; этот же ряд свершает иногда и одно-единственное поле при пестрополье. С другой стороны, этот ряд может быть пространственным, то есть мы будем иметь тот случай, когда площадь пашни всегда содержит на себе элементы ряда пространственно размещенные. Все поля связаны, таким образом, в пространственную систему, и в то время как одно из них находится, положим, в состоянии *a*, другое бывает в состоянии *b*, а остальные в *c ... v, z*. В последующие годы, несмотря на перемену полями своих состояний, пространственный ряд остается сохраненным. Лучшим примером является все то же трехполье, где во всякое время сохраняется пространственный ряд трех клиньев.

Пространственная система может существовать и при отсутствии какой-либо временной систематичности. Так, иногда при пестрополье хозяин, сея без системы различные растения на каждой полосе в отдельности, может рассчитывать, чтобы каждый год, положим, $\frac{1}{2}$ его пашни была засеяна пшеницей, $\frac{1}{4}$ овсом и т.д. Обычно же пространственный ряд встречается в комбинациях с временным, причем оба ряда могут быть тождественны и, следовательно, совпадать, а иногда, как это замечается, например, при трехполье на двух полях, или у многих травопольных севооборотов (например, 8-полье на 4 полях — типичный клеверный севооборот Московской губернии), они различны и не совпадают, представляя собою некоторую более сложную, но все же постоянную комбинацию. Иногда это осложняется еще и тем, что вместо простых временных и пространственных рядов мы имеем сложные, состоящие из сочетания двух или более элементарных. В этом смысле весьма характерны некоторые толочные системы юга России (Таврическая губерния),

20. Нося чисто морфологический характер, она позволяла бы располагать свои разделы в какие угодно исторические, географические и пр. ряды.

где все поле делится на 2 участка — на 1-м оборачивают какой-либо севооборот; другой — ряд лет под толокой. По истечении известного ряда лет толока идет под севооборот, а ранее эксплуатировавшиеся поля — под толоку. Здесь, следовательно, мы имеем два временных ряда: 1) толока–посев с периодичностью, положим, в 8 лет, 2) а для посева, предположим, севооборот пар–озимь–ярь–ярь, который успеваает дважды обернуться на посевном клину.

Все эти комбинации, приведенные в систему, дадут следующую классификационную картину (табл. 6).

Таблица 6. **Классификационная группировка полевого хозяйства**

I. Только временной ряд	
А. Пашня не переходит в другие угодья	
1) Ряд сбивчивый	Пестрополье
2) Ряд с элементами периодичности	Периодичность сводится к трех- или четырехпольному севообороту
	Периодичность иная
	Пермское пестрополье
	Регулируемое пестрополье
В. Пашня переходит в другие угодья	
	Переложная система
II. Комбинации временного и пространственного рядов	
А. Пространственный ряд тождественен временному	1) 2-полье
	2) 3-полье
	3) 4-полье
	4) [n-полье]
В. Пространственный ряд не тождественен временному	
1) Один временной ряд	Комбинационная система
2) Два сопряженных временных ряда	Сложная комбинационная система

Разбирая фактический материал, мы сочли удобным соединить некоторые разделы этой системы в более общие, дабы не вносить излишней дробности: так, «регулируемое пестрополье» мы слили с «пестропольем» вообще, а все системы, имеющие минимум *двухгодовичную толоку* и относящиеся к разделам «комбинационные», «сложные комбинационные», а также четырехпольные, n-польные, мы выделили в сборный искусственный класс толочных систем, считая их близкими по хозяйственной сущности. Таким образом, получилось 5 вышеприведенных общих разделов. Они не охватывают, конечно, всех наличных систем, но для определения господствующей достаточны.

Понимание трехпольной системы было дано выше; предлагаемая карта прямых указаний (картограмма 3)²¹ дает возможность построить некоторые части определяемой границы, но она оставляет достаточно большие пробелы, для заполнения коих приходится обращаться к другим источникам. Такими являются указания правительственных регистраций на процент пара и распределение культур.

Сравнив между собою несомненно трехпольные и не-трехпольные уезды и анализируя у них величины процента пара и распределение культур, мы смеем предположить, что процент пара (к озими + яри), превышающий 30%, указывает нам на преобладание трехполья, если, конечно, этому не противоречат данные о распределении культур и пр.²²

Для Пермской губернии, то есть для смеси трехполья с четырехпольем и пестропольным трехпольем, мы сочли нужным повысить процент до 40%.

Граница преобладания трехполья, полученная по этому способу определения, в своих общих местах почти совпадает с границей, построенной по прямым данным (табл. 7).

Таблица 7. **Распределение трехпольных и не трехпольных районов вдоль границы преобладания трехполья**

Трехпольные уезды	Не-трехпольные уезды
44,5* Соликамский	Верхотурский 32,5
49,6 Пермский	
56,6 Кунгурский	Красноуфимский 34,6
55,6 Осинский	
46,2 Бирский	Златоустовский 22,4
40,5 Уфимский	
33,4 Стерлитамакский	Оренбургская губерния**
35,3 Белебеевский	
51,4 Бугурусланский	
	Уральская область

21. Мы пользуемся данными 1881 года как более надежными.

22. Теоретически в случаях смеси трехполья с пестропольем и залежными системами, которые при нашем способе учета (к озими + яри) влияют на вычисляемый процент только своею посевной площадью, 30% пара означают, что 60% посева принадлежит трехпольному севообороту. Гораздо более труден учет в случаях смесей трехполья с двухпольем и некоторыми точными системами (котовский севооборот Саратовской губернии и системы Харьковской губернии, дающий проценты пара (толоки), близкие к трехполью), но и тут распределение культур дает иногда надежный корректив.

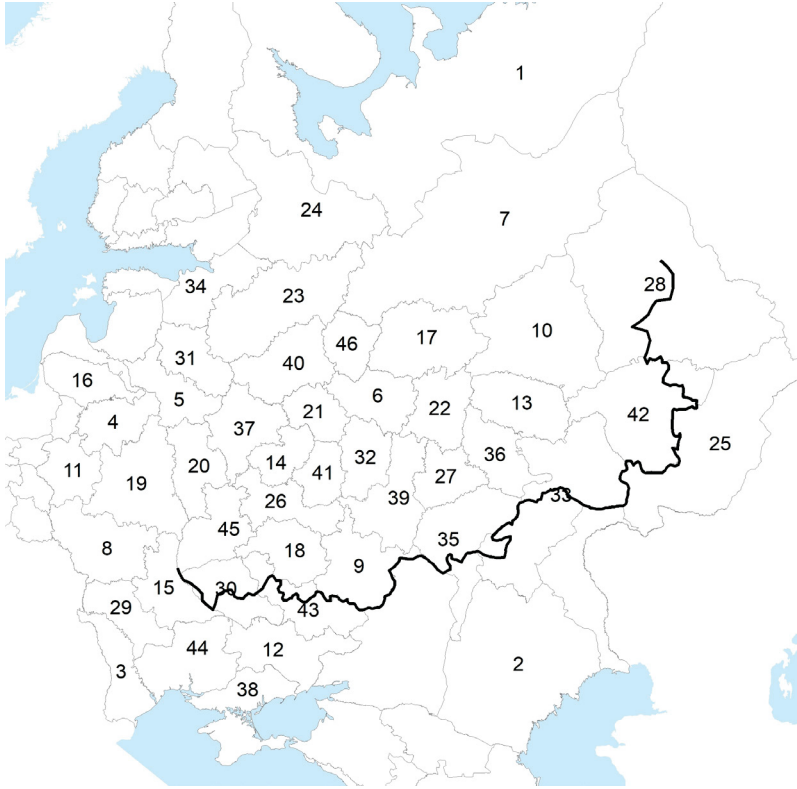
62,8 Бузулукский	Николаевский**
54,2 Самарский	
68,2 Хвалынский	
61,8 Вольский	Новоузенский**
	Камышинский 47,6**
48,9 Саратовский	Область Войска Донского 10,0–19,5
	Старобельский**
35,1–43,9 Воронежская губерния	Купянский**
Курская губерния	Волчанский 27,5
	Змиевский 36,4
32,3 Харьковский	Валковский 22,1
Курская губерния	Богодуховский 29,2
37,5 Ахтырский	
32,4 Лебединский	Зеньковский 7,1
49,7 Гадячский	
	Полтавский 23,1
37,9 Миргородский	Хорольский 9,1
41,0 Лубенский	
44,7 Пирятинский	Золотоношский 29,8
45,9 Переяславский	

* Цифры означают процент пара (к озими + яри). Екатеринбургский уезд имеет пара 49,2%, но отношение озимь/ярь = 0,081, что совершенно не соответствует трехполью.

** Развитие залежного хозяйства. Не-трехпольная величина отношения озимь/ярь.

Уезды	Процент залежи	Озимь/ярь
Николаевский	32,3	–
Новоузенский	44,2	–
Старобельский	21,6	0,356
Купянский	17,5	0,279
Камышинский	15,1	0,571

Уезды Старобельский, Купянский и Камышинский признаны не-трехпольными в силу того, что они лежат в районе толочных систем, трудно отличимых от трехполья по проценту пара, и мотивами к их выделению были процент залежи и величина озимь/ярь, резко отличающаяся от обычного при трехполье. На том же основании, но с меньшим правом, был выделен Змиевский уезд. Вообще говоря, граница по Харьковской губернии проблематична.

Картограмма 4. **Вероятная граница (южная) преобладания трехполья на крестьянских полях России к концу XIX века²³**

Отдавая полное преимущество прямым указаниям земской литературы, мы вносим в линию, построенную по количественным данным, поправки во всех тех случаях, где она не соответствует данным прямых указаний, и получившуюся в результате черту (картограмма 4)²⁴ считаем вероятной границей преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России в конце XIX века. Эта граница, очерчивая географическое местоположение одной из коренных систем полевого хозяйства общинной России,

23. Цифровые обозначения губерний см. таблицу 1. — *Ред.*

24. При составлении этой карты я сознательно допустил нарушение одной из статистических догм. Карта *поуездная*, а в этом случае обычно не полагается дробить уезды на более мелкие части. Я же позволил себе разбить 3 уезда на более мелкие части. Дело в следующем: многие уезды не имеют абсолютно преобладающей системы, на их территории встречаются различные системы, более или менее однородно развитые. В тех случаях, когда они равномерно смешаны по всей территории уезда, я обозначил их как смешанные (см. карту), если же каждая из них обособлена в отдельные районы, я позволил себе выделить этот район, дробя уезды на части.

имеет несомненный географический интерес, но не меньший интерес представляет она и для исследователя *зависимостей* в экономической жизни страны. Так, сразу бросается в глаза близость этой границы к границе преобладания среди посевов яровой пшеницы. Но, впрочем, это выходит из рамок моей работы и представляет тему для исследования, которому настоящая статья является преддверием.

The southern border of the prevailing three-field system of farming in the peasant lands of Russia by the early 20th century

A.V. Chayanov

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Research Laboratory for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: repytjtd68@mail.ru.

Evgeny S. Grishin, Head of the Department of Historical Cartography and Geo-Information Systems, Research Laboratory for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: bibliosof-info@yandex.ru.

This is an article of Alexander Chayanov (1888–1937) first published in 1910 in the *Agriculture and Forestry*. The article is based on the graduate work of Chayanov written at the Moscow Agricultural Institute under the guidance of the Professor of agricultural economy and agricultural statistics A.F. Fortunatov. The article considers farming systems used by peasants on communal lands in the provinces of European Russia in the late 19th — early 20th centuries. Chayanov grouped main systems of the peasant economy into five types: three-field, two-field, many-field, transient (lea tillage), and upland farming. The key sources for the definition and localization of farming systems were the data of non-government (*zemstvo*) statistics and the descriptions of farming systems provided by local agronomists in a number of provinces. Chayanov also used the ratio of the sown and fallow lands as an indicator of the farming system. He calculated this ratio on the basis of the land statistics data collected by the Central Statistical Committee in 1881 and 1893 in 46 gubernias of European Russia. The results of his work are presented in the cartogram indicating the southern and eastern borders of the prevailing three-field system of farming. This publication is mainly for historians focusing on the agrarian history and the works of Chayanov.

Keywords: agrarian history, historical geography, three-field system, peasant economy, A.V. Chayanov

Организация агрономического обслуживания в Сибири в 1920-е гг.: дискурс и выбор

В.А. Ильиных

Владимир Андреевич Ильиных, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН; 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье осуществляется репрезентация экспертного дискурса по проблемам оптимального построения низовой агросети в Сибири в 1920-е годы и его институализации в практике агрономического обслуживания деревни. Анализ проводится в контексте аграрной политики советского государства и идейно-теоретической борьбы в сфере сельскохозяйственной науки. Особое внимание уделяется освещению взглядов А.В. Чаянова.

До революции в России действовало две системы агрономической помощи. Государственная агропомощь имела отраслевой характер и осуществлялась в рамках крупных районов. Земская (общественная) — была участковой и комплексной. В Сибири в начале XX века абсолютно преобладала государственная агрономия. После восстановления советской власти в регионе развернулась дискуссия между сторонниками отраслевой, участковой и районной систем организации агросети. Наркомат земледелия рекомендовал повсеместное внедрение участковой организации. На местах проходила экспериментальная апробация иных схем. В середине 1920-х годов в условиях проведения административной реформы выбор был сделан в пользу участково-районной организации, которая модифицировалась в районную.

Сформировавшаяся в условиях нэпа советская агрономическая организация в значительной степени основывалась на принципах дореволюционной общественной агрономии. Отличительной чертой советской агропомощи было ее огосударствление. Теоретики общественной агрономии позитивно оценивали данную особенность советской агроорганизации, которая, по их мнению, позволяла более эффективно осуществить рационализацию крестьянского хозяйства.

В конце 1920-х годов в СССР произошел отказ от основных принципов общественной агрономии, а затем ликвидация действующей в период нэпа системы агрономической помощи.

Ключевые слова: сельское хозяйство, крестьянство, земельные органы, агрономическое обслуживание, нэп, А.В. Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-83-107

Накануне Первой мировой войны в России сложилась достаточно эффективная система агрономической помощи, оказанием которой занимались как государственные структуры, так и органы местного самоуправления в лице земств (см.: Агрономическая помощь,

1914; Чайанов, 1918: 30–41; Овчинцева, 1995)¹. При этом существовали принципиальные отличия в организации земской и государственной агропомощи. От имени государства ее непосредственное оказание на местах осуществляли специалисты и инструкторы по отдельным отраслям сельского хозяйства, координацией деятельности местных агентов государственной агрономической организации занимались районные и областные специалисты.

В рамках земской организации непосредственное агрообслуживание крестьянских хозяйств первоначально возлагалось на уездных агрономов. С 1906 года низовым звеном земской системы агропомощи стал участок, который формировался в границах нескольких волостей. Задачей агрообслуживания участка являлось развитие всех основных отраслей сельского хозяйства данной территории, включая животноводство. В связи с этим возглавлявший участок агроном рассматривался не как специалист в области растениеводства, а как универсал. Центром участка являлся агропункт, включавший агрономический кабинет с набором инструментов, наглядными пособиями и библиотекой, земельный участок для опытных и демонстрационных посевов, современный сельхозинвентарь, предназначенный для ознакомления с ним крестьян и обработки опытного поля. В штат участка также входил вспомогательный персонал. С 1906 года начался бурный рост числа участков: если в 1906 году на территории так называемых староземских губерний их насчитывалось всего 10, то в 1912–1913 (Агрономическая помощь, 1914: 136). Увеличение числа агроучастков происходило в том числе за счет их разукрупнения.

Работу агроучастков в пределах уезда координировал уездный агроном, уездных агрономов — губернский агроном. Текущая деятельность агроперсонала обсуждалась на уездных и губернских агрономических совещаниях. На губернском уровне также учреждались коллегиальные совещательные сельскохозяйственные советы, к работе которых привлекались представители губернских земских собраний, губернского, уездного и низового агроперсонала, сельскохозяйственных обществ, кооперативных организаций, статистических органов и др.

Таким образом, земская организация была направлена на возможно полный и равномерный охват всех отраслей сельского хозяйства в рамках компактных агроучастков. Государственная агропомощь ориентировалась на обслуживание отдельных отраслей и подотраслей сельского хозяйства, специалисты по которым направлялись на места. Координация их деятельности осуществлялась в рамках обширных сельскохозяйственных районов. Если судить об агрономической организации в Российской империи непредвзято, то можно сделать вывод, что государственная (отраслевая) и земская (участковая) системы агропомощи дополняли друг

1. См.: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 88–91 об.

друга. Однако адепты земской схемы, которую они определяли как «общественную агрономию», противопоставляли ее государственной — «бюрократической». Основанием для этого служила действительная оторванность части правительственного агроперсонала от нужд основной массы сельхозпроизводителей — крестьян.

В Сибири агрономическая организация имела существенную специфику. Положение о губернских и уездных земских учреждениях не распространялось на сибирские губернии и области. Агрономическую помощь в регионе осуществляли главным образом «правительственные агрономы-специалисты и инструктора-специалисты по отдельным отраслям с[ельского] х[озяйства]»². Массовое переселение крестьян в ходе столыпинской аграрной реформы и необходимость их относительно скорой хозяйственной адаптации в Сибири стали причиной создания в 1908 году государственной агрономической службы в рамках Переселенческого управления. Принявшая основную массу переселенцев Томская губерния была разделена на два агрономических района с центрами в Томске и Барнауле, которые, в свою очередь, делились на инструкторские пункты, представлявшие собой своеобразные аналоги агроучастков в земских губерниях. Всего в губернии к 1915 году функционировало 9 инструкторских пунктов (Разгон, Храмов, Пожарская, 2010: 91). Помимо государственной агрономической организации при казачьих войсках в Сибири функционировали сословные агрономические учреждения. В 1912 году при Сибирском войсковом хозяйственном правлении учредили агрономический отдел, а на территории войска создали 6 агрономических участков. В штат отдела также входило несколько отраслевых инструкторов³.

В середине 1910-х годов сомнения в том, что наиболее оптимальной схемой организации агрообслуживания является участковая, было высказано рядом земских агрономов. Они указывали на то, что участковый агроном не может быть одновременно хорошим специалистом во всех отраслях и подотраслях сельского хозяйства и, имея, как правило, профессиональные предпочтения, мало внимания уделяет сферам, далеким от его интересов. Данной позиции, в частности, придерживался известный русский агроном В.Н. Варгин⁴, занимавший с 1899 по 1913 год должность губернского агронома Пермского земства⁵.

2. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 85.

3. Отчет агрономической организации Сибирского казачьего войска за 1912–1913 гг. Омск, 1914. С. 17–18.

4. В.Н. Варгин — выдающийся российский (советский) агроном. С 1889 по 1899 г. — земский агроном в Пермской губернии, с 1899 г. — губернский агроном Пермского земства, в 1919 г. исполнял обязанности Томского губернского агронома, с 1920 г. — профессор, заведующий кафедрой сельскохозяйственной экономики и организации хозяйства агрономического факультета Пермского университета.

5. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 88–91 об.

Опыт работы участковых агрономов активно изучался в сельскохозяйственных учебных заведениях и в обобщенном виде использовался для обучения и повышения квалификации агроперсонала. Во второй половине 1910-х годов был издан ряд работ по теории и практике агрономического обслуживания населения (А.Ф. Фортунатов, В.И. Тейтель, А.И. Чупров, А.И. Фабрикант, К.А. Матеевич и др.). Но наибольшую популярность в агрономической среде приобрел изданный в 1918 году труд А.В. Чаянова «Основные идеи и методы работы общественной агрономии». Следует отметить, что Чаянов под общественной агрономией понимал «систему общественных мероприятий, стремящихся направить эволюцию сельского хозяйства в сторону наиболее рациональных (в условиях времени и места) форм его». В связи с этим «работника общественной агрономии» он определял «деятелем не столько техническим, сколько социальным» (Чаянов, 1918: 5, 12)⁶.

Чаянов был убежденным сторонником участковой агрономии. Тем не менее он полагал, что оказание помощи участковым агрономам со стороны работающих в уезде отраслевых специалистов может способствовать «дальнейшей интенсификации агрономической работы» (Чаянов, 1918: 35, 39). В вышеупомянутой книге Чаянова приведена следующая графическая схема уездной земской агрономической организации (рис. 1)⁷.

Теоретики общественной агрономии сформулировали основные принципы ее функционирования:

1) Приближение агрономической помощи к крестьянским хозяйствам через развитие участковой сети.

2) Единство программы рационализации крестьянского хозяйства, заключающееся в комплексном (межотраслевом) характере обслуживания.

3) Общественный характер агрономического обслуживания, проявляющийся прежде всего в привлечении к разработке и реализации программы рационализации общественности, а также объединение крестьянства в специализированные организации.

В Сибири большая часть делегатов проходившего в 1914 году в Томске Первого областного агрономического съезда проголосовала за развитие участковой агрономии, которая увязывалась с учреждением в регионе земства⁸. В июле 1917 года Временное правительство учредило земства в сибирских губерниях. Их реальное создание растянулось на всю вторую половину 1917 года и было

6. Аналогичной трактовки «общественной агрономии» также придерживался один из ее основоположников проф. А.Ф. Фортунатов (см.: Кузнецов, 2017: 80).

7. Мы не исключаем, что настоящий рисунок сделан рукой самого А.В. Чаянова.

8. За участковую агрономию высказался 31 делегат, за институт инструкторов-специалистов — 28 (ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 87 об.).

В.А. Ильиных
Организация агрономического обслуживания в Сибири в 1920-е гг.: дискурс и выбор

Источник: (Чаянов, 1918: 39)

прервано с установлением советской власти. В структуре губернских и уездных земств Сибири к этому времени появились агрономические отделы. Воссоздание земских организаций произошло во время Гражданской войны на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях региона. В земства переводилась часть государственного агрономического персонала, создавались или преобразовывались из инструкторских пунктов агрономические участки.

После восстановления в регионе советской власти земства в регионе ликвидировали, сельскохозяйственные учреждения, включая агрономические участки, перешли в ведение государственных земельных органов. По постановлению Сибревкома мобилизации на «действительную службу по сельскому хозяйству» подлежали все специалисты соответствующего профиля, в том числе бывшие белые офицеры, а также гражданские лица, эвакуированные на восток вместе с отступавшими частями Белой армии⁹. В итоге агрономический персонал советских земельных органов сформировался из специалистов с дореволюционным стажем, которые ранее работали в парадигме общественной агрономии. Более того, в повседневной деятельности они продолжали следовать ее прин-

9. Советская Сибирь. 1920. 21 янв.

ципам настолько, насколько это позволялось властями. В условиях военного коммунизма партийные и советские органы жестко определяли и контролировали методы агрономического обслуживания. Приоритетное внимание надлежало уделять колхозам и совхозам. Агромероприятия в деревне выполнялись в основном в рамках «ударных» кампаний, базовым методом проведения которых являлось разверстание плановых заданий и принуждение крестьян к их исполнению.

В то же время определение оптимальной организации низовой агросети было фактически отдано на откуп агрономической общественности. Данный вопрос активно обсуждался на съездах и совещаниях земельных работников. Так, участники состоявшегося 1 февраля 1920 года совещания агрономов при Томском уездном земотделе по итогам обсуждения вопроса «о том, в какой форме должна выразиться агрономическая помощь населению в Томском уезде — в форме ли общественной агрономии или при посредстве целого ряда узких специалистов по сельскому хозяйству», постановили: «Признавая принципиально необходимой специализацию агрономического персонала, собрание высказывается все-таки за общественную агрономию как наиболее приемлемую и полезную при данных условиях форму агрономической помощи населению». При этом собрание «постановило считать обязанностью агрономов «широкую пропаганду коллективизма в сельских хозяйствах»: от обществления инвентаря до организации коммун «как наивысшей и идеальной формы землепользования»¹⁰.

В первой половине 1920 года решения о построении участковой сети были приняты в большинстве губерний, подведомственных Сибревкому. Территорию Омской губернии разбили на 59 участков. К середине июня в 32 из них назначили участковых агрономов. В конце февраля 1920 года коллегия подотдела сельского хозяйства Иркутского губземотдела высказалась «за введение участковой агрономии», предложив разделить губернию на 39 участков. В число участковых агрономов также включались уездные и аймачные (на территории Бурят-Монгольской автономной области) в качестве заведующих «подгородными участками». «Для улучшения отдельных отраслей сельского хозяйства» во всех губерниях Сибири вводились должности инструкторов-специалистов. Некоторые губернии Сибири внедряли смешанную систему агропомощи. «Наряду с участковой агрономией, как основной, были созданы должности специалистов по отдельным отраслям, получившим развитие в тех или иных районах или уездах». В Алтайской губернии к лету 1920 года удалось открыть только четыре агрономических участка и один инструкторский пункт по животноводству¹¹.

10. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 59. Л. 57.

11. Там же. Д. 687. Л. 47; Д. 59. Л. 6–8; Д. 386. Л. 1, 225 об.

Тем не менее дискуссия продолжалась. На заседании Омского центрального сельскохозяйственного общества в начале июля 1920 года омский губагроном И.И. Осипов¹² отстаивал необходимость участковой агрономии. Заведующий подотделом сельского хозяйства Сибземаотдела Н.И. Вентцер¹³ полагал, что наиболее оптимальным для Сибири является внедрение института специалистов, обслуживающих отдельные отрасли сельского хозяйства¹⁴.

Обсуждение проблемы продолжилось на Первом сибирском земельном съезде, который состоялся вскоре после вышеупомянутого заседания Омского сельскохозяйственного общества. В итоге было принято компромиссное решение. В резолюции съезда предлагалось «сохранить принцип участковой агрономии», сочетаемый с направлением «в те или иные районы <...> специалистов по отдельным отраслям сельского хозяйства, где преобладают отдельные специальные культуры, в полном согласовании с существующим и распространенным планом хозяйства данного района (скотоводческого, зернового, полускотоводческого и проч.)». При этом указывалось, что высокая производительность в отраслях сельского хозяйства может быть достигнута лишь в том случае, если их развитием будут заниматься специалисты. В более отдаленной перспективе следовало полностью заменить участковых агрономов специалистами, закрепляя за каждым из них территорию обслуживания (район). Границы данных районов могли пересекаться¹⁵.

Переход к новой экономической политике не сразу изменил ситуацию: весенняя посевная кампания 1921 года прошла с использованием многих «военно-коммунистических» приемов. Однако по мере развертывания нэпа методы агрономического обслуживания изменялись. Государственная материальная и финансовая помощь колхозам была фактически прекращена. Приоритетной целью земельных органов провозглашалась поддержка индивидуального

12. И.И. Осипов — агроном, ученый. В 1911–1918 гг. — на агрономической службе в Смоленской, Тульской и Рязанской губерниях, в 1918–1919 гг. — заведующий агрономическим отделом Войсковой управы Сибирского казачьего войска, с декабря 1919 г. — заведующий подотделом/отделом сельского хозяйства Омского губземаотдела/управления (губернский агроном), с января 1925 г. по май 1928 г. — заведующий отделом сельского хозяйства Сибкрайземуправления (краевой агроном). В августе 1930 г. арестован по обвинению в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии», в апреле 1931 г. приговорен к 10 годам концлагерей.

13. Н.И. Вентцер — агроном, ученый. Накануне и в годы революции — на агрономической службе в Пермском губернском земстве. В июле 1918 г. избран заведующим сельскохозяйственными учреждениями сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского университета. С мая 1920 г. по сентябрь 1921 г. — заведующий подотделом сельского хозяйства Сибземаотдела. Затем работал в Симбирском губземуправлении.

14. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 87 об.

15. Там же. Д. 19. Л. 76, 77 об.

крестьянского хозяйства, которое становилось основным объектом агрономического обслуживания. Произошел отказ от принуждения крестьян к выполнению государственного задания, основным стимулом развития сельского хозяйства должна была стать экономическая заинтересованность производителя во внедрении рекомендованных ему мероприятий по улучшению культуры земледелия и животноводства.

Трансформация аграрной политики Советского государства была в целом позитивно воспринята ведущими специалистами-аграрниками, в том числе видными теоретиками общественной агрономии А.В. Чаяновым, А.Ф. Фортунатовым, А.И. Фабрикантом и др. Более того, многие из них полагали, что именно большевистское правительство более эффективно, чем царское, сможет осуществить рационализацию крестьянского хозяйства. Не вызывало у них отторжения и огосударствление агрономической организации. Государство располагало значительно большими материально-техническими, кадровыми и финансовыми ресурсами, нежели земства. Общественное же начало в агрономии могло сохраниться через создание коллегиальных органов и привлечение общественности к обсуждению и выработке мер по восстановлению и развитию сельского хозяйства.

Переход к нэпу вновь актуализировал проблему выбора оптимальных форм организации низовой агросети. Заведующий отделом сельского хозяйства Сибземотдела Н.И. Вентцер в своем докладе на состоявшемся в начале июля 1921 года 2-м Сибирском земельном съезде в очередной раз поставил вопрос о необходимости отказа от участковой агрономии и переходу к институту специалистов¹⁶. По его мнению, на современном этапе развития аграрной экономики сельского хозяйства Сибири требуется углубление специализации. Обеспечить ее могут агрономы и инструкторы, специализирующиеся на отдельных отраслях сельского хозяйства. Исходя из этого, Вентцер предложил следующую схему организации агрономической помощи: уезд разбивается не на территориальные агрономические участки, а на особые районы в зависимости от их специализации, в том числе и перспективной; в этих районах базируются «агрономы-специалисты», а также в случае необходимости — назначенные ими в качестве помощников инструкторы или техники. Он полагал, что в современных условиях оказание агрономической помощи населению в уездах целесообразно распределить между специалистами по полеводству, животноводству, культуре кормовых растений и улучшению лугов, по сельскохозяйственным машинам и орудиям, а в случае необходимости — также по маслоделию и сыроварению, пчеловодству, огородничеству и садоводству, льноводству и коноплеводству. В дальнейшем возможна более узкая специализация районов.

16. Там же. Д. 1281. Л. 81–94 об.

Центральное место в агрономической организации уезда должно занимать показательное хозяйство¹⁷, имеющее крупное и технически налаженное производство. Оно служит опорным пунктом для всех специалистов, а также местом «общеполезных учреждений»: сортировальных и зерноочистительных пунктов, пунктов содержания племенного скота, машиноиспытательных станций, опытных сортовых участков для полевых и огородных культур, образцовых ферм, в том числе для содержания молодняка, пункта первичной переработки льноволокна и др.

Доклад Вентцера вызвал оживленные споры¹⁸. Ряд делегатов его поддержали. С критикой выступил заведующий подотделом сельского хозяйства Енисейского губземотдела Б.В. Окушко¹⁹, являвшийся принципиальным сторонником участковой агрономии. Данную точку зрения в целом поддержал агроном В.И. Ткаченко, который отметил, что «никто из критиков не отвергает институт специалистов», однако, по его мнению, «специалисты должны быть подчинены все же участковому агроному того участка, где они работают, для объединения их действий».

Дискуссия завершилась неожиданно для большинства участников: выступивший с заключительным словом Вентцер познакомил присутствующих с поступившими во время заседания циркуляром Наркомата земледелия РСФСР²⁰ и прилагаемыми к нему тезисами московского губернского агронома И.П. Степанова «Формы организации агрономической помощи населению и методы агрономической работы»²¹. Степанов в своих тезисах исходил из того, что в основу построения агропомощи населению должен быть положен принцип участковой агрономии. В циркуляре Наркомзема, где предлагалось «всем товарищам агрономам» сообщить свое мнение по поводу предложений Степанова, тем не менее без обиняков указывалось, что «участковая агрономическая организация в настоящих условиях признается как единственно целесообразная». Познакомившись с присланными из Наркомзема документами, делегаты съезда приняли резолюцию, в которой признали «более при-

17. В уездах, разбитых на большое количество специализированных районов, таких хозяйств могло быть два.

18. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 61.

19. Б.В. Окушко — в 1914–1917 гг. участковый агроном в Казанской губернии, с мая 1920 г. по июнь 1921 г. — уездный агроном, затем заведующий Минусинским уездным земотделом, с июня 1921 г. — в Енисейском губземотделе (заведующий информационно-инструкторским подотделом, затем заведующий отделом сельского хозяйства). Занимался исследованием сельского хозяйства Приенисейского края. С февраля по май 1925 г. — специалист по сельскохозяйственной экономике Сибкрайземуправления. Затем перешел на преподавательскую работу в Томск, профессор Томского университета.

20. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281. Л. 64–65 об.

21. Там же. Л. 66–67 об.

емлемыми методы оказания агрономической помощи населению, изложенные в тезисах агронома И.П. Степанова»²².

Одним из показателей выбора руководства Наркомзема в пользу участковой агрономической организации также является переиздание в 1922 году в издательстве наркомата «Новая деревня» книги А.В. Чайнова «Основные идеи и методы работы общественной агрономии» (Чаянов, 1922). В предисловии ко второму изданию автор писал, что решил переиздать книгу «почти» без поправок и дополнений. «Революционная эпоха еще не дала нам сколь-нибудь законченных новых форм и методов агрономической работы». Поэтому новое издание представляет «свод того наследия, которое получаем мы от “земского периода” нашей общественной агрономии, тем более что это наследие и теперь составляет собой большую часть местной работы». «Некоторые дополнения и терминологические изменения вносились» лишь в случае необходимости «уничтожить явные анахронизмы» (Чаянов, 1922: 2)²³.

В начале 1920-х годов в РСФСР в соответствии с установками Наркомзема наиболее распространенной была участковая организация агрообслуживания. Однако в ряде губерний были осуществлены попытки ее реорганизации в так называемую районную. Инициаторы ее введения полагали, что она позволяет устранить два основных недостатка участковой агрономии: недостижимый универсализм участкового агронома и перманентное изменение границ агроучастков. По мере создания необходимых кадровых и материально-финансовых условий крупные участки дробились на все более мелкие²⁴. Постоянное разукрупнение создавало неустойчивость в организации агрономического обслуживания. В то же время границы агрономического района должны были оставаться неизменными. Возглавлял район не агроном-универсал, а агроном-экономист, в чьем подчинении находились специалисты по отдельным отраслям и подотраслям сельского хозяйства, число которых могло увеличиваться. В начале 1920-х годов общих подходов к определению границ районов не существовало: в одних губерниях и областях,

22. Там же. Д. 61. Л. 98 об.

23. В частности, в «схеме агрономической организации» (см. рис. 1) «земское собрание», «земская управа» и «экономический совет» были заменены на «съезд советов», «исполком» и «сельскохозяйственный совет» (Чаянов, 1922: 39).

24. В дореволюционный период в границы агроучастка, как правило, входило несколько волостей. При этом некоторые теоретики общественной агрономии полагали, что с целью максимального приближения агропомощи к населению необходимо довести территорию участка до размеров волости, и не исключали дальнейшего дробления волости на ряд агроучастков (Кокин, 1927: 49). Так, профессор Фортунатов заявлял: «По вопросу о размере деятельности местного агронома я остаюсь неисправимым сторонником возможно мелкого размера этой территории» (Фортунатов, 1920: 2).

избравших данную схему организации агропомощи, районы выделялись в соответствии с административно-территориальным делением, в других — по историческим, географическим или экономическим признакам (Осипов, 1929б: 37–38)²⁵.

В Сибири, несмотря на принятое 2-м Областным земельным съездом решение (см. выше), участковая агрономия также не получила повсеместного распространения. Наиболее последовательно она внедрялась в Омской губернии, руководители земельного управления которой (заведующий А.М. Розе²⁶ и зав. отделом сельского хозяйства И.И. Осипов) в своей практической деятельности опирались на опыт дореволюционной земской агрономии. В ряде губерний региона в районах, специализирующихся на скотоводстве, создавались животноводческие участки во главе с зоотехником, специалист по полеводству (агроном) становился его помощником. В Сибири также имели место попытки передачи агроучастков сельхозкооперации с целью экономии средств местного бюджета (Розе, Осипов, 1925: 11–12).

Попытка реформирования участковой организации агропомощи была предпринята в Алтайской губернии. В начале 1922 года руководство губземотдела выдвинуло идею «в целях приближения к населению всех мероприятий по оказанию непосредственной помощи, а также концентрации сил и средств для комбинированного воздействия на крестьянское население» разделить подведомственную территорию на 20 инструкторских районов²⁷. Все работающие на территории района специалисты, а также земельные учреждения и предприятия (совхозы, кооперативы, прокатные и случные пункты и др.) объединяли свои усилия по восстановлению и развитию сельского хозяйства под руководством инструктора-организатора, выступавшего в качестве своеобразного «политработника». Составной частью инструкторского района должен был стать возглавляемый агрономом агропункт, основной функцией которого являлась организация непосредственной агрономической помощи сельхозпроизводителям. В двух наиболее крупных и разнотипных по специализации районах планировалось создать по 2 агропункта.

Острая нехватка финансовых средств и кадров не позволила создать инструкторские районы. Однако руководство губземуправления не оставило попыток объединения различных низовых организационных структур. Так, летом 1922 года возникла идея

25. Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 9. С. 10.

26. А.М. Розе — в 1920 г. заместитель заведующего Иркутским губземотделом, в начале 1921 г. — заместитель заведующего Сибземотделом, с марта 1921 г. — заведующий Омским губземотделом/управлением, с января 1924 г. — заведующий Алтайским губземуправлением, с сентября 1924 г. по июль 1925 г. — заместитель уполномоченного Наркомзема РСФСР по Сибири, заместитель заведующего Сибземуправлением. Член РСДРП(б) с 1917 г.

27. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 258. Л. 19–20.

объединить работающих на местах специалистов и обслуживающие сельхозпроизводителей учреждения и предприятия, включая агропункты, в 24 агробазы, территория функционирования которых совпадала с границами агропункта (агрономического участка). В 1923 году от создания агробаз в губернии фактически отказались и лишь по инерции в некоторых документах ими называли функционирующие агрономические участки²⁸.

В некоторых губерниях страны название агробаз получили совхозы, находившиеся в ведении губземуправлений. Их основной задачей являлось оказание помощи крестьянским хозяйствам: снабжение чистосортными семенами, породистым молодняком, случка крестьянского скота, прокат сельхозинвентаря²⁹. Более того, рядом земельных работников предлагалась замена участковой сети системой агрикультурных центров, базой которых должны были стать крупные совхозы. Возглавлялись агрикультурные центры агрономами или «агрикультурниками-хозяйственниками, которые, отвечая за надлежащую организацию хозяйства в совхозах, одновременно оказывали бы постоянную агрономическую помощь населению». По мнению агронома И.В. Каменецкого, «агроном, непосредственно участвующий в организации хозяйства, органически теснее свяжется с основными текущими нуждами местного сельского хозяйства и будет пользоваться большим авторитетом, чем в настоящее время участковый агроном, живущий обыкновенно вне хозяйственной обстановки». Кроме того, это позволило бы средства, расходуемые на организацию агроучастков, «обратить на увеличение средств организации агрикультурных центров в совхозах и дало бы возможность привлечь к этому делу наиболее квалифицированную агрономическую силу» (Каменецкий, 1923).

Основным препятствием для развития системы агрономического обслуживания в начале 1920-х годов оказался острый финансовый кризис. Для земельных органов положение усугублялось переводом значительной части обслуживающих крестьян учреждений и предприятий на хозрасчет в условиях низкой платежеспособности сельского населения. Нехватка средств приводила к свертыванию уже существующей агросети и сокращению масштабов агропомощи крестьянству. В Алтайской губернии весной 1922 года функционировало 17 агрономических участков (агробаз), осенью 1922 года — 16,

28. Там же. Д. 1382. Л. 10.

29. Идея совхозов-агробаз во второй половине 1920-х гг. была положена в основу разработки проектов совхозов-комбинатов, которые представляли собой агропромышленные комплексы, специализирующиеся на производстве и переработке технических культур. В них входили совхоз с находящимся на его территории перерабатывающим предприятием и расположенные в округе единоличные крестьянские хозяйства. Совхоз, помимо переработки, занимался семенным делом, выращиванием рассады, а также агрикультурным, материально-техническим и транспортным обслуживанием крестьян.

весной 1923-го — 11, осенью 1923-го — 7. При этом все оставшиеся к осени 1923 года агропункты не были до конца оборудованы, а «агрономы выполняли различные поручения Г[уб]З[ем]У[правления], вплоть до торговых операций, отвлекаясь тем от своих прямых задач по оказанию агропомощи населению». Всего в конце 1922/23 года в Сибири, по официальным данным, функционировало 94 агрономических участка. Наиболее благополучной была ситуация в Омской губернии (29 участков), руководители земорганов которой, как указывалось выше, сделали ставку на развитие участковой агросети еще в 1920 году, последовательно увеличивали число агроучастков, добываясь при этом от губисполкома необходимого финансирования³⁰.

В 1923/24 году налаживание финансирования земельных органов, в том числе за счет местных бюджетов, а также относительное улучшение материального положения крестьян создали базу для наращивания масштабов агрообслуживания деревни. Наибольших успехов в «выбивании» средств местных бюджетов на нужды земорганов добился заведующий Алтайским губземуправлением А.М. Розе, переведенный в январе 1924 года в Барнаул из Омска. Основные усилия подведомственных учреждений Розе сосредоточил на существенном расширении низовой агрономической сети. В итоге за год количество агрономических участков в Алтайской губернии выросло с 7 до 25. По данным Сибземуправления, все алтайские агроучастки, в отличие от 1923 года (см. выше), были «оборудованы, обеспечены квартирой, агрокабинетами, опытными полями и т.д.». В Омской губернии, где основная организационная работа в данной сфере была проведена еще в предыдущий период, количество агроучастков выросло с 29 до 32. В целом по Сибири число агрономических участков за год увеличилось с 94 до 115³¹.

В условиях стабилизации финансового, кадрового и материально-технического положения земельных органов Наркомзем РСФСР в конце 1923 года разработал рассчитанную на 10 лет программу развития системы агрономического обслуживания, в соответствии с которой предполагалось в перспективе добиться открытия агроучастков в каждой волости³². В начале марта 1924 года в Москве состоялось 2-е Всероссийское совещание земельных работников. С докладом «Организация агрономической помощи населению» выступил член коллегии Наркомзема П.А. Месяцев³³, ознакомивший делегатов с программой наркомата.

30. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 258. Л. 26; Д. 1383. Л. 40; Д. 1615. Л. 3; Д. 1382. Л. 10.

31. Там же. Д. 1615. Л. 3.

32. Там же. Д. 1299. Л. 29.

33. П.А. Месяцев (1889–1938) — советский государственный деятель, член большевистской партии с 1906 г. В 1916 г. окончил Московский сельскохозяйственный институт (Петровская академия). В 1921–1924 гг. — член

Больше всего вопросов у делегатов вызвала проблема ее реализации в условиях начавшейся в СССР административно-территориальной реформы, получившей официальное название «районирование». В рамках реформы территория страны делилась на региональные объединения (края и области), создаваемые в рамках крупных экономических районов. Губернии, уезды и волости при этом ликвидировались. Губернское и уездное деление заменялось окружным. Волости сначала укрупнялись, а затем преобразовывались в районы (Ильиных, 2009). В связи с этим возник вопрос о месте районного уровня управления в системе агрономической организации.

П.А. Месяцев в заключительном слове заявил, что поскольку районирование проводится «лишь в некоторых частях Республики в виде опыта», то Наркомзем в своей плановой работе пока его не учитывает. В перспективе, по его мнению, район в системе агрообслуживания, должен занять место уезда. При этом Месяцев выступил против расширения территории агроучастков до размеров сельского района. «Придется район разбивать на агрономические участки»³⁴.

В 1924 году вновь был переиздан труд А.В. Чаянова «Основные идеи и методы работы общественной агрономии». В третье издание были внесены более существенные исправления, чем во второе. В наибольшей степени переработке подверглась глава 3 «Агрономическая организация». При этом приведенная в ней графическая схема «русской участковой агрономической организации» фактически повторяла предыдущие (см. рис. 1). Основанием организационной системы оставались агрономические участки, возглавляемые участковыми агрономами. Однако в тексте, следующем после графика, сделан парадоксальный на первый взгляд вывод: «Следует признать, что идея участковой агрономии в старых довоенных формах потерпела неудачу и положительный эффект от ее работы был невелик» (Чаянов, 1924: 51). Далее автор объяснял свою позицию. Дореволюционный опыт доказал, что невозможно найти несколько тысяч агрономов, «хотя бы скромно могущих удовлетворять требованиям, безусловно необходимым для нормального участкового агронома». А «нормальный» участковый агроном должен быть, с одной стороны, «пропагандистом и организатором», с другой — «первоклассным техником, обладающим выдающимися

коллегии Наркомзема РСФСР. Был одним из идеологов и разработчиков Земельного кодекса 1922 г. В сентябре 1924 г. командирован в Сибирь в качестве уполномоченного НКЗ РСФСР с назначением на должность заведующим Сибирским земельным управлением/Сибирским краевым земельным управлением. С октября 1924 г. — член Сибревкома/Сибкрайисполкома, с ноября — Сибкрайкома РКП(б). В июне 1926 г. отозван из Сибири. В последующие годы работал в кооперации, сельхозбанке, Госплане СССР.

34. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1299. Л. 29 об.

навыками <...> в отношении всех обслуживаемых им отраслей». Чайанов полагал, что «на место одного агронома-героя» следует поставить «социальный общественно-агрономический аппарат, <...> возглавленный крупным организатором-экономистом». Этим организатором должен был стать уездный агроном, руководящий работой «как участковых агрономов, так равно и всеми специалистами уезда» (Чаянов, 1924: 50, 51–52). Фактически Чайанов предлагал переход от участковой агрономии к крупнорайонной (уездной). Осуществить реформу организации агропомощи должно было Советское государство.

Второе Всероссийское совещание земельных работников приняло резолюцию о необходимости принятия Положения об агрономической организации. На длительность его разработки и содержание повлияло расширение масштабов реформы административно-территориального устройства страны, что уже было невозможно не принимать во внимание. Первым регионом, где осуществили районирование, стал Урал. Работа по образованию 205 районов в учрежденной в ноябре 1923 года Уральской области завершилась к марту 1924 года. В Сибири реформа началась с укрупнения волостей. С августа 1923 года по сентябрь 1924-го 864 прежних волости заменили 255 укрупненными районами (Ильиных, 2009).

Состоявшееся в декабре 1924 года 5-е Сибирское земельное совещание приняло принципиальное решение. В его резолюции по докладу об организации агрономической помощи населению Сибири указывалось: «Основной частью всей сибирской агрономической организации является участковая сеть, каковая в ближайшее время строится по признаку укрупненной волости и приурочивается по административным центрам укрупненной волости (района)». «Нормальный» штат участка помимо агронома включал двух помощников — специалистов по животноводству (зоотехника) и полеводству³⁵. 25 апреля 1925 года уполномоченный Наркомзема по Сибири подписал приказ о введении в действие «Положения об агрономической организации Сибири», в котором повторялись основные положения резолюции 5-го Сибирского земельного совещания³⁶.

«Положение об агрономической организации Народного комиссариата земледелия РСФСР» было утверждено 12 мая 1925 года³⁷. В нем в отличие от сибирского положения вводились понятие «участковая (районная) агрономическая организация» и должность «участкового (районного) агронома», что подчеркивало отличие новой системы построения низовой агросети от старой (чисто участковой). В дальнейшем в сельскохозяйственной литературе «участковая (районная) организация» все чаще стала определяться

35. Резолюция 5-го Сибирского земельного совещания. Новониколаевск, 1925. С. 17.

36. ГАНО. Ф. Р-1129. Оп. 1. Д. 321. Л. 22–23.

37. Сельскохозяйственная жизнь. 1925. № 19. Приложение. С. 5–9

только как «районная», а участковый агроном — как «районный». В конце 1920-х годов широко использовался термин «агрономический район» (вместо агроучастка).

Состоявшийся в начале декабря 1925 года I Съезд советов Сибирского края постановил «в 1926–27 г. установить постоянную сеть агроучастков по числу районов, приняв необходимые меры к заполнению достаточным количеством квалифицированных кадров»³⁸. До создания агроучастков в райцентры направлялись районные агрономы. Агрообслуживание тех районов, где агрономы еще не были назначены, проводили инструкторы окружных земельных управлений. Инструкторский состав участка мог быть увеличен за счет специалистов по наиболее перспективным для данного района специальностям сельского хозяйства (например, по масличным и волокнистым культурам, пчеловодству). До заполнения участков кадрами совместную работу с районными агрономами вели специалисты, работавшие в окреступравлении.

При агропункте, который являлся центром участка, помимо агрокабинета, опытного участка и склада сельхозинвентаря рекомендовалось также создание «сельскохозяйственного музея». Участковый агроном содействовал правильной организации работы находящихся на территории участка кооперативных прокатных, зерноочистительных и случных пунктов, племенных рассадников. Если же таковых не было, их следовало организовать при агропункте. На агронома возлагалась координация деятельности находившихся в районе землеустроительных, ветеринарных участков и иных земельных органов.

Агроном обязывался инициировать учреждение в районе сельскохозяйственного совета, к работе которого помимо членов так называемой низовой ячейки (самого агронома, землеустроителя, ветеринарного врача/фельдшера, лесничего) следовало привлечь представителей райисполкома, районных организаций ВКП(б) и ВЛКСМ, комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ), профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих, женотдела, кооперативных организаций, сельсоветов, совхозов, колхозов и других производственных кооперативов, опытных полей и станций, земельных обществ, «других учреждений и организаций, могущих оказать содействие в работах по улучшению сельского хозяйства данного района», отдельных крестьян-культурников. Совет должен был созываться не менее двух раз в год. В его задачи входили определение и обсуждение проблем сельского хозяйства района.

Для более детальной проработки вопросов развития отрасли, их подготовки для сельхозсовета, повседневного согласо-

38. ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 2. Д. 5. Л. 141. В РСФСР планировалось добиться создания агроучастков в каждом районе в 1928 г. (Сельскохозяйственная жизнь. 1926. № 11. С. 14).

вания и увязки работ в данной сфере, разрешения срочных вопросов создавался постоянно действующий орган — сельхозбюро. В его состав входили участковый агроном, землеустроитель, ветврач/фельдшер, лесничий, представители райисполкома, райкома ВКП(б) и ВЛКСМ, ККОВ, кредитной кооперации.

На окружном и краевом уровне коллегиальность управления проявлялась в регулярном созыве земельных съездов, агрономических, землеустроительных и других совещаний, на которые помимо руководителей и специалистов земельных органов приглашались представители партийных и советских органов, кооперации, а также крестьяне-культурники.

В качестве базиса общественного характера агрообслуживания рассматривалась инициатива и самодеятельность крестьянства, которую, в свою очередь, должен был пробуждать персонал низовых земельных органов, создавая потребность в агропомощи со стороны сельских хозяев. По мнению сибирского крайагронома И.И. Осипова, основную угрозу общественному характеру агрономии создает подмена агронома-общественника агрономом-чиновником, который работает не на население, а на районное начальство: «<...> исправно сидит от девяти до трех с половиной в Р[ай]И[спол]К[ом]е, пишет, а иногда печатает на машинке бумажки в сельсоветы, участвует во всех комиссиях и заседаниях, ездит по деревням отыскивать укрытые объекты обложения, замещает заведующего райземстолом, когда тот уезжает по делам службы и т.д.» (Осипов, 1927: 7). Определенной гарантией «независимости» земельных работников от районных властей являлось то, что агрономические участки находились в непосредственном подчинении окружных земельных управлений, а районные агрономы ими назначались.

В 1924 году на территории Сибирского края функционировало 122 агроучастка, в 1925 году их число увеличилось до 183, в 1926 году — до 222, в 1927 году — до 233, в 1928 году — до 242 (Осипов, 1929: 17)³⁹. Агрономические участки не были открыты лишь в отдаленных северных районах. Параллельно с заполнением районной агросети в райцентрах создавались землеустроительные и ветеринарные (ветврачебные или ветфельдшерские) участки.

Функционирующая с 1925 года система организации агрономического обслуживания сочетала элементы участковой, отраслевой и районной. Однако не все агрономические работники считали ее оптимальной. В 1927 году на страницах журнала «Агроном» развернулась дискуссия между сторонниками участковой и районной агрономии. Участковый агроном из Московской губернии С. Ксенократов считал, что основным недостатком районной агрономической организации является «отдаление агроцентра от периферии». В связи с этим значительную часть времени райагроном вынужден

39. В РСФСР в начале 1928 г. насчитывалось 3193 агроучастка (Агроном. 1928. № 8. С. 9).

был тратить на дорогу до отдаленных селений. «Дальнейшее строительство» низовой агросети, по его мнению, должно идти по пути отказа от районной агрономии и восстановления участкового принципа ее организации (Ксенократов, 1927). Его оппоненты доказывали, что «охват территории агрономом зависит от средств передвижения». Их улучшение (пешком, на лошади, на паре лошадей, на «мотоциклете») существенно уменьшает время в пути (Юкин, 1927: 50).

Во второй половине 1920-х годов появился ряд работ, авторы которых попытались осмыслить теоретические основы агрономической организации в СССР. Одним из них был сибирский краевой агроном Осипов. В 1927 году он по-прежнему определял функционирующую систему агропомощи как «общественную агрономию» (Осипов, 1927). Однако позднее Осипов, как и другие эксперты, стал называть ее «советской». Основными принципами советской агрономической организации, по мнению Осипова, являлись (Осипов, 1929б: 36, 40):

- 1) «Приближение агрономической помощи к хозяйствующему населению».
- 2) «Единство организационного плана сельского хозяйства».
- 3) «Общественность».
- 4) «Единство агрообслуживания с земельными и советскими органами».

Из четырех перечисленных принципов три в той или иной степени были присущи дореволюционной общественной агрономии. Районная участковая агросеть, по мнению ее адептов, обеспечивала необходимую степень приближения агропомощи к населению и комплексный (межотраслевой) характер обслуживания. Агрономия была не земской, а государственной. Но ее общественный характер выражался в создании коллегиальных органов, а также опоре на инициативу и самодеятельность крестьянства. Новым был принцип единства агрообслуживания, который подразумевал ведущую роль земельных органов в организации и оказании агропомощи и подчиненный им характер деятельности иных структур, обслуживающих сельское хозяйство. Однако теоретики общественной агрономии полагали, что создание единой государственной агроорганизации устраняет издержки досоветской системы.

Становление районной организации агрономической помощи пришлось на период либерализации аграрной политики Советского государства, проводимой в рамках курса РКП(б) «Лицом к деревне». С целью стимулирования роста товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Дезавуировались административные меры в отношении зажиточных хозяйств. Основными методами агрообслуживания являлись массовый и индивидуальный. Индивидуальный метод предполагал оказание на договорной основе агропомощи отдельным крестьянам-культурникам, желающим

и способным внедрить у себя комплекс передовых приемов ведения земледелия и животноводства. Массовый метод агроботы заключался во внедрении отдельных улучшений агрикультуры в возможно большее количество крестьянских хозяйств. При этом основным объектом индивидуального метода являлись зажиточные крестьяне, а массового — середняки. Агрообслуживание бедноты в силу платности его основных видов было минимизировано. Невелики были и масштабы агропомощи, оказываемой земельными органами колхозам. Во-первых, их число после перехода к нэпу резко сократилось. Во-вторых, руководители и специалисты земельных органов скептически относились к перспективам колхозного движения. Они также полагали, что обслуживать колхозы должны кооперативные организации.

Осуществление большевистской партией «нового курса» по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Существенный вклад в восстановление и развитие сельского хозяйства внесла агрономическая помощь крестьянству, масштабы которой расширились. Однако уже в конце 1925 года началась корректировка аграрной политики. На повестку дня была поставлена задача сплочения бедноты вокруг партии и Советского государства. Постановка данной задачи применительно к деятельности земельных органов выразилась в требовании обязательной дифференциации агрономических мероприятий. При этом под дифференциацией понималась не выработка особых приемов работы в отношении всех социальных групп деревни, а увеличение объемов агропомощи бедноте и колхозам.

Важным этапом на пути оформления новой линии большевистской партии в аграрно-крестьянском вопросе стал XV съезд ВКП(б), поставивший в непосредственную повестку дня партийных и советских органов задачу коллективизации сельского хозяйства и заявивший о необходимости решительного наступления на кулака. Решения съезда оказали непосредственное влияние на деятельность земельных органов. Пересматривались подходы к организации и методам агрономического обслуживания деревни. Агроперсоналу предлагалось посвящать 80–90% рабочего времени колхозам. Дезавуировалась точка зрения о том, что социализм в деревне может быть выражен суммой культурных хозяйств. Какая-либо работа с зажиточными хозяйствами, в том числе «культурными», признавалась абсолютно недопустимой. Агрообслуживание трудовых единоличных хозяйств надлежало проводить главным образом в рамках массового метода, увязанного с задачами производственного кооперирования и коллективизации.

Критике также был подвергнут «общественный» характер агрообслуживания, выражавшийся в «обособлении агроучастков от местных (районных) властей» (Петухов, 1928: 91–92). Также был фактически отвергнут принцип единства агрообслуживания, под-

разумевающий монополию земельных органов на его осуществление. Оппоненты данного принципа заявляли о праве иметь своих агрономов «любой советской организации и учреждению» (Дмитриев, 1928: 59).

Агроном А.Г. Панасенко из Минусинского округа предложил отказаться от наследия земской агрономии, радикально реформировав агрономическую организацию (Панасенко, 1928). Он полагал, что поскольку основной целью советской агропомощи является производственное кооперирование деревни, то организуемые земорганами агрономические пункты следует передать окружным секциям колхозов, «создавая в районе новую кооперативно-подворную классовую агрономию». При этом на персонал кооперативного агропункта возлагалось обслуживание не только кооперированного, но и «всего земледельческого населения деревни».

Публикуя статью Панасенко, редколлегия журнала «Земельный работник Сибири» указала на то, что она «извлечена» из «дискуссионной папки» Минусинского окружного агрономического научно-технического совещания, и заявила о своем несогласии с рядом предложений автора. Кроме того, статья предварялась редакционной преамбулой, в которой сообщалось, что она поступила в редакцию до опубликования постановления СНК РСФСР от 1 августа 1928 г. по докладу Наркомзема РСФСР об агрономической помощи⁴⁰.

Данное постановление⁴¹ не ставило под сомнение право сельхозкооперации, колхозной системы, совхозных трестов и даже «других» организаций создавать свою агрономическую службу. При этом подтверждался принцип единства агрообслуживания. Структурой, объединяющей мероприятия всех агрослужб, является «государственная агрономическая организация земельных органов». «Агрономический персонал сельскохозяйственной кооперации, коллективных хозяйств, советских хозяйств и других организаций, являясь составной частью единой советской агрономической организации, должен вести свою работу под общим плановым руководством, контролем и наблюдением земельных органов и их руководящего агрономического персонала, однако без вмешательства в оперативную работу агрономического персонала сельскохозяйственной кооперации».

В постановлении СНК также указывалось, что «типовой» формой построения низовой агросети в РСФСР остается агрономический район во главе с районным агрономом, который является «ответственным руководителем за всю агрономическую работу». В его подчинении находится соответствующий штат инструкторов-специалистов, которые должны выполнять работу по обслуживанию отдельных отраслей сельского хозяйства. Сельские райо-

40. Земельный работник Сибири. 1928. № 9. С. 51.

41. СУ РСФСР. 1928. № 103. Ст. 652.

ны с большой территорией предлагалось делить на агрономические участки (подрайоны) «в составе участкового агронома (работающего на правах помощника райагронома) и его помощника».

Заведующий отделом агрономических мероприятий Наркомзема РСФСР П.Я. Лежнев-Финьковский⁴², комментируя постановление СНК, поставил задачу в «ближайшее пятилетие» добиться того, чтобы в агрономическом районе работало как минимум 5 агрономических работников: а) райагроном; б) 2 помощника агронома, возглавляющих агроучастки подрайонов; в) «агроном по коллективизации и производственному кооперированию»; г) «не менее одного специалиста-инструктора по важнейшей отрасли сельского хозяйства» (Лежнев-Финьковский, 1929: 34).

В конце 1920-х годов было проведено реформирование органов управления сельским хозяйством. Наиболее значимые изменения происходили в низовых земельных органах. В 1927 году началась радикальная реорганизация районного звена. Президиум Сибкрайисполкома 7 июля в соответствии с указаниями вышестоящих инстанций утвердил новое Положение о районных земельных отделах⁴³, которое существенно расширяло их полномочия. Если ранее они фактически выполняли лишь регистрационные и представительские функции, то в соответствии с новым положением на них возлагалось реальное управление сельским хозяйством района. При этом главной задачей райЗО было проведение в жизнь классовой линии в аграрной политике.

Возглавлял райземотдел заведующий, в непосредственное подчинение которого передавались расположенные на территории района агрономические, землеустроительные и ветеринарные пункты. Ранее участковая служба находилась в ведении окрземуправлений, самостоятельно решавших вопросы назначения, перемещения и увольнения специалистов. В соответствии с новым положением на окрземы возлагалось лишь общее руководство деятельностью низовой агросети. Окрземуправления по согласованию с райземотделом назначали руководителей участков. Однако правом их увольнения обладали заведующие райЗО по согласованию с окрземом. Таким образом, участковая сеть лишалась самостоятельности и подчинялась районным властям, что означало дезавуирование одного из базовых принципов общественной агрономии. При этом участковый агроном из координатора деятельности всех земельных органов района превращался в подчиненного заведующего райЗО, фактически выполняя функции его заместителя. Заведующий зем-

42. П.Я. Лежнев-Финьковский — советский партийный и государственный деятель. В 1917 г. окончил Горское сельскохозяйственное училище. Член РКП(б) с 1919 г. В 1922–1923 гг. — ответственный секретарь обкома РКП(б) Марийской автономной области, с 1923 г. — зав. отделом агромероприятий НКЗ РСФСР.

43. ГАНУ. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 22 б. Л. 110–113.

отделом по должности возглавлял земельное совещание, в состав которого входили все специалисты сельского хозяйства, работающие на территории района. В 1929 году одним из путей «укрепления» райземотделов стало непосредственное включение в их штаты агрономов и других специалистов.

Параллельно с созданием райземотделов при райисполкомах и сельских советах создавались постоянные сельскохозяйственные комиссии (секции) из депутатов соответствующих советов с привлечением сельского актива⁴⁴. Районные комиссии фактически выполняли те же функции, что и имеющие общественный характер районные сельскохозяйственные советы. Выбор был сделан в пользу государственных структур. Наркомзем РСФСР 29 марта 1928 года издал приказ упразднить районные сельскохозяйственные советы, передав их функции «и все дела» сельскохозяйственным комиссиям райисполкомов⁴⁵.

В начале 1930 года было принято решение об упразднении участковой агрономической сети в районах, где в колхозы вступило более 30% крестьянских хозяйств, и передаче наиболее квалифицированного агрономического персонала с ликвидируемых агроучастков в штаты райземотделов. В распоряжение райЗО поступала также основная часть оборудования и другого имущества агропунктов. Оставшиеся кадры и оборудование передавались «в систему колхозов или совхозов для его использования непосредственно в сельхозпредприятиях»⁴⁶. Таким образом, действующая в условиях нэпа система агрономической помощи была ликвидирована.

Параллельно с реформированием низовой агросети ужесточилась идеологическая борьба против «принципов и теории земской агрономии». Зав. отделом агромероприятий Наркомзема РСФСР П.Я. Лежнев-Финьковский поставил задачу «разоблачить всю вредность и неправильность неонароднических теорий» (Лежнев-Финьковский, 1930: 20–22). За публичной критикой и ревизией методов общественной агрономии последовали организационные выводы. «Буржуазные и мелкобуржуазные» специалисты устранялись с руководящих должностей в земельных органах. Затем начались репрессии.

В постсоветской историографии конец феномена общественной агрономии связывается с «событиями 1917 года» (см.: Овчинцева, 1995: 18; Плаксин, 2004: 51). Однако в форме советской агро-

44. Там же. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1712. Л. 144–147.

45. Там же. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 254 а. Л. 121. Приказ Наркомзема был принят во исполнение постановления СНК РСФСР от 1 февраля 1928 г. «Об упразднении комитетов и других организаций, образованных при районных и волостных исполнительных комитетах и сельских советах на основе ведомственных постановлений» (СУ РСФСР. 1928. № 26. Ст. 190).

46. Бюллетень Хлебоцентра. 1930. № 2. С. 16.

номической организации она продолжала существовать и в 1920-е годы. Более того, нэповская реинкарнация по количественным параметрам развития (количеству агроучастков, численности агроперсонала, степени охвата крестьянских хозяйств) превосходила дореволюционное воплощение. Теоретики общественной агрономии отмечали преемственность советской агроорганизации, а также в целом позитивно оценивали ее огосударствление, которое, по их мнению, позволяло аккумулировать необходимые ресурсы на осуществление рационализации крестьянского хозяйства. Общественная агрономия завершила свое существование после начала форсированной коллективизации.

Библиография

- Агрономическая помощь в России (1914). Пг.: Деп. земледелия.
- Дмитриев И.П. (1928). Об исходных положениях организации аппарата агрообслуживания // Земельный работник Сибири. № 9. С. 57–61.
- Ильиных В.А. (2009). Районирование // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск. С. 752.
- Каменецкий И.В. (1923). О новых формах агрономической организации // Сельскохозяйственная жизнь. № 3. С. 11.
- Ксенократов С. (1927). Районная или участковая агрономия // Агроном. № 7. С. 46–48.
- Кокин В.С. (1927). О приближении агронома к населению // Агроном. № 7. С. 49–51.
- Кузнецов И.А. (2017). Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX — начале XX века // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 66–89.
- Лежнев-Финьковский П.Я. (1929). Вопросы строительства советской агрономии // Агроном. № 1. С. 29–35.
- Лежнев-Финьковский П.Я. (1930). Против неонародничества в аграрной работе // Специалист сельского хозяйства. № 1. С. 20–28.
- Овчинцева Л.А. (1995). Общественная агрономия в России: теория и практика (конец XIX — начало XX века): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: Ин-т экономики РАН.
- Осипов И.И. (1927). Вопросы классификации и терминологии в общественной агрономии // Земельный работник Сибири. № 7. С. 1–9.
- Осипов И.И. (1929а). Агрономическая помощь // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат. Т. 1. Ст. 15–19.
- Осипов И.И. (1929б). Формы и принципы построения агрономической организации // Агроном. № 1. С. 36–44.
- Панасенко А.Г. (1928). Кооперативно-подворная агропомощь в районе // Земельный работник Сибири. № 9. С. 51–56.
- Петухов Д. (1928). О некотором современном руководстве и установках для нас вредных // Земельный работник Сибири. № 7–8. С. 86–95.
- Плаксин В.Н. (2004). Роль и значение общественной инициативы в истории сельского хозяйства России конца XIX — начала XX в. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. № 1. С. 49–51.
- Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. (2010). Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Розе А.М., Осипов И.И. (1925). Агрономическая организация Сибири. Формы и принципы организации. Задачи и методы работы. Новониколаевск: Сибкрайиздат.

- Фортунатов А.Ф. (1920). Сборник статей по общественной агрономии. Казань: Гос. изд-во.
 Чаянов А.В. (1918). Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М.: Моск.
 т-во кн-во по вопросам с.-х. экономики и политики.
 Чаянов А.В. (1922). Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М.: Но-
 вая деревня.
 Чаянов А.В. (1924). Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М.: Но-
 вая деревня.

Organization of the agronomic services in Siberia in the 1920s: Discourse and choice

Vladimir A. Il'inykh, DSc (History), Head of the Department of Agrarian History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Akademika Nikolaeva St., 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

The article presents the expert discourse on the optimal structure of the agricultural network in Siberia in the 1920s and its institutionalization in the agronomic services in the village. The author conducts his analysis taking into account the agrarian policy of the Soviet state and the ideological-theoretical struggle in the agrarian science; he also focuses on the views of A.V. Chayanov. Before the revolution, there were two systems of agronomic assistance in Russia. The state agricultural assistance was sectoral and was provided in large districts. The *zemstvo* (public) assistance was local and complex. In Siberia in the early 20th century, the state agronomy prevailed. After the establishment of the Soviet power in the region, the discussion began between supporters of the sectoral, local and district systems of the agricultural network. The People's Commissariat of Agriculture recommended the widespread introduction of the local agricultural network; and there were also local experiments with other systems. In the mid-1920s, under the administrative reform, the local-district system was chosen, but soon it was changed into the district one. The Soviet agronomic system developed under the NEP was largely based on the principles of pre-revolutionary social agronomy. The distinctive feature of the Soviet agricultural assistance was its nationalization. Theorists of the public agronomy positively evaluated this feature of the Soviet agricultural system, which, in their opinion, allowed efficient rationalization of the peasant economy. In the late 1920s, the USSR abandoned the basic principles of public agronomy and later eliminated the agronomic assistance system of the NEP period.

Keywords: agriculture, peasantry, land authorities, agronomic services, NEP, A.V. Chayanov

References

- Agronomicheskaya pomoshch v Rossii* [Agronomic Assistance in Russia] (1914), Petrograd: Department of Agriculture (In Russ.).
 Dmitriev I.P. (1928) Ob iskhodnykh polozheniyakh organizatsii apparata agroobsluzhivaniya [On the basic principles of the organization of the apparatus of agronomic services]. *Zemelny Rabotnik Sibiri*, no 9, pp. 57-61 (In Russ.).
 Il'inykh V.A. (2009) Rayonirovanie [Zoning]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*, vol II, Novosibirsk, p. 752 (In Russ.).
 Kamenetsky I.V. (1923) O novykh formakh agronomicheskoy organizatsii [On the new forms of agronomic organization]. *Selskokhozyaystvennaya Zhizn*, no 3, p. 11 (In Russ.).
 Ksenokratov S. (1927) Rayonnaya ili uchastkovaya agronomiya [District or local agronomy]. *Agronom*, no 7, pp. 46-48 (In Russ.).

- Kokin V.S. (1927) O priblizhenii agronoma k naseleniyu [On the agronomist's approach to the population]. *Agronom*, no 7, pp. 49-51 (In Russ.).
- Kuznetsov I.A. (2017) Aleksei Fedorovich Fortunatov i stanovlenie krestyanskikh issledovaniy v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka [Alexei Fedorovich Fortunatov and the development of Peasant Studies in Russia in the late 19th — early 20th centuries]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 1, pp. 66-89 (In Russ.).
- Lezhnev-Finkovsky P.Ya. (1929) Voprosy stroitelstva sovetской agronomii [On the development of the Soviet agronomy]. *Agronom*, no 1, pp. 29-35 (In Russ.).
- Lezhnev-Finkovsky P.Ya. (1930) Protiv neonarodnichestva v agrorabote [Against neopopulism in agricultural work]. *Spetsialist Selskogo Khozyaystva*, no 1, pp. 20-28 (In Russ.).
- Ovchintseva L.A. (1995) *Obshchestvennaya agronomiya v Rossii: teoriya i praktika (konets XIX — nachalo XX veka)* [Social Agronomy in Russia: Theory and Practice (late 19 — early 20th century)]; Avtoref. diss. ...k.e.n. Moscow: Institute of Economics of RAS (In Russ.).
- Osipov I.I. (1927) Voprosy klassifikatsii i terminologii v obshchestvennoy agronomii [Issues of classification and terminology in social agronomy]. *Zemelny Rabotnik Sibiri*, no 7, pp. 1-9 (In Russ.).
- Osipov I.I. (1929a) Agronomicheskaya pomoshch [Agronomic assistance]. *Sibirskaya sovet-skaya entsiklopediya*, Novosibirsk: Sibkrazdat, vol 1, pp. 15-19 (In Russ.).
- Osipov I.I. (1929b) Formy i printsipy postroeniya agronomicheskoy organizatsii [Forms and principles of the development of agricultural system]. *Agronom*, no 1, pp. 36-44 (In Russ.).
- Panasenko A.G. (1928) Kooperativno-podvornaya agropomoshch v rayone [Cooperative-household agronomic assistance in the district]. *Zemelny Rabotnik Sibiri*, no 9, pp. 51-56 (In Russ.).
- Petukhov D. (1928) O nekotomom sovremennom rukovodstve i ustanovkakh dlya nas vrednykh [On some harmful for us contemporary guidance and principles]. *Zemelny Rabotnik Sibiri*, no 7-8, pp. 86-95 (In Russ.).
- Plaksin V.N. (2004) Rol i znachenie obshchestvennoy initsiativy v istorii selskogo khozyaystva Rossii kontsa XIX — nachala XX vv. [The role and meaning of the public initiative in the history of the Russian agriculture in the late 19th — early 20th century]. *Izvestiya Orenburgskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*, no 1, pp. 49-51 (In Russ.).
- Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. (2010) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [Stolypin Agrarian Reform and Altay], Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta (In Russ.).
- Rozé A.M., Osipov I.I. (1925) *Agronomicheskaya organizatsiya Sibiri. Formy i printsipy organizatsii. Zadachi i metody raboty* [Agronomic Organization of Siberia. Forms and Principles of Organization. Tasks and Methods], Novonikolaevsk: Sibkrazdat (In Russ.).
- Fortunatov A.F. (1920) *Sbornik statey po obshchestvennoy agronomii* [Collection of Articles on Social Agronomy], Kazan: Gosudarstvennoe izd-vo (In Russ.).
- Chayanov A.V. (1918) *Osnovnye idei i metody raboty obshchestvennoy agronomii* [Basic Ideas and Methods of Social Agronomy], Moscow: Moskovskoe tovarischestvo kn-vo po voprosam s.-kh. ekonomii i politiki (In Russ.).
- Chayanov A.V. (1922) *Osnovnye idei i metody raboty obshchestvennoy agronomii* [Basic Ideas and Methods of Social Agronomy], Moscow: Novaya derevnya (In Russ.).
- Chayanov A.V. (1924) *Osnovnye idei i metody raboty obshchestvennoy agronomii*. [Basic Ideas and Methods of Social Agronomy], Moscow: Novaya derevnya (In Russ.).

«Земельный голод» итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы

Дж.Савино

Джованни Савино, доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: giovsv@gmail.com

В статье рассматривается решение аграрного вопроса в Италии после объединения страны в 1861 году и до первых лет республики в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Состав итальянского крестьянства был неоднороден в разных областях страны. В области Эмилия-Романья начал складываться так называемый «аграрный социализм», основанный на кооперативах и крестьянских профсоюзах под эгидой социалистов.

После Первой мировой войны противоречия в аграрной политике социалистов усугубились под влиянием массовой демобилизации. Под лозунгом социализации они попытались раздать невозделываемые земли крестьянам, но это не могло ликвидировать «земельный голод» крестьянства. Итальянские политики либерального направления даже не пытались решить аграрный вопрос, и такая ситуация стала почвой для подъема фашизма в деревнях, в некоторых регионах конфликт приобрел характер квазигражданской войны.

Фашизм возлагал на сельский мир большие надежды, поскольку в глазах нового правящего класса представлял собой оплот традиционных ценностей. Программа по осушению болот стала важной частью аграрной политики режима Муссолини в 1930-х годах. Вторая мировая война нанесла серьезный удар итальянской деревне. Антифашистские партии включили аграрный вопрос в свои программы, в деревнях сопротивление режиму было тесно связано с требованием аграрной реформы. Фаусто Гулло, коммунист и министр сельского хозяйства в 1944–1946 годах, выступил инициатором нескольких декретов о пользовании необрабатываемыми землями, аграрных договорах, создании «народных зернохранилищ». Эти действия были поддержаны крестьянством, однако после исключения коммунистов из правительства привели к кровавым столкновениям.

Правительство Де Гаспери приняло ряд мер в рамках аграрной реформы в 1950–1951 годах и частично реализовало принципы статьи 44 итальянской Конституции 1948 года. Аграрная реформа 1950 года утолила «земельный голод» итальянского крестьянства, но общество кардинально изменилось в связи с развитием в страны промышленной экономики.

Ключевые слова: аграрная реформа, «Южный вопрос», крестьянство, Эмилио Серени, Фаусто Гулло, Альчиде Де Гаспери, мафия, Христианско-демократическая партия, Итальянская коммунистическая партия

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-108-127

Итальянская экономика после объединения страны во второй половине XIX века столкнулась с несколькими серьезными проблемами. Это неразвитый внутренний рынок, из-за сложного географическо-

го ландшафта — трудности в транспортной сети, различный уровень жизни аграриев на той или иной территории. Если и были примеры успехов в сельском хозяйстве, то, как правило, в ориентированных на экспорт отраслях. В целом же крестьянство было бедным. Все это создавало предпосылки для выражения недовольства теми или иными способами: от формирования групп бригадентов до крестьянских восстаний в конце 1870-х под знаменами анархизма. Надежды, связанные с прибытием в 1860 году Джузеппе Гарибальди на Сицилию, были погребены введением военного порядка в деревнях и репрессиями (как, например, в Бронте, у подножия Этны или в Понтеландольфо в Кампании). Миграция из итальянских деревень в Америку в конце XIX века приняла характер массового исхода. Все это усугублялось эпидемиями малярии, пеллагры и других болезней в регионах, где болота занимали огромную часть территории.

Итальянское крестьянство и национальное общество после 1860 года

Итальянская деревня стала очагом социального протеста, особенно после анархистских попыток организовать восстание, когда деятельность социалистов становится важным фактором на политическом поле. Создание крестьянских союзов (лиги — *leghe*), открытие обществ взаимопомощи, организация кооперативов — вот три главных направления деятельности социалистов в деревнях. Наличие испощины в ситуации растущего кризиса не могло остановить социалистическую агитацию в деревне, и часто случалось так, что сами крестьяне на испощине становились агитаторами. Папирский Лев XIII обратил внимание на растущий антагонизм в деревнях и в городах, который считал одним из результатов промышленной революции и внедрения новых технологий в объединенной Италии. Называя социализм «фальшивым средством», Лев XIII тем не менее видел в новых объединениях трудящихся и хозяев желательный способ преодоления трудностей (*Rei Novarum*, 1891: 49). Однако формирование «белых» крестьянских лиг происходило отнюдь не в виде корпораций, как можно предположить из слов папы, это были в чистом виде объединения трудящихся. Филиппо Меда, один из главных общественно-политических лидеров христианско-демократического движения в начале XX века, так описывал состав «белых» ассоциаций трудящихся: «Никто из нас не считает, что мы должны вернуться в средневековые лиги¹. Рабочая ассоциация — это социально полезное дело, школа участия в производственном процессе, средство представления прав и потребностей. Но для хозяев здесь присутствует обязанность прислушиваться и вникать в проблемы. Работники вовсе не должны считать, что

1. Речь идет о средневековых цехах, на итальянском — *corporazioni* или *leghe*.

все зависит только от их собственных усилий, они должны доверять здравому смыслу и чувству справедливости, которые одновременно демонстрируют силу и сдержанность» (Rumi, 1986: 20).

В крестьянском движении в деревнях участвовали как католические, так и социалистические организации. Конечно, не стоит умалять вклад католиков в развитие профсоюзной деятельности, однако посмотрим на соотношение участников. В 1904 году в состав 166 «белых» лиг входили 60 000 активистов, а в основанной в 1901 году «Федерации трудящихся земли» под руководством социалистов действовали 724 организации, которые представляли 152 000 крестьян (Zangheri, 1960: 6-7). Однако, несмотря на внушительные размеры социалистических организаций и объединений в деревнях, как показал итальянский историк Ренато Зангери, социалисты обращали очень мало внимания на анализ причин аграрного кризиса конца XIX — начала XX века. Им так и не удалось сформулировать теоретические основания и выработать инструменты расширения своего влияния в других социальных группах в деревнях. Впрочем, именно в это время в Италии, как своеобразный результат политической деятельности в сельском ландшафте, начал складываться так называемый «аграрный социализм»: социалистические кооперативы, крестьянские профсоюзы и электоральные успехи в деревенских коллегиях стали повседневностью (Zangheri, 1992: 262, 283).

Иная обстановка сложилась в южных деревнях. Гаэтано Сальвемини, видный интеллектуал, лидер крыла «меридионалистов»² и член реформистского крыла Итальянской социалистической партии, обращал внимание на то, что у социалистических лидеров нет ответов, как решить проблемы крестьянства Юга Италии. 2/3 крестьян и моряков здесь не имели права голоса³, «трудящийся класс политически разделен на две части, и этот политический разрыв отражает экономическое и социальное неравенство». По мнению Сальвемини (который и сам был сторонник реформизма), политика руководителей партии и фракции осуществлялась в русле «гомеопатического» и «фрагментарного» реформизма и не решала насущные задачи политической интеграции трудящихся Юга. Таким образом, он рассматривал ситуацию южных деревень и сел не только как социально-экономическую проблему, но как общенациональную политическую задачу для левых сил в стране. Впоследствии Антонио Грамши, опираясь на эти идеи, будет разрабатывать собственную интерпретацию «вопроса Юга» Италии.

-
2. Меридионалисты (meridionalisti, от meridionale — южанин) — в Италии сторонники ликвидации экономической отсталости Юга страны. Меридионализм как направление общественно-политической мысли зародился в 1870-х годах на почве возникновения так называемого «Южного вопроса».
 3. По итальянскому Закону о выборах (от 22 января 1882) имели право голоса те подданные, кто либо сдал экзамен за начальные классы, либо платил не менее 19,80 лиры налогов в год.

Несмотря предупреждения Сальвемини, официальная позиция Итальянской социалистической партии по аграрному вопросу никак не изменилась и после окончания Первой мировой войны. Все противоречия в политике социалистов (социализация земель, кооперативизм, разрыв в положении между крестьянами Севера и Юга, паллиативные реформы) только усугублялись после демобилизации армии. Под лозунгом социализации возникла идея раздать невозделываемые земли крестьянам. Грамши в статье «Рабочие и крестьяне» назвал агитацию за занятие «необрабатываемых и плохо обрабатываемых земель» «грубой дискредитацией социализма» (Грамши, 1957), поскольку это никак не отвечало нуждам деревни: без поддержки государства и рабочей солидарности с ними беднейшие крестьяне не имели никаких шансов вырваться из нищеты. Итальянская народная партия (основана в 1919 году на базе «белых» лиг и христианских объединений) продвигала программу распространения мелкой собственности как якобы ответ на крестьянские требования. Умберто Террачини, один из лидеров фракции коммунистов на съезде Ливорно в 1921 году⁴, полемизируя с большинством Итальянской социалистической партии, обращал внимание, что христианские демократы более чутко улавливают настроения деревни, чем реформисты (*Resoconto stenografico*, 1921: 263).

Итальянские политики либерального направления вообще никак не пытались решить аграрный вопрос. Крупные помещики поддерживали все течения довоенного либерализма и правительственных сил, однако надо понимать, что формирование социальной группы фермеров и мелких собственников в итальянской деревне не могло бы осуществиться без распада крупного землевладения и латифундий. Это важно для анализа причин зарождения и подъема «аграрного фашизма», основы движения Бенито Муссолини.

Деревня продолжала быть немаловажной частью экономики страны: в 1921 году 9 840 000 человек работали в сельскохозяйственном секторе, то есть 54,5% рабочей силы Италии. Таким образом, борьба за контроль над аграриями стала важной задачей с целью уничтожения социалистической партии и коммунистов, поскольку сила рабоче-крестьянского движения заключалась в масштабах деятельности кооперативов, союзов и лиг. В некоторых регионах, например, в Эмилии-Романьи, конфликт с нарождающимся фашистским движением приобретал порой характер квазигражданской войны. Движение Муссолини меняло и свою политическую ориентацию: из организации интервентистов⁵ и бывших военных, базировавшихся преимущественно в городах, оно превращалось в партию, на которую помещики сделали ставку в борьбе с «боль-

Дж. Савино
«Земельный голод»
итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы

4. На этом съезде и была основана Итальянская коммунистическая партия.

5. Странники вступления в Первую мировую войну на стороне Антанты.

шевистской угрозой». Фашистский лозунг «землю тем, кто ее обрабатывает и получает с нее продукты» (*la terra a chi la lavora e la fa produrre*) призывал к стабильности. Благодаря поддержке помещиков, симпатиям арендаторов, осуществлению террора против красных лиг, угрозам и насилию против беднейших крестьян фашизм смог стать гарантом порядка в деревнях.

Вот что писал по этому поводу Грамши в статье «Два фашизма» в 1921 году:

В сельскохозяйственных районах (Эмилия, Тоскана, Венето, Умбрия) фашизм получил наибольшее развитие, достигнув, при финансовой поддержке капиталистов и защите гражданских и военных властей государства, безграничной власти. Безжалостное наступление на классовые организации пролетариата послужило на пользу капиталистам, которые в течение года увидели, как был сломан и перестал быть эффективным весь механизм борьбы социалистических союзов, однако нельзя отрицать, что насилие в конечном итоге создало о фашизме мнение как о враждебном широким слоям населения движении (Gramsci, 1921).

Отношения между фашистским движением и помещиками также не было лишено противоречий, однако к концу 1923 года, по мере укрепления режима Муссолини, именно «аграрный фашизм» становится важнейшей силой укрепления нового порядка в деревне. В 1948 году, в статье об аграрной реформе для энциклопедии Треккани, агроном и экономист Дарио Перини кратко описывает политику фашизма в деревнях:

Во время фашизма больше не было разговоров об аграрной реформе. Но нельзя отрицать, что преобразования Агро Понтино, нижнего Вольтурно, части Тавольера и начатое — крупного сицилийского поместья с экспроприацией больших площадей, расценками за них и передачей земель семьям сельскохозяйственных рабочих <...> в конечном счете это действия в рамках частичной аграрной реформы, хотя она и замаскирована более нейтральным термином «колониализация» (Perini, 1948).

Но не следует считать, что аграрные вопросы для фашизма были на втором плане. С идеологической точки зрения фашизм возлагал на сельский мир большие надежды, в отличие от хаотичного и нестабильного города. В глазах нового правящего класса он представлял собой оплот традиционных ценностей, таких как семья, религиозность, этика сбережений, на которых, как полагали, основывалась национальная идентичность. Фашизм как движение мог бы иметь успех в сельской местности, опираясь на арендаторов и крупных и средних землевладельцев. Поэтому целью среднесрочной аграрной политики фашизма, направленной на обеспечение социального

мира и стабильности в деревне, стало сокращение числа батраков, наиболее политизированного контингента среди сельскохозяйственных рабочих, и появление большого числа мелких независимых собственников (Farolfi, Fornasari, 2011: 34).

Дж. Савино
«Земельный голод»
итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы

Арриго Серпиери, агроном и идеолог программы по осушению болот, писал о том, как аграрная политика могла бы укрепить национальное единство страны:

Монолитность нации предполагает определенную однородность интересов <...> непонятно, как это может быть достигнуто в такой стране, как Италия, где сельские классы остаются в подчинении всем остальным силам нации, ради того, чтобы позволить доминировать промышленному капитализму Севера и его рабочим. Не в этом ли суть дисбаланса между Севером и Югом Италии, одного из главных препятствий на пути к достижению подлинного национального единства? (Serpieri, 1925: 9).

Программа по осушению болот была важной частью аграрной политики режима Муссолини. Попытки осушения предпринимались в разное время. Так, сразу же после объединения Италии они потерпели крах из-за противодействия крупных помещиков, увидевших в них угрозу своему статусу. Как считал ведущий итальянский историк сельского хозяйства и один из главных интеллектуалов Итальянской коммунистической партии Эмилио Серени, программа по осушению не могла радикально изменить ситуацию в деревне. Сравнивая политику Христианско-демократической партии после Второй мировой войны с фашистским опытом, он писал:

Типичной в этом смысле является политика субсидий и государственных отчислений на мелиоративные работы в аграрной области. Клерикальные правительства не проводят в этой области политики, которая существенно бы отличалась от той, которую в течение двадцати лет торжественно провозглашали декларациями о «системном осушении». Но каково было истинное классовое содержание этой политики, скрывающейся за псевдонаучным и псевдотехнологическим фасадом «системного осушения»? В течение двадцати лет и до сих пор оно состоит в том, что за счет общества и благодаря использованию государственных средств, право собственности на земли, выросшее в цене, осталось за крупными помещиками, которые не хотели или не знали, как их улучшить, используя свои собственные средства (Sereni, 1966: 352).

Новая итальянская демократия и аграрный вопрос

Вторая мировая война нанесла серьезный урон итальянской деревне, результаты уже проведенного осушения были фактически уни-

чтожены. Итальянское Сопротивление, особенно в регионах Эмилия-Романья, Тоскана, Пьемонт, Ломбардия, Венето и Фриули, имело широкую поддержку в деревнях. Участие крестьян в антифашистском движении в разных формах (от саботажа до вооруженного сопротивления) придавало им уверенности в возможностях борьбы за собственные интересы.

Уже в 1942–1943 годах антифашистские партии включили аграрный вопрос в свои программы. «Партия действия» (*Partito d'Azione*), одна из главных в антифашистском сопротивлении, в свою программу «Семь пунктов» включила необходимость аграрной реформы. В дискуссиях при принятии программы активисты выступали «за радикальную реформу, направленную на наиболее широкое участие трудящихся масс в пользовании землей», причем «индивидуально и коллективно». Подчеркивалось, что радикальная реорганизация землевладения должна сопровождаться возобновлением специализации сельского хозяйства, которую ликвидировал режим Муссолини (Ragghianti, 1962: 320). В брошюре «Восстановительные идеи Христианской демократии» (*Le idee ricostruttrici della Democrazia Cristiana*), опубликованной еще в 1943 году, до падения режима Муссолини, католические деятели следующим образом сформулировали задачу аграрной реформы:

Постепенное превращение батраков в исполщиков или хозяев, когда этого требуют обстоятельства, в членов управления агропромышленных ферм. Необходимо содействовать (без ущерба для производительности и потребностей управления) выкупу земли фермерами путем проведения земельной реформы, которая ограничит владение землей, что позволит создать полноценный класс мелких независимых собственников. Осуществление этой реформы, с учетом критериев местности, качества земли и производственных особенностей, должно стать одной из основных задач региональных представительств. В любом случае работникам сельского хозяйства будет гарантировано право первого предложения приобретения, с учетом налоговых и финансовых средств на покупку и прямое управление. В рамках аграрной реформы идея колонизации крупного помещичьего хозяйства должна, наконец, найти эффективное применение (Demofilo, 1943: 3).

Бедственное состояние южных деревень было описано еще в 1933 году в известном романе итальянского антифашистского писателя Иньяцио Силоне «Фонтамара». На страницах романа один крестьянин так объяснил социальную иерархию деревни:

Во главе всего — Бог, Господь Небес. Первый после него — князь Торлония, господин земли. Затем идут вооруженные стражники князя Торлония. За ними — собаки вооруженных стражников князя Тор-

лония. Потом ничего. Потом опять ничего. Потом опять ничего. Потом крестьяне. Это и все (Silone, 1980: 47-48)⁶.

Дж. Савино
«Земельный голод»
итальянского кре-
стьянства: от объ-
единения стра-
ны до аграрной
реформы

Эмилио Серени, будучи агрономом по образованию и имея представление о технических сторонах сельскохозяйственного производства, в 1943 году написал работу «Аграрный вопрос и национальное возрождение» (*La questione agraria nella rinascita nazionale*). В ней представлен анализ состояния аграрного сектора и его порядки в двадцатилетний период фашистской диктатуры. Он продемонстрировал, как именно фашистская политика «военного хозяйства» способствовала подчинению крупного землевладения интересам финансового капитала (Sereni, 1975: 90). В результате, по мнению Серени, Италия из «сельскохозяйственно-промышленной» страны превратилась в «промышленно-сельскохозяйственную», иными словами, промышленный сектор, городская среда и городские социальные группы стали главными акторами в экономике страны (Ibid.: 24-37).

От надежд к реформе через борьбу

В высказываниях Серени обозначены главные линии аграрной политики Итальянской коммунистической партии в послевоенный период. Как заметил итальянский историк Джузеппе Вакка, в них есть «почти полное совпадение аграрного вопроса с вопросом Юга» (Vassa, 2007). В своей деятельности в качестве председателя Комитета национального освобождения в Ломбардии Эмилио Серени настаивал на скорейшем переходе к обсуждению аграрного вопроса, дабы избежать «противостояния между Севером и Югом и реально объединить людей Центральной и Южной Италии» (Vecchio, 2011: 380). Аграрная реформа должна была служить не только объединению крестьянских масс южных областей с рабочими северных городов (о чем Антонио Грамши писал еще в 1920-х годах), но и основой новой демократии в Италии. Но подобная политика во время правления первых кабинетов освобожденной Италии не нашла поддержки у всех партий, вошедших в правительство. Фаусто Гулло, коммунист и министр сельского хозяйства в 1944–1946 годах, в 1944 году (еще в военное время) стал автором нескольких разнообразных декретов о пользовании необрабатываемыми землями, об аграрных договорах, о создании «народных зернохранилищ». Законодательство Гулло произвело огромный эффект на крестьян Юга: начались захваты необрабатываемых земель, формирование коопе-

6. Перевод этой части на русском языке есть во введении И. Хау к другому роману Силоне: Силоне И. Судьба одного бедного крестьянина / Пер. с итальянского Ирины Альберты, вступительные статьи И. Хау и В. Вейдле. Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1968. P. 14.

ративов. Пол Гинзбург в своей истории послевоенной Италии так оценил результаты законодательной деятельности «министра крестьян» (как называли его в то время):

Это вызвало ответную реакцию у крестьян Юга по двум причинам. Во-первых, крестьяне были по своим убеждениям легалистами и были вынуждены в борьбе за справедливость уважать законы. И здесь получалось так, что их борьба, казалось, была поддержана государством, которое включило некоторые из их требований в законы. Во-вторых, подталкивание крестьян в сторону объединения в кооперативы и комитеты с целью возможности использовать новые законы явилось наиболее сильным стимулом для коллективных действий. Гулло стремился мобилизовать, а не разобщить крестьянство Юга, подтолкнуть использовать семейные стратегии, коллективные действия, помочь преодолеть их фатализм и изоляцию (Ginsborg, 1990: 61).

Декретами Гулло поощрялись осушение земель, преобразования крупных поместий в мелкие и средние. Закон № 279 от 19 октября 1944 года «О предоставлении крестьянам пустующих земель» обязывал помещиков сдавать во временное пользование пустующие или плохо обрабатываемые земли (сроком до 4 лет) крестьянско-батрацким кооперативам. Арендная плата за землю не должна была превышать 1/5 годового урожая, получавшегося с земельного участка в последние пять лет.

Хотя в прошлом были приняты схожие законодательные акты о необрабатываемых землях (например, в 1919 и 1920 годах), но действительно революционным был тот факт, что эти указы разработаны коммунистическим представителем. Масштабы крестьянского движения на Юге стали беспрецедентными: активность южных деревень сломала традиционный изоляционизм и стала частью национальной политики. Это было неожиданно и для левых партий. Вот отчет провинциального комитета Итальянской коммунистической партии в Козенце, в Калабрии:

Менее года назад крестьяне были для нас совершенно чужды и в значительной степени враждебны. Но теперь они доверяют нам и приходят в большом количестве <...> Это объясняется прежде всего многочисленными действиями, которые мы предприняли в крае для передачи необрабатываемых земель, а также решениями вопросов сельскохозяйственных договоров. Основано множество крестьянских лиг: если в июле 1944 года в них входили 12 000, то сейчас — около 40 000 человек (Rossi Doria, 1983: 47).

В 1946 году Гулло был назначен министром юстиции, и его место министра сельского и лесного хозяйства занял Антонио Сеньи из Христианско-демократической партии. Сеньи, будущий

президент Итальянской республики, выходец из старинной аристократической сардинской семьи крупных помещиков, так что его назначение должно было стать гарантией сохранения интересов латифундистов. Однако Сеньи в сентябре 1946 года продлил срок аренды до 9 лет и предоставил право аренды пустошей не только кооперативам, но и отдельным лицам. Поскольку землевладельцы саботировали закон Гулло-Сеньи, на Юге и в Центральной Италии с 1944 года развернулось массовое движение браччанти и крестьянской бедноты за захват пустующих помещичьих земель. Заняв землю, крестьянско-батрацкие кооперативы добивались затем легализации ее аренды на основе закона Гулло-Сеньи.

Были и другие силы, которые боролись с крестьянским движением Юга. Сицилийская мафия уже с начала XIX века выступала инструментом репрессий и наведения порядка для крупных землевладельцев. После освобождения острова мафиози начали играть новую политическую роль. Некоторые представители мафии были назначены союзнической администрацией мэрами городов и сел, и поэтому мафия стала рассматривать волнения в деревнях и активность коммунистов как угрозу порядку. Уже в 1944 году произошли первые столкновения мафии с крестьянами. Было совершено нападение на участников митинга, оратором на котором выступал известный лидер сицилийских коммунистов Джироламо Ли Каузи. Писатель Карло Леви, автор известного романа «Христос остановился в Эболи», в предисловии к книге журналиста и активиста социалистического толка Микеле Панталеоне так описывал те события:

Ли Каузи — самый популярный человек на Сицилии. Его мужество стало легендарным. То, как он говорит, трогает сердца людей. Он говорит простыми словами, но со знанием, с любовью. И вот, услышав его голос, крестьяне Вильяльбы, испуганные и забытые, почувствовали призыв, который привел их на площадь. Ли Каузи начал говорить с этой маленькой, неожиданно собравшейся толпой о поместье Миччикке, о земле, о мафии. Приходской священник, брат дона Кало, пытался заглушить голос Ли Каузи, звоня в церковный колокол. Но крестьяне слушали и понимали. «Он прав, — говорили они, — да будет благословенно молоко матери, которая вскормила его, то, о чем он говорит, — это евангельская истина». Поступая так, они побеждали в себе рабское чувство, не подчиняясь не только конкретному запрету, но и самой возможности им приказывать, бросали вызов могущественной, разрушающей власти, таким образом презируя ее и оскорбляя ее авторитет. Именно тогда дон Кало с середины площади закричал: «Это все ложь!» Его крик был сигналом — мафиози начали расстреливать людей (Levi, 1962: IX-X).

Это был знак того, что, несмотря на итоги войны и новые общественные движения, мафия и крупные помещики будут оказывать

сопротивление. В Первой 1947 года в Портелла делла Джинестра (недалеко от Палермо) крестьяне собрались отмечать праздник трудящихся и победу Народного блока (Blocco del popolo) — альянса социалистов и коммунистов, на региональных выборах. Банда мафиози под командованием бандита Сальваторе Джулиано начала стрелять в толпу из автоматов. В тот день погибли 11 человек, из них 5 детей, 27 были ранены. До сих пор не известны имена заказчиков этого первого массового убийства в истории Итальянской республики.

Обострение международной обстановки и растущие противоречия между США и СССР отражались и на политической ситуации в Италии, где ожидания перемен нескольких социальных групп натолкнулись на интересы умеренных и консервативных сил. Выборы в Учредительное собрание 2 июня 1946 года (одновременно проходил конституционный референдум о форме правления страны, о выборе между монархией и республикой) дали главным массовым партиям почти 75% голосов избирателей, при участии 89,08% населения. Первый раз получили право голоса женщины. Выборы прошли под сильным давлением Ватикана. Папа Пий XII незадолго до выборов обратился к верующим:

Вопрос состоит в том, будет ли одна или вторая нация, эти две латинские сестры⁷, имеющие тысячелетнюю историю своей цивилизации, продолжать опираться на силу христианства <...> или они захотят обратиться в будущем к немислимому, к всемогуществу материалистического государства, без веры, без религии и без Бога (Mammarella, 1978: 134).

Христианско-демократическая партия получила 35,21%, Итальянская социалистическая партия — 20,68%, Итальянская коммунистическая партия — 18,93%, таким образом, последние две набрали вместе почти 40%. Альчиде Де Гаспери, лидер христианских демократов, снова оказывается во главе кабинета министров, в котором до весны 1947 года присутствовали коммунисты и социалисты. Внешняя политика американского президента Гарри Трумэна была направлена на сдерживание влияния Советского Союза и коммунистических партий в Европе, где Москва контролировала всю Восточную Европу. В это же время в Греции продолжалась гражданская война. В Италии, где коммунисты и социалисты имели миллионную поддержку, в том числе большинства бывших партизан, вопрос об устранении левых из кабинета министров был наиболее сложным. Однако это в конце концов удалось. Эмилио Серени назвал это новое правительство Де Гаспери «черное правительство» и «правительство индустриально-аграрного блока» (Di Siena,

7. Папа Римский имеет в виду политические выборы во Франции, назначенные на тот же день.

1978). Де Гаспери за несколько дней до разрыва с левыми партиями во время заседания совета министров, заявил:

«В Италии существует четвертая партия, помимо христианских демократов, коммунистов и социалистов, которая способна парализовать и свести на нет все усилия, организуя саботаж Национального займа, бегство капитала, инфляцию и распространение скандальных кампаний. Опыт научил меня, что Италией нельзя управлять сегодня, если мы не приведем в правительство, в той или иной форме, представителей этой четвертой партии, которая распоряжается национальным богатством и экономической мощью»⁸.

Дж. Савино

«Земельный голод» итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы

Крестьянские волнения Юга распространялись и на Север. В Эмилии захваты земель сопровождались возобновлением старых конфликтов вокруг владения землей, поражение Народного фронта (коалиция социалистов и коммунистов) на выборах 18 апреля 1948 года только обострило ситуацию. Изменения во внешней политике помогали решать острые социальные вопросы, которые были головной болью для правительства Де Гаспери. 5 июня 1947 года государственный секретарь США Джордж Маршалл в речи в Гарвардском университете изложил идею плана экономической поддержки для стран Западной Европы:

Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее целью должно быть возрождение работающей экономики в мире, чтобы позволить существование политических и социальных условий, в которых могут существовать свободные институты. Я убежден, что такая помощь не должна осуществляться поэтапно по мере развития различных кризисов. Любая помощь, которую может оказать это правительство в будущем, должна быть средством лечения, а не просто паллиативным средством. Я уверен, что любое правительство, которое готово оказать помощь в восстановлении, получит полное содействие со стороны правительства Соединенных Штатов. Любое правительство, которое маневрирует, чтобы заблокировать восстановление других стран, не может ожидать от нас помощи. Кроме того, правительства, политические партии или группы, которые стремятся увековечить человеческие страдания, чтобы извлечь из них политическую или иную выгоду, столкнутся с оппозицией Соединенных Штатов (Judge, Langoon, 2017: 32).

Политика итальянского правительства под руководством Христианско-демократической партии начала меняться и благодаря экономической поддержке плана Маршалла. Но она испытывала сильное сопротивление той части электората, которая боялась радикальных

8. Серени передал слова Де Гаспери в: Sereni, 1948: 20-21.

перемен в экономике и сельском хозяйстве. Антонио Сеньи, ставший министром сельского хозяйства после коммуниста Фаусто Гулло, сменил свои консервативные позиции на более демократические. Для представителя семьи старинной сардинской аристократии такой поворот был более чем неожиданный, но, как отмечает аграрный историк Эмануэле Бернарди, Сеньи видел в демократическом антикоммунизме единственную возможность для сдерживания роста влияния итальянских коммунистов (Bernardi, 2006: 84). Впрочем, не только щедрое американское финансирование обеспечило переход от традиционной аграрно-реакционной политики к демократическому антикоммунизму в рядах руководства Христианско-демократической партии.

В октябре 1949 года калабрийское крестьянство вновь пошло в атаку. Государственная политика больше не благоприятствовала им, как в предыдущие годы, когда левые силы находились в правительстве, а коммунист Гулло был министром сельского хозяйства. И все же мобилизация 24 октября 1949 года превзошла все ожидания ее организаторов. Около 14 000 крестьян из деревень в восточных районах провинций Козенца и Катандзаро приняли участие в процессиях. Шли целыми деревнями, женщины с детьми, некоторые мужчины верхом на лошадях, часто рядом соседствовали красные знамена и портреты святых — покровителей деревни. Прибыв в поместья крупных помещиков, крестьяне делили землю и затем приступали к подготовке к севу. Возмущенная этой последней волной захвата земель группа депутатов-христианских демократов из Калабрии обратилась в Рим с просьбой о вмешательстве полиции. Новые полицейские отряды Селере, недавно созданные министром Марио Сельбой, вскоре направились в калабрийские деревни. 28 октября один из этих отрядов прибыл в деревню Мелисса (к северу от Кротоне), где заночевал в доме местного помещика барона Берлинджери. Крестьяне в Мелиссе заняли поместье Фрагала, половина которого была передана их коммуне в соответствии еще с наполеоновским законодательством 1811 года. Однако семья Берлинджери со временем прибрала к рукам все поместье. В 1946 и 1947 годах местное крестьянство захватило Фрагалу, и Берлинджери, в знак признания обоснованности их требований, предложил им одну треть имущества в поселении, но крестьяне от этого отказались (Mottura, Orsetta, 1981: 201-202).

Утром 29 октября 1949 года в усадьбу прибыла полиция, которая пыталась заставить крестьян покинуть землю, но жители деревни отказались. Полиция открыла огонь: три человека были убиты, 15 — ранены, шесть — арестованы. Убийства в Мелиссе вызвали протесты во всех южных областях, и в течение трех месяцев еще девять человек погибли во время столкновений с полицией (Cinanni, 1979: 58-63).

События на Юге изменили все политическое пространство Италии. Левое крыло Христианско-демократической партии во главе

с видным католическим интеллектуалом (и позднее священником) Джузеппе Доссетти стало выступать за аграрную реформу⁹.

Но каковы были ожидания крестьян? Нужно заметить, что стремление к обладанию собственностью прочно укоренено во всем сельском мире, за исключением, возможно, батраков, особенно отверженных социалистической идеологии. В сельской местности, где по-прежнему проживала почти половина активного населения, земля являлась фундаментом социальной иерархии, как с символической, так и с материальной точки зрения, поскольку она предоставляла широкие возможности для различных операций: служила гарантией при кредитовании и даже при выборе брачного партнера (Musso, 2002: 192). «Земельный голод» испытывали практически все сельские социальные группы — от мелких помещиков и арендаторов до дольщиков, поселенцев и батраков. Христианские демократы начали, под давлением членов своей партии (от левого Доссетти до правого Сеньи), пытаться решить проблему «земельного голода», предлагая новый режим собственности в деревне. В центре идеи перераспределения собственности лежало положительное отношение общества к трудолюбивым ремесленникам, фермерам, мелким собственникам, иными словами, к инициативной трудовой буржуазии. Таким образом, было возможно сгладить противоречия в интересах различных социальных групп для общего блага. Иметь в деревнях множество мелких собственников (такова была цель христианских демократов) — значило бы прекратить конфликты и создать возможности для дальнейшего развития страны. Укрепить позиции, получив абсолютное большинство в Конфедерации земледельцев (Coldiretti, основана в 1944 году), значило бы для христианских демократов иметь свои организации и своих людей в деревне.

Правительство Де Гаспери не могло более медлить: беспорядки в деревнях, давление внутри Христианско-демократической партии и Конфедерации земледельцев, вступление Италии в Североатлантический договор — откладывать аграрную реформу далее было нельзя. Мероприятия в рамках реформы, проведенные с мая 1950 по апрель 1951 года, привели к экспроприации, покупке или обмену комиссиями, созданными для каждого округа, около 750 000 гектаров, 680 000 из которых были выделены для 113 000 семей. Наиболее заинтересованы в реформе были районы с более интенсивным земледелием — в Тоскане и Лацио-Маремме, в Фучино, Вольтурно, Гарильяно и Селе, на всем Юге, а также в Сардинии и Сицилии.

Основное положение трех законов, составляющих аграрную реформу, — экспроприация части крупных земельных владений и их перераспределение среди крестьян соответствующих регионов. Критерии экспроприации не были единообразными. «Закон

Дж. Савино

«Земельный голод» итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы

9. На примере Джузеппе Доссетти видно, что в Христианско-демократической партии были представители разных политических взглядов, от антикапиталистических до либерально-консервативных (Pombeni, 1979: 187).

Сила» (для Калабрии) предусматривал, что вся «некультивированная» пахотная земля на земельных участках размером более 300 гектаров подлежит конфискации. Два других закона предлагали оценивать землю главным образом по стоимости, а не по качеству. Таким образом, все имения стоимостью более 30 000 лир подлежали экспроприации с оплатой по скользящей шкале, которая защищала более эффективных землевладельцев, но наказывала самых крупных. Всего было экспроприровано более 700 000 гектаров с полной компенсацией, основанной на стоимости земли, выплаты осуществляло государство в форме государственных облигаций.

Поддержка фермеров с помощью налоговых льгот и кредитных средств на покупку земельных участков и сельскохозяйственной техники привела в период с 1948 по 1960 год к передаче им прав собственности на более чем один миллион гектаров. Правительство преследовало одновременно несколько целей: устанавливая квоты для сельского населения в сельской местности на определенный период времени, пыталось замедлить миграцию в города, расширить внутренний рынок для продукции сельского хозяйства и ослабить социальную напряженность.

Конкретная практика управления позволила представителям Христианско-демократической партии закрепиться в сельской местности, прежде всего через Национальную конфедерацию непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции (Coldiretti). В 1949 году ее секретарем стал Паоло Бономи. За период в 10 лет, с 1945 по 1955 год, число фермерских семей, принадлежащих к Колдиретти, выросло примерно со 150 000 до более чем 1 600 000, и это несмотря на постоянное сокращение числа сельскохозяйственных рабочих в те же годы. Колдиретти, получившая прозвище «Бономиана», действовала как своего рода полугосударственное объединение и, конечно, имела вес внутри Христианско-демократической партии, которая обменивала политическую лояльность на широкое финансирование конфедерации.

Законы, составляющие основу реформы, частично реализовывали принципы статьи 44 Итальянской конституции, принятой в 1948 году:

В целях достижения рациональной эксплуатации земли и установления справедливых социальных отношений закон налагает обязательства на частную земельную собственность; устанавливает предельные размеры этой собственности соответственно по областям и сельскохозяйственным зонам; благоприятствует улучшению земель, преобразованию крупных землевладений и реконструкции производственных единиц; поддерживает мелкую и среднюю собственность (Costituzione della Repubblica italiana, 2012: 24).

Пол Гинзбург, оценивая недостатки аграрной реформы Де Гаспери, указывает, в частности, на то, как землевладельцы старались избе-

жать экспроприации своей земли. Одни поспешно делили свои владения между членами семьи, другие, как помещики Калабрии, находили лазейки в двусмысленности формулировки «не улучшенная» земля. Достаточно было построить просто сарай, чтобы земля считалась «обрабатываемой» и, таким образом, уже не подлежала конфискации. Сами положения законов изначально приводили к тому, что почти вся земля, приобретенная крестьянами, оказалась низкого качества. На Сицилии из 74 290 распределенных гектаров, 95% были классифицированы как «низшие» и «промежуточные», в то время как лишь 0,4% — как «хорошо орошаемые» (Ginsborg, 1990: 132).

И тем не менее реформа имела существенные политические последствия.

От крестьянского общества к потребительскому

Задача умиротворить деревню была выполнена, и христианские демократы смогли консолидировать свои позиции и укрепить влияние. Эмилио Серени так охарактеризовал новый курс в 1958 году на одном из собраний руководства Итальянской коммунистической партии:

В деревнях в последние годы политика Христианско-демократической партии соответствовала традиционному менталитету крестьянских масс. Сегодня складываются новые взаимоотношений с фермерами среднего возраста, богатыми фермерами, мелкими производителями товаров и продуктов, они зависят от Конфедерации земледельцев. Таким образом, режим получает новый способ контролировать массы, даже в отсутствие традиционной политики (Vecchio, 2011: 422).

Итальянский историк Гвидо Краинц представил некоторые факты о процессе формирования партийной клиентелы в деревнях. Например, в провинции Феррара, в Эмилии, 4000 семей получили землю, и в то же время 400 человек работали в управлении, помогая осуществлять реформу; в Калабрии такое соотношение было 18 к 1, а на Сицилии 3 к 1 (Crainz, 2005: 307). Христианско-демократическая политика в деревнях в конце 1950-х была почти полностью сосредоточена в руках Паоло Бономи, который был одновременно депутатом, председателем Колдиретти и главой Федерации аграрных консорциумов (Federconsorzi). Краинц показал, как получалось, что социальные права, например, установление пенсий крестьянам, прописанные специальным законом 1957 года, воспринимались как щедроты партии.

Уже к концу 1950-х годов в деревне происходили и другие трансформации. Экономический подъем и развитие промышленности требовали все больше рабочих рук, и потому заметно усилилась миграция из деревни в города — крупные индустриальные центры не только

Севера, но и Юга (в Неаполь, Таранто, Кротон), в результате земля оставалась без крестьян. Журналист Джорджо Бокка описывал «итальянское чудо» («Miracolo italiano»), экономический рост в начале 1960-х годов), предоставившее многим крестьянским жителям провинций возможность новой, богатой, современной жизни, без тяжелого труда на полях и с более высоким социальным статусом. Телевидение и СМИ рекламировали городской образ жизни в качестве желанной цели для молодежи, Бокка же считал, что «состояние души предшествует экономическому состоянию» (Восса, 2018: 11).

Пьер Паоло Пазолини, «совесть итальянской интеллигенции», разглядел в экономическом подъеме и рождении потребительского общества главный антропологический поворот итальянского народа, разрушивший деревенскую жизнь. «Крестьянский мир, после примерно четырнадцати тысяч лет существования, умер практически внезапно», — констатировал писатель в начале 1970-х годов (Pasolini, 1988: 31). Если Пазолини представлял идеализированный крестьянский мир как спасение от опасностей потребительского общества, католический крестьянский писатель Фердинандо Камон (дискуссия с коммунистическим лидером Пьетро Инграо) дал другую интерпретацию о происходившем в деревнях Италии после аграрной реформы. По его мнению, коммунистическая интеллигенция не поняла, что крестьянин хотел стать горожанином, потому что на его глазах у рабочего получилось освободиться от тяжелого труда в поле (Camon, Ingraio, 2019: 15). В 1998 году Камон даже посвятил стихи социальной трансформации итальянского крестьянина:

я хотел освободить животное / сделать из него нового человека, на котором добродетели / напечатаны как стигматы от бедности: / освободил его капитал | сначала удалив его память | / сделал его богатым человеком, и ничего более (Camon, 1998: 160).

Аграрная реформа 1950 года утолила «земельный голод» итальянского крестьянства, но слишком поздно. И, к сожалению, принесла с собой формирование клиентелских отношений в деревнях. Италия 1950-х быстро начала развиваться как промышленная страна, крестьяне стали новыми горожанами, движущей силой экономического подъема и душой новых социальных отношений.

Библиография

- Грамши А. (1957). Рабочие и крестьяне // Грамши А. Избранные произведения. Т. I. М., 1957.
Силоне И. (1968). Судьба одного бедного крестьянина / Пер. с итальянского И. Альберты, вступительные статьи И. Хау и В. Вейдле. Napoli: Edizioni scientifiche italiane.
Bernardi E. (2006). La riforma agraria in Italia e gli Stati Uniti: Guerra fredda, Piano Marshall e interventi per il Mezzogiorno negli anni del centrosinistra degasperiano. Il Mulino, Bologna.
Восса G. (2018). Miracolo all'italiana. Milano: Feltrinelli.

- Camon F. (1998). Dal silenzio delle campagne. Milano: Garzanti.
- Camon F., Ingraio P. (2019). Tentativo di dialogo sul comunismo. Roma: Ediesse.
- Cinanni P. (1979). Lotte per la terra nel Mezzogiorno, 1943–1953: terre pubbliche e trasformazione agraria. Venezia: Marsilio Editori.
- Costituzione della Repubblica italiana (2012). Roma: Tipografia del Senato.
- Crainz G. (2005). Storia del miracolo italiano. Culture, identità, trasformazioni fra anni Cinquanta e Sessanta. Roma: Donzelli.
- Demofilo (De Gasperi A.) (1943). Le idee ricostruttive della Democrazia cristiana. Roma
- Di Siena P. (1978). Emilio Sereni e la questione agraria // Studi Storici. Anno 19. No. 3. P. 509-544
- Farolfi B., Fornasari M. (2011). Agricoltura e sviluppo economico: il caso italiano (secoli XVIII–XX) // Quaderni — Working Paper DSE N° 756. Bologna. P. 2-62.
- Ginsborg P. (1990). A History of Contemporary Italy. Society and Politics, 1943–1988. London: Penguin Books.
- Gramsci A. (1921). I due fascismi // «Ordine Nuovo», 25 agosto.
- Gramsci A. (1920). Operai e contadini // «Ordine Nuovo», 3 gennaio.
- Judge E. H., Langoon J. W. (eds.) (2017). The Cold War through documents: a global history. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Mammarella G. (1978). L'Italia dalla caduta del fascismo ad oggi. Bologna: Il Mulino.
- Mottura G., Orsetta O. (1981). Il diritto alla terra: partito di massa e lotte agrarie. Milano: Feltrinelli.
- Musso S. (2002). Storia del lavoro in Italia dall'Unità a oggi. Venezia: Marsilio.
- Pantaleone M. (1962). Mafia e Politica, 1943–1962. Torino: Einaudi.
- Pasolini P.P. (1988). Scritti corsari. Milano: Garzanti.
- Perini D. (1948). Agraria, riforma // Enciclopedia italiana, II appendice. Roma URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/riforma-agraria_%28Enciclopedia-Italiana%29/
- Pombeni P. (1979). Il gruppo dossettiano e la fondazione della democrazia italiana (1943–1948). Bologna: Il Mulino.
- Ragghianti C.L. (1962). Disegno della liberazione italiana. Pisa: Nistri-Lischi.
- Rerum Novarum (1891). Lettera enciclica di S.S. Leone XIII. Roma.
- Resoconto stenografico (1921) del XVII congresso nazionale del partito socialista italiano. Livorno, 15-20 gennaio 1921. Roma.
- Rossi Doria A. (1983). Il ministro e i contadini. Decreti Gullo e lotte nel Mezzogiorno (1944–1949). Roma: Bulzoni.
- Rumi G. (1986). Tempo di scienza e di democrazia. La “politica del lavoro” nell’opinione ambrosiana 1902–1911 // Cattolici e socialisti di fronte ai problemi del lavoro (1900–1914). «Bollettino dell’archivio per la storia del movimento sociale cattolico in Italia». Anno XXI. P. 19-29.
- Sereni E. (1966). Capitalismo e mercato nazionale in Italia. Roma: Editori Riuniti.
- Sereni E. (1948). Il Mezzogiorno all’opposizione. Torino: Einaudi.
- Sereni E. (1975). La questione agraria nella rinascita nazionale. Torino: Einaudi.
- Serpieri A. (1925). La politica agraria in Italia e i recenti provvedimenti legislativi. Piacenza: Federazione italiana dei consorzi agrari.
- Silone I. (1980). Fontamara. Milano: Mondadori.
- Vacca G. (2007). Analisi e strategie dello sviluppo capitalistico in Italia. 1945–1960. Relazione alla commemorazione ufficiale di E. Sereni presso la Biblioteca del Senato (18 ottobre).
- Vecchio G. (2011). Emilio Sereni, comunista. Note per una biografia // E. Bernardi (a cura di), Emilio Sereni. Lettere (1945–1956), Rubbettino, Soveria Mannelli. P. 335-444.
- Zangheri R. (a cura di) (1960). Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901–1926. Milano.
- Zangheri R. (1992). I socialisti italiani e la questione agraria // Studi Storici. Anno 33. N° 2/3. P. 262-283.

Giovanni Savino, Assistant Professor, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: giovsav@gmail.com

The article considers the development of the agrarian question in Italy after the unification of the country in 1861, before the implementation of the peasant policy, and to the early years of the republic in the late 1940s — early 1950s. The questions and composition of the Italian peasantry were different in the regions of the country, especially in the South of Italy, where in the early 20th century 2/3 of peasants and sailors did not have the right to vote. At this time in the country, especially in such regions as Emilia-Romagna, the so-called “agrarian socialism” started to develop on the basis of cooperatives and peasant trade unions under the guidance of socialists. After the World War I, contradictions in the agrarian policy of the socialists intensified after the demobilization of the army. Under the slogan of socialization, there was an idea of distributing uncultivated lands among the peasants, but this idea did not answer the “land-hunger question” of the peasantry and had many critics on the left, like Antonio Gramsci. The Italian liberal politicians did not try to solve the agrarian question, which became the ground for the rise of fascism in the villages, and in some regions the conflict turned into a quasi-civil war. Fascism pinned great hopes on the rural world instead of the chaotic and unstable city, because the new ruling class considered the village as a stronghold of traditional values. The swamp drainage program was an important part of the agrarian policy of the Mussolini regime, and in the 1930s it became the slogan of fascism.

The World War II hit the Italian village hardly. The anti-fascist parties included the agrarian question in their programs, and in the villages the resistance against the regime was based on the demand for agrarian reform. Fausto Gullo, a communist and minister of agriculture in 1944–1946, in 1944 wrote several decrees on the use of uncultivated lands, agrarian treaties, and the creation of “people’s granaries”. They became an incentive for the peasantry, but after the exclusion of the communists from the government the clashes in the villages became bloody. The Sicilian mafia shot at the crowd of peasants on May 1, 1947, and the police opened fire in Melissa, Calabria, on October 29, 1949. The De Gasperi government adopted various measures within the agrarian reform in 1950–1951 and partially implemented the principles of the Article 44 of the Italian Constitution adopted in 1948. The agrarian reform of 1950 satisfied the “land hunger” of the Italian peasantry, but the society changed completely in the following decades due to the development of the country as an industrial economy.

Keywords: agrarian reform, southern question, peasantry, Emilio Sereni, Alcide de Gasperi, mafia, Christian Democratic Party, Italian Communist Party

References

- Bernardi E. (2006) *La riforma agraria in Italia e gli Stati Uniti: Guerra fredda, Piano Marshall e interventi per il Mezzogiorno negli anni del centrismo degasperiano*, Bologna: Il Mulino.
- Bocca G. (2018) *Miracolo all'italiana*, Milano: Feltrinelli.
- Camon F. (1998) *Dal silenzio delle campagne*, Milano: Garzanti.
- Camon F., Ingraio P. (2019) *Tentativo di dialogo sul comunismo*, Roma: Ediesse.
- Cinanni P. (1979) *Lotte per la terra nel Mezzogiorno, 1943–1953: terre pubbliche e trasformazione agraria*, Venezia: Marsilio Editori.
- Costituzione della Repubblica italiana* (2012), Roma: Tipografia del Senato.

- Crainz G. (2005) *Storia del miracolo italiano. Culture, identità, trasformazioni fra anni Cinquanta e Sessanta*, Roma: Donzelli.
- Demofilo (De Gasperi A.) (1943) *Le idee ricostruttive della Democrazia cristiana*, Roma
- Di Siena P. (1978) Emilio Sereni e la questione agraria. *Studi Storici*, Anno 19, no 3, pp. 509-544.
- Farolfi B., Fornasari M. (2011) Agricoltura e sviluppo economico: il caso italiano (secoli XVIII–XX). *Quaderni — Working Paper DSE N° 756*, Bologna, pp. 2-62.
- Ginsborg P. (1990) *A History of Contemporary Italy. Society and Politics, 1943-1988*, London: Penguin Books.
- Gramsci A. (1920) Operai e contadini. «Ordine Nuovo», 3 gennaio.
- Gramsci A. (1921) I due fascismi. «Ordine Nuovo», 25 agosto.
- Gramshi A. (1957) Rabochie i krestyane [Workers and peasants] Gramshi A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. I. Moscow.
- Judge E.H., Langoon J.W. (eds.) (2017) *The Cold War through Documents: a Global History*, Lanham: Rowman & Littlefield.
- Mammarella G. (1978) *L'Italia dalla caduta del fascismo ad oggi*, Bologna: Il Mulino.
- Mottura G., Orsetta O. (1981) *Il diritto alla terra: partito di massa e lotte agrarie*, Milano: Feltrinelli.
- Musso S. (2002) *Storia del lavoro in Italia dall'Unità a oggi*, Venezia: Marsilio.
- Pantaleone M. (1962) *Mafia e Politica, 1943–1962*, Torino: Einaudi.
- Pasolini P.P. (1988) *Scritti corsari*, Milano: Garzanti.
- Perini D. (1948) Agraria, riforma. *Enciclopedia italiana*, II appendice. Roma URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/riforma-agraria_%28Enciclopedia-Italiana%29/
- Pombeni P. (1979) *Il gruppo dossettiano e la fondazione della democrazia italiana (1943–1948)*, Bologna: Il Mulino.
- Ragghianti C.L. (1962) *Disegno della liberazione italiana*, Pisa: Nistri-Lischi.
- Rerum Novarum (1891) *Lettera enciclica di S.S. Leone XIII*, Roma.
- Resoconto stenografico (1921) del XVII congresso nazionale del partito socialista italiano, Livorno, 15-20 gennaio 1921, Roma.
- Rossi Doria A. (1983) *Il ministro e i contadini. Decreti Gullo e lotte nel Mezzogiorno (1944–1949)*, Roma: Bulzoni.
- Rumi G. (1986) Tempo di scienza e di democrazia. La “politica del lavoro” nell’opinione ambrosiana 1902–1911. Cattolici e socialisti di fronte ai problemi del lavoro (1900–1914). «Bollettino dell’archivio per la storia del movimento sociale cattolico in Italia», Anno XXI, pp. 19-29.
- Sereni E. (1948) *Il Mezzogiorno all’opposizione*, Torino: Einaudi.
- Sereni E. (1966) *Capitalismo e mercato nazionale in Italia*, Roma: Editori Riuniti.
- Sereni E. (1975) *La questione agraria nella rinascita nazionale*, Torino: Einaudi.
- Serpieri A. (1925) *La politica agraria in Italia e i recenti provvedimenti legislativi*, Piacenza: Federazione italiana dei consorzi agrari.
- Silone I. (1968) *Sudba odnogo bednogo krestyanina* [The Fate of a Poor Peasant] Per. s ital'yanskogo I. Alberty, vstupitelnye stati I. Xau i V. Vejdlje. Napoli: Edizioni scientifiche italiane.
- Silone I. (1980) *Fontamara*, Milano: Mondadori.
- Vacca G. (2007) *Analisi e strategie dello sviluppo capitalistico in Italia. 1945–1960*. Relazione alla commemorazione ufficiale di E. Sereni presso la Biblioteca del Senato (18 ottobre).
- Vecchio G. (2011) Emilio Sereni, comunista. Note per una biografia // E. Bernardi (a cura di), *Emilio Sereni. Lettere (1945–1956)*, Rubbettino, Soveria Mannelli, pp. 335-444.
- Zangheri R. (1992) I socialisti italiani e la questione agraria. *Studi Storici*, Anno 33, no 2/3, pp. 262-283.
- Zangheri R. (a cura di) (1960) *Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901–1926*, Milano.

Пространственная структура родственных связей (на примере поселка Жарковский Тверской области)¹

А.И. Алексеев, О.Ю. Ефимова, А.А. Ткаченко

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Ольга Юрьевна Ефимова, студентка факультета географии и экологии Тверского государственного университета. Тверь, ул. Прошина, д. 3, корпус 2. E-mail: olenka_efimova_97@mail.ru

Александр Андреевич Ткаченко, доктор географических наук, профессор факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. Тверь, ул. Прошина, д.3 кор. 2. E-mail: at.tver@mail.ru

В статье анализируются пространственные связи семей, проживающих в периферийном поселке Жарковский (3 тыс. жителей), со своими детьми и другими родственниками, живущими в других городах и деревнях. У 90 опрошенных семей поселка за его пределами 180 родственников. Поселок последние 50 лет теряет население, и «диаспора» выходцев из него раскинулась от Дублина до Владивостока и от Мурманска до Аммана. Уехавшие дети жителей Жарковского — в основном студенты (учащиеся вузов или недавно окончившие их), учащиеся в двух ближайших областных центрах — Твери и Смоленске, но также в Москве и Санкт-Петербурге. В меньшей степени популярны учебные заведения в средних и малых городах. Другие родственники чаще всего проживают в тех же городах, но и во многих других местах: Сибири, Калининградской области, Белоруссии и др.

Большинство обследованных домохозяйств состоят из пары родителей среднего возраста или одной матери, значительно реже — из пары престарелых родителей, почти все дети которых уехали из поселка. Пространственная структура родственных связей здесь в основном «центробежная»: большинство живущих в других местах родственников — уехавшие из поселка. Но несколько раз нам встретилась и ситуация, когда в поселке живут дети, родители которых — в других местах. Это дети, уехавшие из сел Жарковского района, в которых остались жить их пожилые родители. Таким образом, в данном случае мы имеем и «центростремительную» структуру родственных связей: часть жителей поселка — относительно недавние мигранты из других мест, прибывшие в поселок.

Ключевые слова: родственные связи, пространственная структура, домохозяйства, сельско-городская миграция, Тверская область

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-128-137

1. Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-011-00725.

Еще относительно недавно было принято считать, что социально-географическое исследование какого-либо населенного пункта вполне может удовлетвориться изучением лишь его самого, а за его пределами стоит обращать внимание разве что на миграционные связи и положение в системе расселения. Однако наступление эпохи «информационного общества», развитие сетевых технологий и общее повышение значимости «виртуальной реальности» изменило эти взгляды. Сыграло роль и повышение мобильности людей, понятие «постоянное население» начинает все более размываться, особенно в сельской местности, что, например, хорошо показано в монографии «Между домом и... домом» (2016).

Становится очевидно, что следует учитывать и население «сезонное» (для сельской местности это главным образом городские «дачники» и другие категории «летнего населения»), и «отходников», работающих на стороне, и переселившихся в сельскую местность горожан, и «экопоселенцев» (см., например: Пивовар, Алексеев, 2018).

Кроме того, у многих, если не у большинства поселений, сейчас существует и «сетевое окружение» — участники сетевых сообществ, живущие в разных местах, но связанные общими интересами с местными жителями. Примеры таких сообществ были нами описаны для двух сел Тверской области (Алексеев и др., 2016). Их анализ, в частности, позволил выявить этапы и направления миграции из них. Подобные сообщества исследованы и в Ленинградской области (Васильева, Удовенко, 2019).

Но один из аспектов внешних связей населенных пунктов, насколько нам известно, еще не изучался. Это «география родственных связей»: где живут родственники жителей данного поселения и как они связаны между собой. Ответы на эти вопросы мы и попытались найти на примере поселка Жарковский Тверской области.

Объект исследования. Территория нынешнего Жарковского района во времена Российской империи входила в состав Смоленской и Витебской губерний, в 1930-х годах была разделена между Калининской и Смоленской областями, с 1945 году вошла в Великолукскую область, а после ее ликвидации в 1957 году — в Калининскую область. Таким образом, географическое положение района имеет ярко выраженный периферийный характер, он находится на границе зон влияния Смоленска (до которого 150 км) и Твери (340 км). Более близкое расположение Смоленска, как мы увидим далее, сказалось и на направлениях миграции населения.

Население района, насчитывавшее в 1959 году 20 тыс. чел., каждые 30 лет сокращалось примерно в два раза: в 1989 году — 11 тыс., в 2018 году — 4,7 тыс., в том числе в райцентре — пгт Жарковском — 3,1 тыс. (максимум был в 1979 году — 8 тыс.).

В 1930-х годах для обслуживания лесозаготовок была построена железная дорога (47 км), связывающая Жарковский с магистралью Москва — Рига. По ней ежедневно ходили пригородные поезда. Затем частота движения постепенно сокращалась, и сейчас совер-

шается только один рейс в неделю, по воскресеньям. Причем 47 км поезд преодолевает за 3,5 часа (!). Как пишут энтузиасты-исследователи железных дорог, этот поезд — самый медленный в России, его скорость порядка 14 км/час, поскольку быстрее не позволяет состояние железнодорожного полотна. Но он проходит через ряд деревень, с которыми отсутствует автобусное сообщение, а также обслуживает и дачников, и потому пока его движение поддерживается. Ежедневные автобусные рейсы обслуживают внешние связи жителей — с Тверью, Смоленском и соседним райцентром Западна Двина, рейсы внутри района — только три раза в неделю.

Долгое время градообразующим предприятием поселка был деревообрабатывающий комбинат, число занятых на котором в 1950–1960-е годы доходило до 1000 человек, но по состоянию на 2017 год там осталось только 113 человек.

Сейчас главные градообразующие функции поселка — «центральные», т.е. обслуживание населения и обеспечение функционирования инфраструктуры на территории района. Это бюджетная сфера (средняя школа, районная больница с поликлиникой, администрация района, детский приют и др.), другие организации, обслуживающие население (дом быта, гостиница, АЗС, Сбербанк и др.) или инфраструктуру района (филиал ОАО «Тверские электросети», дорожно-ремонтное строительное управление и др.). В общей сложности во всех этих организациях занято 819 человек.

Кроме того, как показало обследование классных журналов средней школы за последние 5 лет (где было указано место работы родителей), около 15% всех занятых жителей поселка работают за его пределами — т.е. являются «отходниками». Из них 2/3 ездят на заработки в Москву, остальные — в Тверь и другие города области.

Материалы и методы исследования. Из населения поселка были опрошены 90 семей (точнее, домохозяйств, т.к. среди них много одиночек), выбранных случайным образом. В их ответах фигурировал 181 родственник, это 74% детей и 26% других родственников.

В интервью были заданы следующие вопросы:

— Есть ли у вас родственники, проживающие в других городах? Если есть, то кем они вам приходится и в каких городах проживают?

— Как часто вы поддерживаете с ними связь по телефону?

— Как часто они к вам приезжают?

— Как часто вы к ним ездите?

— Привозят ли они вам какие-то товары из города?

— Что забирают с собой?

— Имеется ли финансовая помощь со стороны родственников или с вашей стороны?

Полученные ответы были оформлены в виде карточек семей. Приведем примеры.

	Родственники	Место проживания	Звонки (часто-та)	Посещения (как часто, когда)		«Поставка»	
				В Жарковский	Из Жарковского	В Жарковский	Из Жарковского
2.1	дочь	Великие Луки	1 раз в неделю	2 раза в месяц	3–4 раза в год	Продукты	Закатки, ягоды
2.2	сын	Тверь	1 раз в неделю	1 раз в 2 месяца	3–4 раз в год	Быт. техника	Закатки
2.3	сын	Смоленск	1 раз в неделю	1 раз в месяц	1 раз в 2 месяца	Быт. техника	Закатки
2.4	сестра	Красноярск	1 раз в месяц	1 раз в год	–	–	–

*А.И. Алексеев,
О.Ю. Ефимова,
А.А. Ткаченко*
Пространственная структура родственных связей (на примере поселка Жарковский Тверской области)

Семья 8. **Интервью с матерью, живет одна**

	Родственники	Место проживания	Звонки (частота)	Посещения (как часто, когда)		«Поставка»	
				В Жарковский	Из Жарковского	В Жарковский	Из Жарковского
8.1	дочь	Москва	1 раз в день	3–4 раза в год	–	Финансовая помощь, быт. техника	Закатки, клюква
8.2	сын	Ржев	1 раз в день	1 раз в 2 месяца	–	Финансовая помощь, быт. техника	Закатки
8.3	брат	Симферополь	3–4 раза в год (по праздникам)	1 раз в 10 лет	1 раз в 15 лет	Вино, фрукты, сувениры	Грибы, ягоды
8.4	сестра	Симферополь	3–4 раза в год (по праздникам)	1 раз в 10 лет	1 раз в 15 лет	Вино, фрукты, сувениры	Грибы, ягоды

Общие результаты. Большинство обследованных домохозяйств состоит из пары родителей среднего возраста, или одной матери, значительно реже — из пары престарелых родителей, почти все дети которых уехали из поселка. Можно сказать, что *пространственная структура родственных связей здесь в основном центробежная*: большинство живущих в других местах родственников — *уехавшие из поселка*. Но несколько раз нам встретилась

и ситуация, когда в поселке живут дети, родители которых из других мест. Это уехавшие из сел Жарковского района, в которых остались жить их пожилые родители. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем *центростремительную структуру родственных связей*: часть жителей поселка — относительно недавние мигранты из других мест, *прибывшие в поселок*.

Итак, поселок Жарковский, с одной стороны, является местом притяжения для сельских жителей района, а с другой — «местом выхода» для уроженцев самого поселка. Теоретически эти два потока могли бы компенсировать друг друга, но в данном случае потеря поселком большей части рабочих мест усилила «силы выталкивания» его жителей, особенно молодых, и здесь абсолютно преобладает «центробежная» структура. В дальнейшем было бы интересно обратить внимание на соотношение «центростремительных» и «центробежных» структур родственных связей, что могло бы стать одним из оснований для типологии населенных пунктов².

Пространственная структура родственных связей

Карты (рис. 1 и 2) демонстрируют, во-первых, неожиданную для авторов широту распространения родственников жителей Жарковского — от Тихого океана до Атлантики и от Северного Ледовитого океана до Ближнего Востока. Но, во-вторых, их большую концентрацию в ближайших областных центрах — Твери и Смоленске, в меньшей степени в Москве.

Карта на рисунке 3 отдельно показывает размещение детей жителей поселка, которое гораздо более сконцентрировано. Больше всего детей проживает в Твери (33%), Смоленске (25%) и Москве (17%). Это в основном студенты. Хотя до Смоленска расстояние вдвое меньше (150 км), чем до Твери (340 км), последний имеет большую притягательность — видимо, как более крупный центр высшего образования. Возможно, играет роль и большая близость к Москве, тем более что после пуска поездов «Ласточка» (идущих 1,5 часа до Москвы) Тверь практически вошла в зону маятниковой трудовой доступности до столицы.

2. Можно предположить, что все населенные пункты России могли бы располагаться на оси, похожей на «сельско-городской континуум», где на одном полюсе будет Москва, с абсолютным преобладанием центростремительных тенденций, а на другом — малые поселения с центробежной структурой, в которых отсутствует какой-либо приток населения. Понятно и то, что положение поселений на этой шкале будет меняться во времени.

*А.И. Алексеев,
О.Ю. Ефимова,
А.А. Ткаченко*
Пространственная структура родствен-
ных связей
(на примере по-
селка Жарковский
Тверской области)

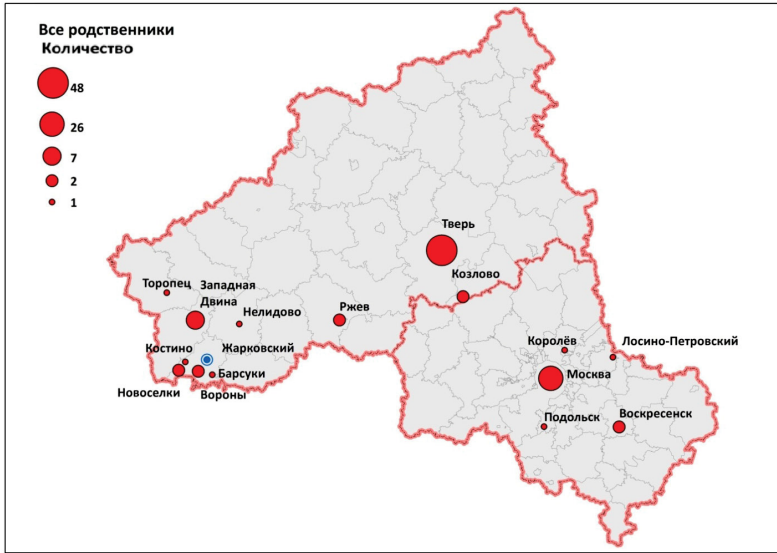

Рис. 1. Расселение родственников жителей пос. Жарковский в Тверской и Московской областях

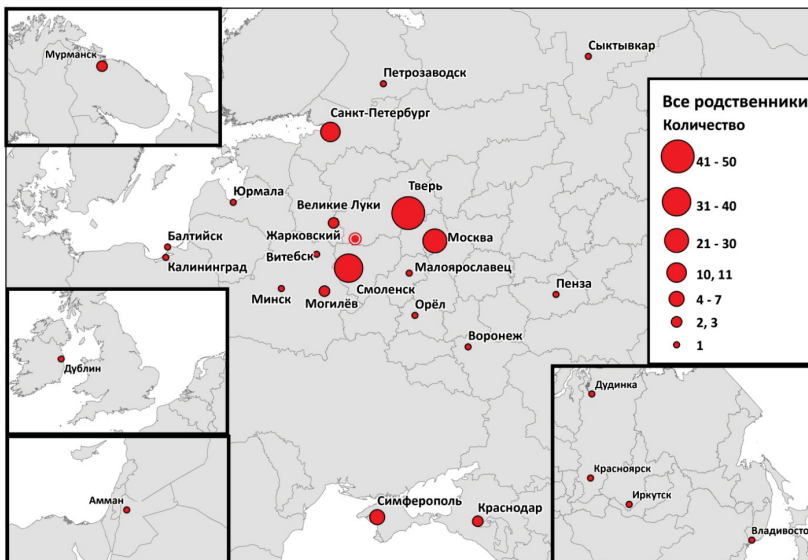

Рис. 2. Расселение выявленных родственников жителей пос. Жарковский (итоговая карта)

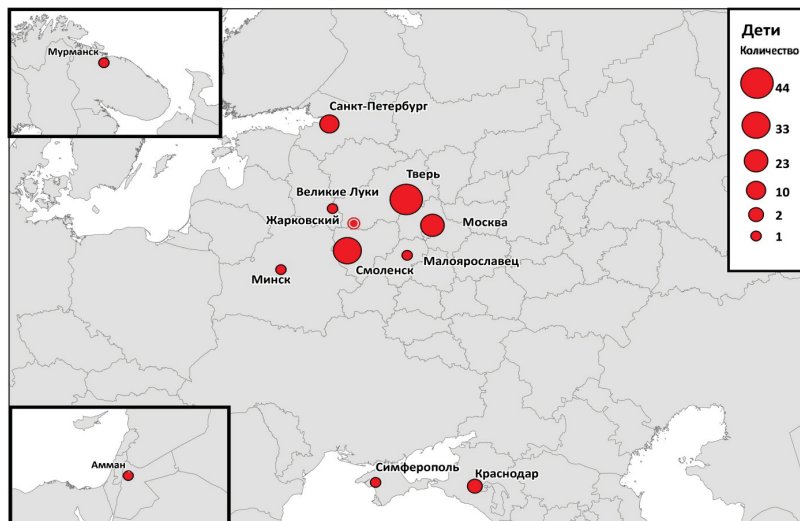

Рис. 3. Места проживания детей

География распространения других родственников широка: по России — от Калининграда до Владивостока, а за ее пределами — Дублин, Юрмала, Витебск и Могилев. В них проживает по 1 человеку из Жарковского. Среди городов России предпочтение отдают Твери (6 человек), Смоленску — 4, Москве и Симферополю — по 3 человека, в остальных городах проживают по одному родственнику.

Интенсивность связей с родственниками измерялась тремя способами: числом телефонных звонков, поездок и «передач». Наиболее тесная связь по телефону — у матерей (живущих в Жарковском) со своими дочерьми: более 90% звонят раз в день и чаще, среди сыновей таких только половина, остальные — несколько раз в неделю.

С другими родственниками высокой интенсивности звонков не наблюдается. Стоит отметить, что респонденты, говоря о связях с остальными родственниками, не всегда имели в виду телефонные звонки. Чаще это связь в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте», а также видеосвязь Skype. Телефонные звонки утратили актуальность в связи с распространенностью социальных сетей и их популярностью.

Большая часть респондентов (43%) общается 1–2 раза в месяц с теми родственниками, которые не имеют возможности часто приезжать из-за занятости. В группе с частыми звонками (1–6 раз в неделю) 25% родственников проживают ближе к Жарковскому — в городах и районах Тверской области, Смоленске и области. В этом случае родственники связывают и телефонные звонки, и виртуальное общение. Каждый день поддерживают телефонную связь 17% других родственников. Это родители респондентов из ближайших деревень района.

Поездки в Жарковский. Очень часто приезжают к родителям 3% детей: это сыновья, учащиеся в Западнодвинском технологическом колледже, они бывают дома каждые выходные. Навещать удобно и недорого: автобусное сообщение между Западной Двиной и Жарковским ежедневное, стоимость билета 156 рублей. Половина детей (47%) приезжают домой 1–2 раза в месяц, это в основном студенты из Смоленска (2 раза в месяц), и из Твери (1 раз в месяц). Студентам смоленских учебных заведений приезжать быстрее и выгоднее, чем тверским, — стоимость билетов 400 рублей и 1000 рублей соответственно. Дорога от Смоленска занимает 2 часа, от Твери — 6 часов.

В среднем раз в 2 месяца приезжают домой студенты из Москвы и Санкт-Петербурга. Их приезды домой реже, так как дорога обходится еще дороже и дольше по времени. Прямого сообщения общественным транспортом от Москвы и Санкт-Петербурга до Жарковского нет. На поезде/автобусе можно добраться до Западной Двины, но не всегда в это время есть автобус до Жарковского, а стоимость такси 900–1000 рублей. В таком случае минимальная сумма поездки в одну сторону от Москвы до Жарковского 1800 рублей, от Санкт-Петербурга — 3800 рублей.

Около трети приезжают к родителям раз в год и реже. Это уже взрослые дети, они уже обустроились в городах, нашли работу, завели семью, а потому навещают родителей в основном по праздникам и летом. Есть немного и тех, кто вовсе не приезжает в Жарковский, обычно в таких случаях родители сами навещают в гости к детям.

Для других родственников поездки как вид связи не так актуален, как звонки. Возможности приезжать иногда просто нет из-за стоимости билетов в связи с большим расстоянием или из-за отсутствия личного транспорта. Поэтому половина всех родственников обычно приезжает несколько раз в год и реже.

Поездки из Жарковского не так интенсивны, как в Жарковский. Почти половина родителей приезжает к детям раз в год и реже. Это происходит из-за отсутствия личного транспорта, а также высокой стоимости билетов на общественный транспорт. Больше трети не приезжают к детям вообще по тем же причинам.

Поставки из Жарковского для половины респондентов — это продовольственные товары: домашние заготовки, овощи, грибы и ягоды; это касается как взрослых родственников, которые приезжают не так часто в Жарковский, так и обучающихся детей, которые забирают продовольствие в города. Также высок процент респондентов (57%), получающих финансовую помощь от родственников из Жарковского: это в основном дети-студенты, но и более взрослые дети, проживающие в городах. Поставки в Жарковский менее распространены — это немного продовольствия и промтоваров, и в 1/10 случаев — денежная помощь (от взрослых детей).

СОВРЕМЕННОСТЬ

Исследование географии родственных связей жителей населенного пункта обогащает наши знания о территориальной организации общества. Нами было выявлено в среднем по два родственника на одно обследованное домохозяйство поселка (а средний размер домохозяйства — около 1,5). Напрашивается вывод, что *общее число родственников, живущих за пределами поселка, по крайней мере не меньше (а скорее всего даже больше), чем население самого поселка*. Это значит, что, принимая любое решение о поселке Жарковский, следует иметь в виду, что оно повлияет не только на его официально зарегистрированное население, но и на всю его «диаспору».

В полусмешку, в полусерьез можно предложить принимающим решение изучить: а что по тому или иному поводу скажут в Дублине, Юрмале, Аммане, Владивостоке? И как это, в свою очередь, повлияет на жизнь поселка Жарковский? Но если действительно учитывать возрастающую роль общественного мнения в жизни страны, то к таким вопросам надо уже относиться серьезно.

Отметим в заключение, что наша работа касалась лишь одной из сторон жизни населенных пунктов и многообразия их внешних связей. В идеале к этому надо было бы добавить и «центрированные на поселок» социальные сети, и географию расселения дачников («летнего» и «зимнего»), места работы «отходников», и, видимо, ряд других групп населения, полный список которых еще предстоит составить. А еще (расширяя предмет исследования) — и образы этого населенного пункта в глазах разных групп населения, и их изменения. И это наверняка не полный список...

Библиография

- Алексеев А.И., Дельва К.И., Усова М.Д. (2016). «Генеалогические деревья» и социальные сети как источник информации для социально-географического изучения сельской местности // Вестник Моск. ун-та. Сер. География. № 5. С. 90–93.
- Васильева О.Е., Удовенко В.С. (2018). Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Моск. ун-та. Сер. География. № 6. С. 26–33.
- Между домом ... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Пивовар Г.А., Алексеев А.И. (2018). Сельско-городские взаимосвязи на границе с Московской агломерацией // Вестник Моск. ун-та. Сер. География. № 6. С. 100–103.

The spatial structure of kinship (on the example of the Zharkovsky settlement of the Tver Region)

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Lenin Hills, 1. Email: alival@mail.ru.

Olga Yu. Efimova, Student, Faculty of Geography and Ecology, Tver State University. Tver, Proshina St., 3, bldg. 2. E-mail: olenka_efimova_g7@mail.ru

Alexander A. Tkachenko, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography and Geographical Ecology, Tver State University. Tver, Proshina St., 3, bldg. 2. E-mail: at.tver@mail.ru

The article considers the spatial structure of relationships of families in the peripheral settlement Zharkovsky (3 thousand inhabitants) with their children and relatives in other cities and villages. There are 180 members in 90 surveyed families of the village that has been losing population for the last 50 years, and its “diaspora” has spread from Dublin to Vladivostok and from Murmansk to Amman. The children of Zharkovsky’s residents are mostly students in two nearest regional centers — Tver and Smolensk, and also in Moscow and Saint Petersburg; educational institutions in medium-sized and small cities are less popular. Other relatives live in the same cities, but are much more dispersed in the cities of Siberia, the Kaliningrad Region, Belarus, etc. Most of the households under study consist of middle-aged parents or, more often, only of a mother, or elderly parents, whose children have already left the village. The spatial structure of kinship is usually “centrifugal”: the majority of relatives in other places are those who left the village. However, sometimes children live in the village while parents live in other places: these are children who left the villages of the Zharkovsky district, in which their elderly parents still live. Thus, there is also a “centripetal” structure of kinship ties: some residents of the village are recent immigrants from other places.

Keywords: kinship, spatial structure, Tver Region, households, rural-urban migration

References

- Alekseev A.I., Delva K.I., Usova M.D. (2016) “Genealogicheskie derevya” i sotsialnye seti kak istochnik informatsii dlya sotsialno-geograficheskogo izucheniya selskoy mestnosti [“Genealogical trees” and social networks as a source of information for the social-geographical study of rural areas]. *Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*, no 5, pp. 93-95 (In Russ.).
- Vasilieva O.E., Udovenko V.S. (2018) Sotsialno-geografichesky analiz selskih poselenij s pomoschju socialnoj seti “Vkontakte” [The social-geographical analysis of rural settlements with the help of “Vkontakte” social network]. *Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*, no 6, pp. 26-33 (In Russ.).
- Mezhdu domom ... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* (2016) [Between Home... and Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Ed. by T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova. Moscow: New Khronograph (In Russ.).
- Pivovarov G.A., Alekseev A.I. (2018) Selsko-gorodskie vzaimosvjazi na granitse s Moskovskoj aglomeratsiej [Rural-urban relationships at the border of the Moscow agglomeration], *Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*, no 6, pp. 100-103 (In Russ.).

*А.И. Алексеев,
О.Ю. Ефимова,
А.А. Ткаченко*
Пространственная структура родственных связей (на примере посёлка Жарковский Тверской области)

Муниципальная реформа 2015 года в Украине: реализация и первые итоги

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Местное самоуправление является структурирующим элементом институциональной среды, и от того, насколько эффективно оно функционирует, зависит развитие территорий. Тенденция муниципального реформирования появилась в странах Западной Европы еще в середине 1970-х годов, она была связана с всеобщей федерализацией и наделением субъектов местной власти реальными полномочиями. Со временем аналогичные реформы стали проводиться и в постсоветских странах. В 2015 году в Украине была принята Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти. В рамках ее реализации планировалось оптимизировать иерархию государственной власти и сформировать новую административно-территориальную структуру, соответствующую современной системе общественных и экономических отношений в регионах Украины. В статье рассматривается эволюция административно-территориального и муниципального устройства украинских земель, анализируется международный опыт реформирования и делается попытка представить суть муниципальной реформы 2015 года, выделив ее сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: местное самоуправление, местная власть, муниципальная реформа, государственное управление, система управления, громада, институциональная среда

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-138-159

После утверждения Акта о провозглашении независимости и выхода из состава Советского Союза 24 июня 1991 года Украина официально получила независимость. Это было подтверждено на всеукраинском референдуме 1 декабря того же года, когда 90,32% принявших в нем участие поддержали независимость¹.

Современное украинское государство переживает социально-экономические трудности, чередующиеся с периодами стагнации. Это связано в первую очередь с неэффективной бюрократической машиной и увлечением властных элит политическими интригами. Немаловажным является и оставшаяся в наследство от советского государства структура командного административно-территори-

1. ЦДАВО України. Ф. 1. Оп. 28. Д. 144. Л. 6.

ального устройства Украины. Актуальная для социалистической плановой экономики система организации органов власти территорий в условиях свободного рынка стала барьером для развития региональной экономики.

Перманентная борьба политической элиты за власть и перераспределение собственности привели к углублению кризиса местного самоуправления и параличу всех ветвей региональной власти, не способных решать проблемы населения. В результате даже банальный ремонт дорог местного назначения потребовал специального распоряжения правительства и постановлений Верховной Рады Украины. Советская структура муниципального управления показала полную неспособность работать в условиях рыночной экономики и стала ключевым барьером при развитии территорий.

Идея разработки новой модели административно-территориального деления стала на повестку дня после политического кризиса 2014 года и появления угрозы сохранения целостности Украинского государства. Бесконечное оттягивание преобразований углубляло кризис, чему способствовало и отсутствие территориального деления, учитывающего ментальные и этнические особенности населения. Муниципальная реформа была запущена лишь после прохода точки бифуркации — потери контроля над Автономной Республикой Крым и отдельными районами Донецкой и Луганской областей. Стало очевидно, что преобразования жизненно необходимы для купирования очагов сепаратизма в этнически неоднородных регионах.

Ради укрепления вертикали власти в административно-территориальном делении Украины постоянно происходил поиск равновесия между сохранением исторических регионов и созданием новых. Однако подобная тактика не позволяет сформировать устойчивое территориальное деление, которое в полной мере отвечало бы интересам и населения, и экономических резидентов. Поэтому развитие системы местного самоуправления как института гражданского общества должно стать ключевым звеном в реформировании муниципального и территориального устройства Украины.

В среде ученых проблемы самоуправления и муниципальных преобразований рассматриваются в контексте поиска инструмента повышения экономической эффективности территориального устройства, совершенствования организации и структуры государственной власти либо на микро-, либо на мезоуровне. Подобная дихотомия научных подходов обусловлена важностью организации и функционирования системы местного самоуправления для экономики и права.

Институциональная среда, создаваемая государством для управления территориями, является инструментом структурирования отношений в гражданском обществе. Местное самоуправление как часть данной среды выступает актором для развития территорий,

Т.Ю. Гусаков
Муниципальная
реформа 2015 года
в Украине: реализация и первые
итоги

поскольку эффективное его функционирование обеспечивает экономический рост регионов и снижение социальной напряженности.

Местное самоуправление является важной составляющей муниципальной структуры, поскольку включает в себя целый спектр областей влияния. Это одновременно политический, экономический и социальный институт, который участвует в формировании местной демократии, экономическом развитии территорий и выполняет важную социальную функцию как ближайшая к населению ступень власти.

В мировой практике существуют три основных модели местного самоуправления, отличающиеся по специфике взаимодействия с центральной властью в государстве: англосаксонская, скандинавская и европейская континентальная (подробнее см.: Копотева, 2007: 31-52). До 2015 года в Украине сохранялась англосаксонская модель функционирования местного самоуправления, предполагающая автономность этого института, сочетаемого с централизованным финансовым перераспределением. Системное недофинансирование местных бюджетов, поставленных в финансовую зависимость от государства, парализовало местное самоуправление. Межрегиональные разногласия до 2015 года не позволили преодолеть кризис.

Эволюция административно-территориального деления в Украине

Из-за принадлежности на отдельных исторических этапах территорий современной Украины к разным государствам у украинского населения и региональных элит сформировались различные парадигмы организации местного самоуправления. Для понимания различий необходимо подробнее рассмотреть вопрос трансформации административно-территориального устройства и принципов формирования органов местной власти.

Устройство украинских земель до 1917 года

До Революции 1917 года такого государственного образования, как Украина, не существовало. После раздела Речи Посполитой и ликвидации Гетманщины² в конце XVIII века современные украинские земли были разделены между Российской и Австро-Венгерской империями. Эти регионы имели разную территориальную структуру и принципы организации местного самоуправления. Регулярное территориальное деление украинские земли получили после третьего раздела Польши и сохраняли его до Первой мировой войны и событий 1917 года.

2. Квазигосударственное образование Запорожского казачества, которое существовало в период с 1649 по 1764 г. на территории современной Украины.

Большая часть территории входила в состав Российской империи (так называемая Левобережная и Правобережная Украина). Малороссийские земли были включены в общероссийский процесс изменений административно-территориального устройства. Первоначально они были поделены на наместничества, а в 1796 году — на губернии, которые подразделялись на уезды и волости. С конца XVIII века до 1917 года украинские земли входили в состав 9 губерний, которые в разное время объединялись в генерал-губернаторства из-за близости к границам Российской империи.

Абсолютизм, закрепощение сельского населения и сословный барьер при формировании органов власти блокировали появление каких-либо зачатков местного самоуправления в сельской местности. Лишь после отмены крепостного права и земской реформы Александра II крестьяне получили возможность участвовать в организации и функционировании органов местной власти (выборные земские собрания и управы, после 1890 года — земские учреждения). Но функции земств были ограничены и касались лишь решения хозяйственных вопросов сельских обществ, волостей и уездов³ (Полное, 1914: 170–175).

Современные западноукраинские территории до 1917 года входили в состав Австро-Венгрии. Правители династии Габсбургов при организации территориального устройства принимали в расчет особенности исторического развития территорий. Так, на землях бывшего Галицко-Волынского княжества⁴ было образовано Королевство Галиции и Лодомерии, что подтверждало преемственность монархии галицких князей. *Непольское* Закарпатье входило в состав четырех комитатов (Берег, Унг, Угоча, Мармарош) и подчинялось венгерской короне. Герцогство Буковина получило статус отдельной цислейтании, которую контролировала австрийская корона. Все эти административно-территориальные единицы делились на округа и громады (сельские и политические).

Украина в годы Гражданской и Советско-польской войны

После отречения от престола последнего российского императора Николая II и провозглашения Российской Республики во главе с Временным правительством на территории Украины была создана Украинская Народная Республика (УНР). Это государственное образование возглавил видный общественный деятель и историк М.С. Грушевский. Западная Украина после распада Австро-Венгрии также получила возможность на самоопределение. На территории Галиции, Буковины и Закарпатье в 1918 году существовала

3. Только Волынская, Подольская и Киевская губернии из-за пограничного расположения изначально были *неземскими* и получили право избирать земские учреждения лишь после 1912 года.

4. В официальных латиноязычных документах XIII–XIV вв. — Лодомерия.

самопровозглашенная Западно-Украинская Народная Республика. Главную роль в преобразовании административно-территориального деления украинских земель в период кризиса государственно-сти сыграла Центральная Рада УНР во главе с М.С. Грушевским.

На основании закона УНР «Об административно-территориальном устройстве» от 6 марта 1918 года украинские территории, объединенные под началом Центральной Рады, были разделены на 30 *земель* — экономически самодостаточных территорий с населением около 1 млн человек. По сути, Украинская Народная Республика становилась федеративным государством, состоящим из регионов с широкими экономическими правами. По замыслу Грушевского после окончания войны земли должны были стать обособленными «республиками» — *самоуправами*, а государственное устройство децентрализованным. В свою очередь, земли делились на громады согласно их принадлежности к городской или сельской местности (Грушевский, 2007: 159-160). В военное время при волостях и уездах должны были образовываться украинские комитеты. Последующие преобразования административно-территориального деления во время второй фазы существования Директории УНР (в развитие планов М.С. Грушевского) — при разработке сети федеративных земель, должны были идти в сторону децентрализации при учете географических и социально-экономических факторов. Но в полной мере проект Грушевского реализован не был ни во время его правления, ни после из-за непрекращающихся на территории Украины боевых действий.

Украинские земли в межвоенный период

После окончания Гражданской войны в России и раздела украинских земель между Российской и Австро-Венгерской империй территория современной Украины вошла в состав СССР (Украинская ССР), Польши (Западная Украина), Чехословакии (Закарпатье) и Румынии (Северная Буковина и Буджак).

В 1920 году образована *Украинская Советская Социалистическая Республика*, которая вошла в состав СССР в 1922 году. До 1925 года республика фактически сохраняла губернское территориальное деление, сформированное еще во времена Российской империи. Однако земства были заменены революционными комитетами, организованными активистами из числа местного населения.

В 1925–1932 годах действовало деление на округа, в которые входили районы и советы (городские и сельские). Впервые в истории украинских земель крестьянство было наделено правами избирать и быть избранными в органы всех уровней власти. Кроме того, жители образовывали национальные советы⁵ на местах,

5. По инициативе советского правительства в рамках политики украинизации открывались образовательные учреждения, издавались печатные издания, проводились культурные мероприятия на украинском языке.

делегируя своих представителей — депутатов, которые решали не только хозяйственные, но и экономические, этнические, политические и социальные вопросы. Впрочем, органы местного самоуправления были лишь номинально независимыми вершителями воли народа и скорее исполняли роль агентов центральной власти на местах.

В результате реформы 1932 года округа были заменены своего рода прообразами имперских губерний — областями, количество которых увеличилось с 5 на момент реформы и до 15 областей к концу 1939 года. Также в составе УССР до 1940 года существовала Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика (ныне территория непризнанной Приднестровской Молдавской Республики), которая впоследствии была передана в состав Молдавской Советской Социалистической Республики, образованной из отторгнутых от Румынии земель (подробнее см.: Верменич, 2014).

Значительная часть украинских территорий вошла в состав возрожденного Польского государства⁶. На них было распространено общепольское административно-территориальное деление в виде воеводств, без учета требований национальных меньшинств. Польское правительство применяло меры по подавлению национального возрождения украинского населения, проводило политику колонизации и террора (например, военно-полицейское мероприятие пацификации украинского населения в Восточной Малопольше осенью 1930 года с целью подавления антипольских настроений). Происходило искусственное заселение исконно украинских земель⁷ польскими поселенцами (осадниками), чтобы закрепить западно-украинские территории за Польской Республикой. Местное украинское население в формировании органов местной власти не участвовало. После подписания Пакта Молотова-Риббентропа (1939 г.) советские войска присоединили территорию Западной Украины к УССР (см.: Петровський, 2007).

На территории Бессарабии в 1917 году была образована Молдавская Демократическая Республика, в которую вошли территории *Восточной Буковины и Буджака* (Южная Бессарабия), населенные преимущественно украинцами. По результатам военной интервенции Румынии Сфатул Цэрий (парламент Республики) принял решение о добровольном вхождении в состав Румынии. Позже к Румынии была присоединена остальная часть Буковины. Бессарабия и Буковина были выделены в отдельные административные единицы. В 1938 году из-за развития сепаратистских настроений эти регионы были разделены между соседними жудецами. Одна-

6. Это территория современного макрорегиона — *Западная Украина*.

7. В польских публикациях вместе с территориями Западной Белоруссии и Восточной Литвы именовались «Кресами Восточными» (восточными окраинами).

ко в 1940 году Северная Буковина и Буджак были присоединены к УССР, на этих землях образовались Черновицкая и Аккерманская (Измаильская) области.

Отдельно от других регионов развивалось *Закарпатье*. После окончания Первой мировой войны Карпатская Русь Венгерского Королевства по Сен-Жерменскому мирному договору была включена в состав Чехословакии. Это территориальное приобретение было подтверждено Трианонским договором между Венгрией и странами-победительницами в мировой войне. В 1919 году образована Подкарпаторусская земля с центром в г. Ужгороде, которая была разделена изначально на 3 жупы, а после 1927 года — на 17 районов. Отделение региона от остальных украинских земель связано с этническим составом края, где преобладали русины. В 1938 году именно русинское большинство добилось автономного статуса региона⁸, однако в процессе раздела Чехословакии и пересмотра Трианонского мирного договора территория Карпатской Украины вошла в состав соседней Венгрии. Регион был обратно возвращен воссозданной Чехословакии только в 1944 году после капитуляции венгерского правительства (подробнее см.: Вегеш, 2004).

При организации местного самоуправления власти государств придерживались двух стратегий — учитывать национальный фактор (в УССР и Карпатской Руси) либо его игнорирование (в Малопольше и Бессарабии). Выбор зависел сугубо от национальной политики, проводимой правительством страны. Население некоторых территорий подверглось насильственной ассимиляции и интеграции в титульный этнос (политика колонизации и румынизации), а другим удалось заручиться поддержкой правительства в сфере развития национальных общественных институтов. Впрочем, в межвоенный период советское правительство объединило земли расселения украинцев, находившихся до этого в других государствах или утраченных после Первой мировой войны (за исключением Закарпатья и Крымского полуострова), в составе УССР. Поэтому на начало Второй мировой войны на все территории распространилась советская модель организации местного самоуправления, с учетом прав украинского этноса на самоопределение.

Объединенная Украинская Советская Социалистическая Республика

Окончательное закрепление за Украинской ССР современных земель произошло уже после полного освобождения территории СССР от немецкой оккупации и переноса линии фронта в Восточ-

8. 15 марта 1939 года была провозглашена Республика Карпатская Украина под руководством Августина Волошина в составе Чехо-Словацкой Республики.

ную Европу. К довоенной территории УССР была присоединена Карпатская Русь⁹ и некоторые районы Польши (в результате обмена территориями). Последним территориальным приобретением УССР в составе Советского Союза стала передача Крымской области из состава РСФСР в 1954 году, что стало сегодня серьезной проблемой отношений между Россией и Украиной.

В период с 1945 по 1991 год территориальное деление УССР оставалось практически неизменным: лишь увеличивалось или уменьшалось число областей¹⁰ и прошли две волны укрупнения и разукрупнения районной сети (в 1962 и 1964 годах соответственно). В 1978 году из состава Киевской области был выделен город Киев, а в 1991 году Крымская область преобразована в автономию по причине иммиграции крымских татар и усложнения этнического состава региона. Местное самоуправление было представлено местными советами, деятельность которых регулировалась местными представительствами КПСС (парткомами). Реальная власть на местах принадлежала сельскохозяйственным и промышленным предприятиям, обладавшим финансовыми возможностями и потому выступавшими акторами развития социальной сферы. Постепенно плановый принцип управления территориями постепенно сошел на нет после деградации системы коллективных хозяйств и промышленных предприятий, поскольку органы местной власти реальными полномочиями не обладали.

На момент обретения независимости Украина включала 27 регионов (24 области, Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика и 2 города республиканского подчинения), которые делились на 480 районов. В системе местного самоуправления сохранялась иерархия, учрежденная советским правительством еще в 1930-е годы: «местный совет — район — область — республика». Одновременно с органами местного самоуправления в публичную власть были интегрированы партийные структуры — комитеты Коммунистической партии, которая осуществляла контроль за действиями чиновников разных уровней и была наделена большими, чем местные власти, полномочиями. После 1991 года партийные комитеты заменили государственные администрации¹¹ (органы исполнительной власти), действовавшие параллельно с органами местного самоуправления — выборными районными и областными советами.

9. По договору между Чехословакией и СССР от 29 июня 1945 г.

10. Ликвидация Дрогобычской и Измаильской областей в 1959 и 1954 гг. соответственно.

11. Главы местных государственных администраций назначаются на должность и освобождаются от должности президентом по представлению кабинета министров Украины.

На протяжении столетий правители разных стран пытались выработать наиболее эффективную вертикаль административно-территориального устройства с целью тщательного контроля происходящего на всей подвластной территории, ее равномерного развития, а также упрощения бюрократических процедур и снижения издержек от содержания органов власти. В послевоенной Европе получили распространение идеи федерализации и организации независимого местного самоуправления как основного драйвера социально-экономического развития территории («снизу-вверх»).

Как показывают исследования, «китайское экономическое чудо» стало возможным благодаря методу проб и ошибок в периферийных районах Китая, где не было жесткого централизованного контроля над предпринимательством. В Европейском сообществе постепенные реформы местного самоуправления были направлены на формирование независимого института местной власти, представителей которых делегировало население. Череда реформ административно-территориального и муниципального устройства прокатилась по Европе в 1970–1980-е годы. Так, после административной реформы 1982 года во Франции была установлена независимость всех уровней власти (регионы, департаменты, коммуны), в которых создавались автономные институты самоуправления. Правительство Франции оставило за собой лишь функцию административно-контроля за их деятельностью. Целью реформы было создание автономного регионального уровня власти и сокращение функционала центральной власти.

Кроме децентрализации перед некоторыми странами стояла задача разрешения споров между разными субъектами территориального устройства в многонациональных государствах. Наиболее остро эта проблема ощущалась в Испании, где из-за сепаратистских тенденций и широких прав регионов в 1970-е годы возник конфликт между разными уровнями власти за право наделения отдельных сообществ автономным статусом. Руководство Испании предоставило возможность соседним провинциям самостоятельно образовывать автономные сообщества, которые, в свою очередь, чьи полномочия могли вступать в противоречие с полномочиями центрального правительства, как, например, при вынесении судебных решений без учета мнения парламента (Ватаманюк-Зеленська, 2018: 85-89).

Что касается государств социалистического блока, то в условиях авторитарных режимов в них установилась жесткая административно-командная вертикаль власти, где органы местного самоуправления аффилированы с правительством и правящей партией и представляли их интересы на микроуровне. Процесс демократизации общественных институтов самоуправления был за-

пущен только в конце 1980-х годов после падения коммунистических режимов.

В Чехии и Словакии административно-территориальная реформа привела к упрощению территориального деления (трехуровневая структура была заменена двухуровневой), расширению полномочий органов местного самоуправления и обеспечению их финансовой независимости.

В результате польской реформы 1990-х годов было пересмотрено территориальное деление: сокращено число регионов и восстановлена промежуточная ступень иерархии — повяты (отмененные в 1975 году). Часть функций правительства была передана на региональный уровень, а гмины стали независимыми от воеводств организованными территориальными сообществами — самостоятельными участниками публичной власти (Шпортюк, 2011).

В России муниципальная реформа 2003–2009 годов не принесла желаемого результата: изменив номинально численность территориальных единиц, органы местной власти остались контрагентами региональных элит, будучи лишены реальных полномочий и возможности распоряжения налоговыми поступлениями (см.: Бухвальд, 2013: 60–69).

На основании международного опыта реформирования местного самоуправления и административно-территориальной структуры и была сформирована повестка настоящей муниципальной реформы в Украине. Авторы реформы при разработке методических рекомендаций использовали результаты муниципальных реформ в Польше и других странах Европы, учитывали их слабые и сильные стороны.

Предыстория реформы в Украине

Ранние проекты преобразований

В независимой Украине попытки уйти от советской централизованной вертикали власти делались еще в 1990-е годы, однако бизнес-элиты некоторых регионов не позволили приступить к реальному реформированию властных структур. Согласно Конституции и законам Украины местное самоуправление осуществляется общинами сел, поселков и городов как непосредственно, так и делегируя свои полномочия соответствующим местным советам (см.: Конституція, 1996). В реальности система местного самоуправления парализована и публичной властью обладает лишь формально. Это обусловлено централизованным перераспределением финансовых поступлений между уровнями власти, в результате чего решениями местных вопросов и выбором стратегии развития занимаются региональные чиновники, распределяющие налоговые поступления и трансферты (финансовую базу).

Т.Ю. Гусаков
Муниципальная
реформа 2015 года
в Украине: реализация и первые
итоги

Поскольку без полноценно функционирующих органов самоуправления невозможно развитие гражданского общества, то о функциональном параличе системы местного самоуправления на высшем уровне заговорили в середине 2000-х годов, сразу же после преодоления политического кризиса 2004 года¹². И в течение последующих десяти лет было предложено несколько проектов реформирования территориального устройства и местного самоуправления. Наиболее значимые из них:

- «Реформа для человека» (2005) под руководством консорциума во главе с Бюро экономического менеджмента и правовых исследований ВЕОМ при поддержке Европейской комиссии (Реформа, 2006);
- Концепция реформирования публичной администрации в Украине Центра политико-правовых реформ при поддержке Агентства США по международному развитию (Концепція, 2005);
- Проект Административно-территориальной реформы в Украине Романа Бессмертного (2005);
- Реформирование территориального устройства и местного самоуправления в Украине Института гражданского общества (Реформування, 2009);
- Национальной стратегии децентрализации и реформы местного самоуправления в Украине в 2010–2013 годах (при поддержке Совета Европы) (Національна, 2010);
- Концепция реформирования местного самоуправления в Украине (при поддержке Ассоциации городов Украины (2010));
- Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине (2013) Администрации Президента Украины В.Ф. Януковича (Концепція, 2011) и другие (см.: Заблоцкий, 2013: 185-196).

Главными проблемами организации местного самоуправления в текущей ситуации реформаторы видели высокую централизацию власти, дефицит финансовой базы, бюрократические барьеры, экономическую нецелесообразность и архаичность территориального устройства и др. В проектах предлагалось пересмотреть современную сеть административно-территориального деления (упростить ее), сократить число регионов, предоставить органам местного самоуправления больше полномочий (расширение спектра возможностей принятия решений) и финансовую независимость, а также интегрировать местное население в управление территориями, на которых оно проживает.

12. Так называемой *оранжевой революции* — серии мирных протестов и митингов в Киеве и других городах Украины, вызванных несогласием с результатами второго тура выборов президента Украины и поддержкой кандидата в президенты от оппозиционных сил В.А. Ющенко.

Базовыми принципами данных проектов являлись децентрализация власти, субсидиарность и создание самодостаточных финансово-устойчивых территориальных сообществ, способных привести к устойчивому развитию территорий и уменьшению центр-периферийного разрыва Украины.

До 2015 года попытки реформирования системы организации власти и административно-территориального переустройства не предпринимались, хотя некоторые проекты предлагались чиновниками высшего ранга. В Конституции были заложены основы местного самоуправления, принята нормативно-правовая база, но процесс создания жизненного пространства для участия населения в органах публичной власти не был запущен (Кравців, 2011: 130-144). Наличие множества нереализованных проектов позволяет надеяться, что в Украине наработана достаточная научно-теоретическая база, необходимая для проведения муниципального реформирования (Литвин, 2015).

Государственное реформирование 2014–2015 годов

Началом фундаментальных изменений в Украине можно считать серию протестных акций в Киеве и других городах. Политический кризис разразился после отказа от парафирования соглашения об ассоциации с Европейским союзом и уклонения от евроинтеграционного вектора развития страны. В ноябре 2013 года он перерос в постоянную протестную кампанию, сопровождающуюся захватом административных зданий и сносом памятников Ленину и другим деятелям Советского государства.

В результате протестов В.Ф. Янукович покинул страну, 25 мая 2014 года новым Президентом Украины был избран П.А. Порошенко. Одним из его предвыборных обещаний было проведение системных реформ отраслей экономики и власти, что Порошенко и начал реализовывать после вступления в должность (Передвиборна, 2014). Но несмотря на реформистский настрой президента, реформирование социально-экономического устройства и институтов власти происходит медленно и блокируется политическими и бизнес-лоббистами, поэтому многие стратегические решения остались не реализованными даже на законодательном уровне.

Муниципальная реформа 2015 года

Старт муниципальной реформы в Украине был дан после утверждения правительством 1 апреля 2014 года Концепции реформирования местного самоуправления и организации власти в Украине, предложенной президентом П.А. Порошенко. В ее основу были заложены положения Европейской хартии местного самоуправления,

которая была ратифицирована Верховной Радой еще 15 июля 1997 года (Європейська, 1997). Реализация положений документа началась с 2015 года и предполагала последовательное решение следующих задач:

- определить территориальную основу организации местного самоуправления и исполнительной власти;
- разграничить полномочия между органами местного самоуправления разных уровней;
- разграничить полномочия между местным самоуправлением и исполнительной властью;
- определить по каждому уровню органов власти необходимый объем ресурсов; установить ответственность органов местного самоуправления перед избирателем и государством.

Целью муниципальной реформы является передача значительных властных полномочий от органов исполнительной власти на уровень местного самоуправления. В рамках этого планируется создание новых территориальных образований — объединенных территориальных громад, которым будет предоставлена обширная финансовая и административная независимость.

Кроме Концепции были приняты вспомогательные нормативно-правовые акты, описывающие механизмы объединения и функционирования новых территориальных образований: Закон Украины «О добровольном объединении территориальных громад» № 157-VIII от 05.02.2015, Закон Украины «О сотрудничестве территориальных громад» № 1508-VII от 17.06.2014¹³, «Методика формирования способных территориальных громад», утвержденная Постановлением Правительства, № 214-2015-п от 02.09.2017, а также изменения в некоторые действующие законодательные акты (Концепція, 2015).

Этапы реформы

В Концепции, поддержанной Верховной Радой Украины, предполагалось реформирование местного самоуправления в несколько этапов. На первом *подготовительном* этапе (2014 г.) должна быть принята нормативно-правовая база (в том числе поправки в Конституцию Украины), которая заложит основы и пропишет механизмы формирования новой организации местного самоуправления, прямого народовластия и пересмотра административно-территориального устройства.

13. Закон предполагает следующие механизмы сотрудничества (общения) между новыми территориальными образованиями: делегирование выполнения отдельных задач; реализация совместных проектов; совместное финансирование (содержание) коммунальных предприятий, учреждений и организаций; создания совместных коммунальных предприятий, учреждений и организаций; создание совместных органов управления.

На втором этапе (2015–2017 гг.) предполагалось унифицировать и стандартизировать публичные услуги, которые предоставляются населению местными органами публичной власти, провести институциональные изменения местного самоуправления, организовать выборы в «способные» объединенные территориальные громады и обеспечить новые образования схемами планирования.

На третьем *завершающем* этапе (2018–2020 гг.) планировалось пересмотреть вертикальную структуру организации местного самоуправления, решить проблему конфликта компетенций между наложением старых и новых органов власти и завершить изменения законодательства в области децентрализации власти и передачи полномочий органам местного самоуправления.

После полной реализации реформы территория Украины должна сохранить настоящую региональную структуру. Будет оптимизирован микро- и мезоуровень административно-территориального устройства: вместо 10 районов в регионе будут образованы около 4–6 уездов, а сельские и городские администрации заменены администрациями объединенных громад. Впервые появится институт власти на микроуровне — на уровне отдельных населенных пунктов, насчитывающих более 50 жителей. Жители таких населенных пунктов делегируют свои полномочия власти институту старост.

Что касается административных функций внутри громады, то их будут выполнять *рада* (совет) и исполнительный комитет (исполком) объединенной территориальной громады. В состав *рады* будут входить старосты, местные активисты и депутаты, количество которых определяется индивидуально. Для координации своих действий рада формирует исполком, который является командой главы громады и работает на постоянной основе, а не сессионно. В отличие от старого исполкома сельского/городского совета, исполком громады распоряжается налоговыми поступлениями, часть которых остается на местном уровне. В этом их принципиальное различие, поскольку дореформенные органы местной власти страдали от недофинансирования со стороны государственного бюджета из-за жесткой централизации финансовых потоков.

Образование объединенных территориальных громад

В дореформенное время в законодательстве уже имелось такое понятие, как *громада*, но оно определялось как *неадминистративное* объединение граждан, живущих на одной территории (в одном населенном пункте). Анализируя законодательство, Ю.Н. Кириченко наделяет громады как институт следующими чертами: общая территория, население как сообщество граждан, проживающих на одной территории, общие интересы в сфере

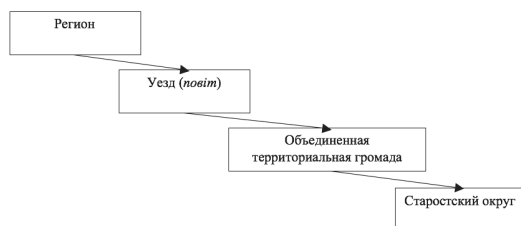

Рис. 1. Структура местной власти в результате реформы местного самоуправления в Украине

решения местных проблем, взаимодействие при реализации общих интересов, коммунальная собственность, местное налогообложение, самоорганизованность громады как института местной власти, системный характер функционирования громады (Кириченко, 2012: 451-456). В результате муниципальной реформы все эти черты были законодательно закреплены и положены в основу нового административно-территориального устройства государства.

Элементарной частицей нового территориального устройства в Украине была определена объединенная территориальная громада¹⁴, которая объединяет сообщества граждан, живущих в одном или нескольких населенных пунктах. Формирование «способных» территориальных громад должно происходить путем добровольного объединения граждан, которое подтверждается законодательно на уровне региональных властей и центрального правительства путем утверждения перспективных планов объединения.

Важным условием самодостаточности (способности) должна стать доступность основных публичных услуг, которые предоставляются на территории громады («время прибытия для оказания скорой медицинской помощи в экстренных случаях и пожарной помощи не должно превышать 30 минут»).

В процессе образования территориальных громад происходит формирование новых органов власти: рада и исполнительный комитет. В *раду* входят депутаты, избранные местным населением, а в исполнительный комитет — глава территориальной громады, старосты и другие должностные лица. Численный состав исполнительного комитета определяется индивидуально и может строиться по административно-бюрократическому или смешанному принципу (с привлечением местных активистов). Например, в исполком Балтской городской громады Одесской области входят 54 члена, а рада имеет всего 34 депутата, в исполкоме Радомышльской городской громады Житомирской области 18 чиновников, а рада включает 26 депутатов.

14. *Громада* в переводе с украинского языка — община.

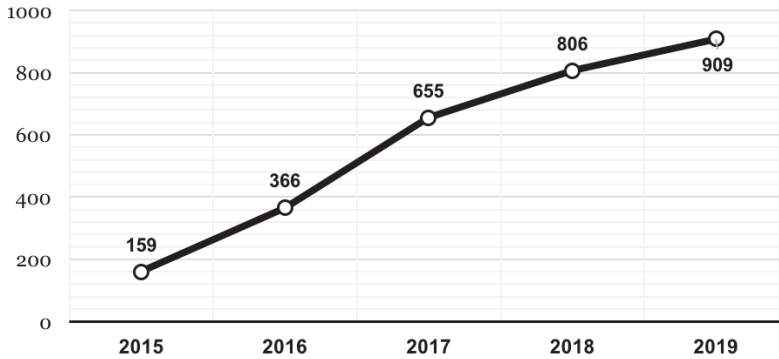

Рис. 2. **Количество объединенных территориальных громад в Украине**
Источник: составлено автором по данным протала «Децентралізація» (Портал, 2019)

После принятия соответствующей нормативно-правовой базы с 2015 года началось добровольное формирование объединенных территориальных громад, оно происходило по территории Украины неравномерно. Отдельные регионы отличаются стремительным образованием территориальных громад (Запорожская, Черниговская области), а некоторые не спешат утверждать перспективные планы потенциальных образований (Закарпатская область).

Согласно методике и принципам формирования новых административных единиц, громады могут создаваться как из одного старого муниципалитета, так и из нескольких. На период действия реформы среднее количество старых муниципалитетов, вошедшее в новую громаду, составило 4,6. Советская модель управления и территориального деления показала свое несоответствие реальному положению дел в сельских и городских сообществах, поскольку происходило упрощение сети административно-территориального деления путем ее укрупнения (Дрогомирецька, 2018: 66-73).

Кроме сельских территорий объединение громад происходит и в городах областного значения. Так, на 10 июня 2019 года 27 городов областного значения образовали территориальные громады, в которые вошли 64 муниципалитета. Еще более 50 городов включены в перспективные планы объединения в регионах, утвержденных кабинетом министров Украины.

После образования ОТГ по решению Центральной избирательной комиссии Украины в новом образовании назначаются выборы депутатов и глав территориальных громад. На первом этапе реформы выборы были проведены в октябре 2015 года в 159 громадах. Кроме выборов депутатов и глав каждый населенный пункт (старостский округ) имеет возможность выбрать старосту, который будет отвечать за решение локальных проблем села. Однако институт старост только формируется.

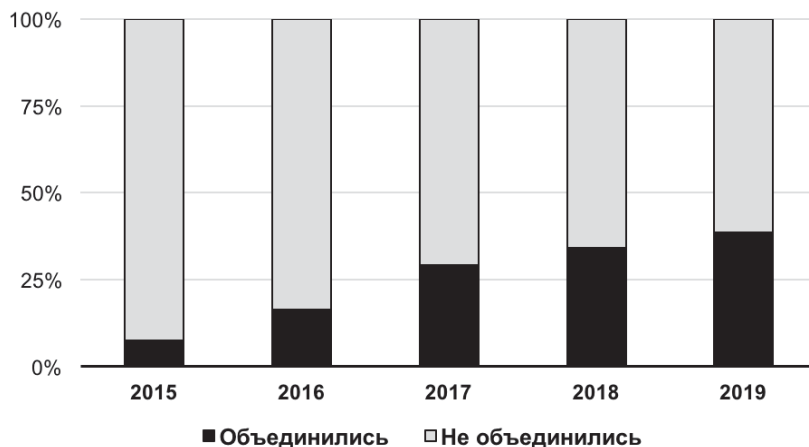

Рис. 3. Доля территориальных громад, которые объединились, в их общей численности в Украине

Источник: составлено автором по данным minregion.gov.ua (Министерство, 2019)

Процесс объединения продолжается на добровольной основе, поэтому происходит неравномерно — какие-то районы не создали ни одной территориальной громады, а кто-то объединил 100% своей территории. На 10 мая 2019 года среди отстающих регионов лидирует Закарпатская, Одесская и Донецкая области, а, напротив, — самыми успешными в процессе децентрализации стали Черниговская, Запорожская, Волынская и Житомирская области.

Проблемы с формированием местного самоуправления нового типа наблюдаются в регионах со смешанным национальным составом (приграничные регионы и районы, тяготеющие к особым районам Донецкой и Луганской областей). Подобная тенденция не укладывается в логику политической повестки лидеров национальных партий (русской, румынской, венгерской), поскольку они в период кризиса 2014 года настаивали на жесткой децентрализации власти в Украине, отказе от унитарной модели управления регионами и распределением средств.

Динамика образования новых громад постепенно замедляется. Если в 2016 году число ОТГ увеличилось в 2 раза по отношению к 2015 году, то разница между 2018 и 2017 годами составила 1,2 раза. Таким образом, если тенденция сохранится, то процесс реформирования громад может затянуться еще на пять и более лет.

Первые результаты реформы и выводы

За более чем четыре года реформы удалось образовать около 900 объединенных территориальных громад, во многих уже прошли выборы старост, местных советов и глав громад. Реформа, проводимая

Рис. 4. **Площадь покрытия районов объединенными территориальными громадами (на 01.06.2019)**

Источник: портал «Децентралізація» (Портал, 2019)

в условиях политической и социально-экономической нестабильности, имеет ряд преимуществ и недостатков, на которые нужно обратить внимание.

К положительным результатам муниципальной реформы можно отнести:

- *институциональные перемены* (развитие прямого народного участия через добровольное образование объединенных территориальных громад, создание института местных лидеров — старост, которые способны решать локальные проблемы без обращения к вышестоящим инстанциям и пр.);
- *финансовые успехи* (снижение издержек за счет ликвидации дублирующих компетенции чиновников, повышение уровня доходности местных органов власти, стимулирование развития территорий путем передачи части налогов и субвенций на местный уровень);
- *правовые изменения* (создание нормативно-правовой базы, регулирующей процессы муниципальной реформы, функционирования новых образований и их взаимоотношений, внесение поправок в Конституцию и акты, которые приближены к реальному положению дел);
- *бюрократические изменения* (передача ряда полномочий местным органам власти, унификация и стандартизация административных услуг, предоставляемых населению).

Уже на первых этапах реформы заметны существенные недоработки, которые тормозят осуществление преобразований

в области формирования новой структуры власти. Главным оказывается уязвимость и несовершенство существующей нормативно-правовой базы. Это и медленное принятие поправок в действующее законодательство (в том числе в Конституцию), и неурегулированность административных компетенций и процедур взаимодействия между старыми (государственными администрациями) и новыми (громадами) органами власти на местах, а также нерешенные проблемы оптимальной структуры органов местного самоуправления, функционирования избирательной системы и др.

Важным остается процедура *распределения финансовой помощи* между громадами и местными советами, которые продолжают существовать: не решены вопросы их взаимоотношений в финансовой сфере, не разработаны механизмы оптимального распределения субвенций между громадами согласно их размерам (численности населения, площади), выделение финансовой помощи новообразованным громадам для их встраивания в новое территориальное устройство, которое сопряжено с дополнительными тратами в образовательной, медицинской, транспортной и других сферах.

Для организации эффективного местного самоуправления и развития института местной инициативы государственным органам необходимо продумать возможности подготовки квалифицированных кадров для новых территориальных органов власти. Также необходимо ввести в действие институт ротации власти на местах, чтобы исключить возможность появления несменяемых «авторитарных режимов» на отдельно взятых территориях.

На постсоветском пространстве местное самоуправление рассматривается как институт публичной власти и формируется государственной властью сверху, и в этом заключен парадокс. В Украине же наоборот — предпринята попытка формирования местной инициативы путем добровольной организации органов местного самоуправления. Говорить об успешности или провале этой попытки пока рано, поскольку реформирование вертикали власти и нормативно-правовой базы относительно прямого народовластия продолжается.

Библиография

- Бухвальд Е.М. (2013). Муниципальная реформа в России: мифы и реальность // Общество: политика, экономика, право. № 1. С. 60–69.
- Ватаманюк-Зеленська У.З., Фіковська М.Ю. (2018). Європейський досвід реформ місцевого самоврядування // Бізнес Інформ. № 3 (482). С. 85–89.
- Вегеш М. (2004). Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород: Карпати.
- Верменич Я.В., Андросчук О.В. (2014). Зміни адміністративно-територіального устрою України ХХ–ХХІ ст. / Відп. ред. Г.В. Боряк. НАН України. Інститут історії України. Київ: Інститут історії України.

- Грушевський М.С. (2007). Хто такі українці і чого вони хочуть // Михайло Грушевський. Твори у 50 т. Львів: Видавництво «Світ». Т. 4. Кн. 1. С. 159–160.
- Державний реєстр виборців — офіційний веб-сайт (2019). URL: <https://is.gd/JFr1Gq> (дата доступу: 11.04.2019).
- Дрогомирецька Л.Ф. (2018). Сталий розвиток сільських територіальних громад: теоретичні аспекти // Збалансоване природокористування. № 3. С. 66–73.
- Європейська хартія місцевого самоврядування (1997). URL: https://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_036 (дата доступу: 09.04.2019).
- Заблоцький В.В. (2013). Порівняльний аналіз проектів і концепцій реформування територіальної організації влади та системи місцевого самоврядування в Україні // Публічне управління: теорія та практика. № 2 (14). С. 185–196.
- Кириченко Ю.Н. (2012). Територіальна громада як базовий елемент системи місцевого самоврядування України: теоретичне визначення // Форум права. № 4. С. 451–456.
- Конституція України (1996). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> (дата доступу: 09.04.2019).
- Концепція реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні (2015). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/333-2014-р> (дата доступу: 01.04.2019).
- Концепція реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні (2011) / Адміністрація Президента України В.Ф. Януковича // Політком. URL: <http://politcom.org.ua/?p=2946>.
- Концепція реформування публічної адміністрації в Україні (2005) / Центр політико-правових реформ; Фонд «Євразія». Київ, 2005. — 44 с.
- Копотева И.В. (2017). Территориальные подходы к изучению реформы местного самоуправления в России // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С. 31–52.
- Кравців В.С., Жук П.В. (2011). Адміністративно-територіальний устрій та місцеве самоврядування в Україні: питання реформування // Бюлетень Західного наукового центру. 2011 / НАН України та МОНМС України. Західний науковий центр. Львів: ПАІС. С. 130-144.
- Литвин В.М. (2015). Административно-территориальное устройство Украины: ретроспективное видение и перспективы реформирования // Голос України. № 97 (6101).
- Міністерство регіонального розвитку, будівництва та житлово-комунального господарства України — офіційний веб-сайт (2019). URL: <http://www.minregion.gov.ua/> (дата доступу: 11.04.2019).
- Національна стратегія децентралізації та реформи місцевого самоврядування в Україні на 2010–2013 роки (2010). Страсбург.
- Петровський В.В., Радченко Л.О., Семененко В.І. (2007). Історія України: Неупереджений погляд: Факти. Міфи. Коментарі. Харків: Вид. Дім «Школа».
- Полное Собрание Законов Российской Империи (1914). Собрание третье. СПб. Т. XXXI. Отделение I. 170-175 с. № 34903.
- Портал ініціативи «Децентралізація». (2019). URL: <https://decentralization.gov.ua/> (дата доступу: 01.03.2019).
- Передвиборна програма кандидата на пост Президента України Порошенка Петра Олексійовича (2014) // Центральна виборча комісія. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2014/wp001.html> (дата доступу: 11.04.2019).
- Реформа публічної адміністрації в Україні: Проекти концепції та законів (2006). Київ: Контус-Ю.
- Реформування територіального устрою та місцевого самоврядування в Україні: проекти нормативно-правових актів (2009) / Інститут громадянського суспільства. Київ.
- Шпорюк Н.Л. (2011). Адміністративно-територіальна реформа в Польщі: досвід для України // Державне управління та місцеве самоврядування. № 2 (9).

Municipal reform of 2015 in Ukraine: Implementation and first results

СОБРЕМЕННОСТЬ

Timur Yu. Gusakov, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru.

Local self-government is a structuring element of the institutional environment; thus, its functioning determines the development of territories. The trend of municipal reforming appeared in the countries of Western Europe as early as the mid-1970s due to the general federalization and the empowerment of local authorities. Later similar reforms began in the post-Soviet countries. In 2015, Ukraine adopted the Conception of reforming local self-government and territorial organization of power. According to this Conception, the hierarchy of state power was to be optimized and a new administrative-territorial structure reflecting the contemporary system of social and economic relations in the regions of Ukraine was to be formed. The article considers the evolution of the administrative-territorial and municipal structure of the Ukrainian regions, analyzes the international experience of the reform, and identifies the essence of the municipal reform of 2015 highlighting its strengths and weaknesses.

Keywords: local self-government, local authorities, municipal reform, state administration, system of management, community, institutional environment

References

- Bukhvald E.M. (2013). Munitsipalnaya reforma v Rossii: mify y realnost [Municipal reform in Russia: Myths and reality]. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*, no 1, pp. 60-69 (In Russ.).
- Vatamanyuk-Zelenska U.Z., Fikovska M.Yu. (2018) Evropeysky dosvid reform mistseвого samovyryaduvannya [The European experience of local self-government reform]. *Biznes In-form*, no 3, pp. 85-89 (In Ukrainian).
- Vegesh M. (2004) *Karpatska Ukraina. Dokumenty i fakty* [Carpathian Ukraine. Documents and Facts], Uzhhorod: Karpaty (In Ukrainian).
- Vermenich Ya.V., Androshchuk O.V. (2014) *Zminy administrativno-teritorialnogo ustroyu Ukrainy XX–XXI st.* [Changes in the Administrative-Territorial Structure of Ukraine in the 20-21st Centuries]. Ed. by G.V. Boryak, Kiev: Instytut istorii Ukrainy (In Ukrainian).
- Grushevsky M.S. (2007) Khto taki ukraintsi i chogo vony khochut [Who are the Ukrainians and what do they want?]. *Mykhalo Grushevsky. Tvory u 50 t*, Lvov: Vidavnistvo "Svit", vol 4, book 1, pp. 159-160 (In Ukrainian).
- Derzhavny reestr vybortsiv — ofitsiyny veb-sayt (2019) [State Register of Voters — official website]. URL: <https://is.gd/JFp1Gq> (In Ukrainian).
- Drogomiretska L.F. (2018) Staly rozvitok silskikh teritorialnykh gromad: teoretychni aspekty [Sustainable development of rural territorial communities: Theoretical aspects]. *Zbalansovane Prirodokoristuvannya*, no 3, pp. 66-73 (In Ukrainian).
- Evropeyska khartiya mistseвого samovyryaduvannya (1997) [European Charter of Local Self-Government]. URL: https://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_036 (In Ukrainian).
- Zablotsky V.V. (2013) Porivnyalny analiz proektiv i kontseptsiy reformuvannya teritorialnoy organizatsii vldy ta systemy mistseвого samovyryaduvannya v Ukraini [Comparative analysis of projects and conceptions of reforming the territorial organization of power and local self-government in Ukraine]. *Publichne Upravlinnya: Teoriya ta Praktyka*, no 2, pp. 185-196 (In Ukrainian).
- Kirichenko Yu.N. (2012) Teritorialna gromada yak bazovy element systemy mistseвого samovyryaduvannya Ukrainy: teoretychne viznachennya [Territorial community as the basic

- element of the system of local self-government in Ukraine: A theoretical definition]. *Forum Prava*, no 4, pp. 451-456.
- Konstitutsiya Ukrainy* (1996) [Constitution of Ukraine]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-vr> (in Ukrainian).
- Kontseptsiya reformuvannya mistseвого samovryaduvannya ta teritorialnoy organizatsii vlady v Ukraini* (2015) [Conception of Reforming Local Self-Government and Territorial Organization of Power in Ukraine]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/333-2014-r> (In Ukrainian).
- Kontseptsiya reformuvannya mistseвого samovryaduvannya ta teritorialnoy organizatsii vlady v Ukraini* (2011) [Conception of Reforming Local Self-Government and Territorial Organization of Power in Ukraine]. URL: <http://politcom.org.ua/?p=2946> (In Ukrainian).
- Kontseptsiya reformuvannya publichnoy administratsii v Ukraini* (2005) [Conception of Reforming Public Administration in Ukraine], Kiev: Tsentр polityko-pravovykh reform; Fond "Evraziya" (In Ukrainian).
- Kopoteva I.V. (2017) Territorialnye podkhody k izucheniyu reformy mestnogo samoupravleniya v Rossii [Territorial approaches to the study of the local self-government reform in Russia]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 4, pp. 31-52 (In Russ.).
- Kravtsiv V.S., Zhuk P.V. (2011) Administrativno-teritorialny ustriy ta mistseve samovryaduvannya v Ukraini: pytannya reformuvannya [Administrative-territorial system and local self-government in Ukraine: Reform issues]. *Byuletен Zakhidnogo Naukovogo Tsentru*, Lvov: PAIS, pp. 130-144 (In Ukrainian).
- Litvin V.M. (2015) Administrativno-teritorialnoe ustroystvo Ukrainy: retrospektivnoe videnie y perspektivy reformirovaniya [Administrative-territorial system of Ukraine: A retrospective analysis and prospects for the reform]. *Golos Ukrainy*, no 97 (In Russ.).
- Ministerstvo regionalnogo rozvitku, budivnitstva ta zhytlovo-komunalnogo gospodarstva Ukrainy — ofitsiyniy veb-sayt* (2019) [Ministry of Regional Development, Construction and Housing, and Communal Services of Ukraine — official website]. URL: <http://www.minregion.gov.ua> (In Ukrainian).
- Natsionalna strategiya detsentralizatsii ta reformy mistseвого samovryaduvannya v Ukraini na 2010–2013 roky* (2010) [National Strategy for Decentralization and Local Self-Government Reform in Ukraine for 2010-2013]. Strasbourg (In Ukrainian).
- Petrovsky V.V., Radchenko L.O., Semenenko V.I. (2007) *Istoriya Ukrainy: Neuperedzheny poglyad: Fakty. Mify. Komentari* [History of Ukraine: An Unbiased View: Facts. Myths. Comments], Kharkov: Vyd. Dim "Shkola" (In Ukrainian).
- Polnoe Sobranie Zakonov Rossiskoy Imperii* (1914) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie tretie. Saint Petersburg, vol XXXI, section 1, pp. 170-175, no 34903 (In Russ.).
- Portal initsiatyvy "Detsentralizatsiya" [Portal of the initiative "Decentralization"] (2019). URL: <https://decentralization.gov.ua> (In Ukrainian).
- Peredviborna programa kandydata na post Prezidenta Ukrainy Poroshenka Petra Oleksiyovycha [Pre-election program of the candidate for the post of the President of Ukraine Poroshenko Petro Alekseevich] (2014). URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2014/wp001.html> (In Ukrainian).
- Reforma publichnoy administratsii v Ukraini: Proekty kontseptsii ta zakoniv* [Public Administration Reform in Ukraine: Projects of the Conception and Laws] (2006), Kiev: Konus-Yu (In Ukrainian).
- Reformuvannya teritorialnogo ustroyu ta mistseвого samovryaduvannya v Ukraini: proekty normativno-pravovykh aktiv* [Reform of the Territorial System and Local Self-Government in Ukraine: Draft Legal Acts] (2009), Kiev: Institut gromadyanskogo suspilstva (In Ukrainian).
- Shportyuk N.L. (2011) Administrativno-teritorialna reforma v Polschi: dosvid dlya Ukrainy [Administrative-territorial reform in Poland: Experience for Ukraine]. *Derzhavne Upravlinnya ta Mistseve Samovryaduvannya*, no 2 (In Ukrainian).

«Культура — это фактор производительности труда»

С.В. Киселев, А.М. Никулин

Сергей Викторович Киселев, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой агроэкономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119992, Москва, Ленинские горы, Новый корпус, экономический факультет, к. 422. E-mail: servikis@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Сергей Викторович Киселев, заведующий кафедрой агроэкономики МГУ им. М.В. Ломоносова, в интервью для журнала «Крестьяноведение», отталкиваясь от фактов собственной биографии, осуществляет обширное обозрение эволюции ряда важнейших направлений российской и зарубежной аграрной экономической науки и политики конца XX — начала XXI века. Особое внимание в интервью уделяется событиям в аграрной и экономической политике времен советской перестройки, создании Аграрного института, которым руководил академик А.А. Никонов, направлениям взаимодействия государственного регулирования сельского хозяйства с возникающими институтами и отношениями рыночной экономики.

Отдельная тема интервью — процесс длительного вступления России в ВТО, связанный с переговорами по различным направлениями экономики, и в особенности в области сельского хозяйства, которыми непосредственно занимался С.В. Киселев. В интервью разносторонне охарактеризован опыт изучения зарубежной аграрной экономики, в особенности США, сформировавшийся на основе личных встреч С.В. Киселева с фермерами, учеными и деловыми людьми Америки.

Характеризуя современный этап развития российского сельского хозяйства, С.В. Киселев подчеркивает, что сейчас в своем аграрном состоянии Россия достигла некоторого плато экономических показателей, для дальнейшего повышения которых необходим существенный рост производительности сельскохозяйственного труда, в свою очередь зависящий не только от успехов национальной экономики в целом, но также от повышения качества сельскохозяйственной науки и образования, для успешного совершенствования которых важнейшим фактором является культура в самом обширном и глубоком значении этого слова.

Ключевые слова: аграрная экономика, аграрная политика, сельскохозяйственное образование, перестройка, ВТО, фермерство, производительность труда, культура

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-160-176

А.М. НИКУЛИН: Сергей Викторович, расскажите о Вашем жизненном пути, начиная с детства и юности

С.В. КИСЕЛЕВ: Я родился в 1954 году в славном городе Ленинграде, который ныне называется Санкт-Петербургом. В трехме-

сичном возрасте был перевезен из Ленинграда в город Баку — отца направили служить в Бакинский округ ПВО. Там я сначала учился в одной школе, 28-й, 4 класса отучился. Потом родители получили другую квартиру, переехали, отучился в другой школе, с 5-го класса по 10-й. Закончил 151-ю школу Насиминского района города Баку. Мне повезло, так как это была очень хорошая школа. Где-то в 10-м классе обсуждалось мое будущее, на семейном совете было решено, что мне надо заниматься экономикой. Я подал документы на поступление на экономический факультет МГУ им. Ломоносова, сдал экзамены. Но по недоразумению я не сразу был зачислен на экономический факультет: в 1971 году было несколько зачислений, меня в первоначальных списках не оказалось, я решил, что не поступил, и забрал свои документы, возвратился в Баку и начал работать там учеником токаря на бакинском опытно-экспериментальном заводе Минэлектротехпрома СССР. Потом отец написал письмо в «Вестник высшей школы», описал ситуацию, которая со мной произошла. Без всяких жалоб, просто описал ситуацию, что сын набрал столько-то баллов, а не поступил.

А.М. НИКУЛИН: И в чем оказалось дело?

С.В. КИСЕЛЕВ: Там было так: для поступления нужно было набрать 15 баллов, то есть три экзамена, и все на пятерки. Но был так называемый полупроходной результат — 14 баллов.

А.М. НИКУЛИН: Вы хорошо учились?

С.В. КИСЕЛЕВ: Конечно, хорошо. Но в школе я не получил никаких медалей, потому что проявлял «бунтарские качества»: постоянно спорил с руководством школы, с классным руководителем. Так что почетные грамоты не получил даже за предметы, которые отлично знал. А на вступительных набрал всего 14 баллов и потому забрал документы. Письмо отца в «Вестник высшей школы» переслали в Министерство высшего и среднего специального образования СССР, дальше — в МГУ им. Ломоносова. И где-то уже в конце октября я пришел с работы (отпустили пораньше, поскольку была так называемая «черная суббота»), и в почтовом ящике обнаружил письмо из МГУ о том, что я зачислен на первый курс экономического факультета. Для меня это было событие, которое запомнил на всю жизнь. В этот же день были взяты билеты на самолет, на следующий день прилетели в Москву, и я начал учиться. При этом мне, когда я появился вместе с отцом, предложили: «Пожалуйста, вы можете заниматься всем чем угодно. В какую группу вы хотите поступать? Хотите учиться на «зарубежке», то есть по мировой экономике?». Тогда было две группы: одна занималась социалистическими странами, а другая — капиталистическими. Я сказал, что хочу изучать политэкономию, и оказался в 5-й, политэкономической группе.

Если же перейти к теме сельского хозяйства, замечу, что мои предки по материнской линии были огородниками в городе Коломне.

А.М. НИКУЛИН: Это известный сельскохозяйственный район, знаменитые приокские территории с их овощной специализацией.

С.В. КИСЕЛЕВ: Да-да, приокские территории. Мои предки выращивали овощи, торговали ими. Но если говорить о том, почему я занялся изучением сельского хозяйства, то огромная роль в этом принадлежит Алексею Михайловичу Емельянову, заведующему кафедрой, которая тогда называлась «экономики сельского хозяйства». Он читал лекции у нас на втором курсе. Они слушались с огромным интересом, вызывали отклик у аудитории. Он касался не только теории, но и практики, рассказывал нам о том, как долго колхозники не имели паспортов и были фактически людьми второго сорта, как развивалось сельское хозяйство на примере Смоленской области, откуда сам был родом. Поэтому на третьем курсе я сделал выбор в пользу экономики сельского хозяйства. Сначала была курсовая, потом по вопросам ренты я защитил у Емельянова диплом. Сразу же поступил в аспирантуру, где выбрал модную тогда тему — выравнивание условий хозяйствования колхозов и совхозов.

А.М. НИКУЛИН: Это какое время?

С.В. КИСЕЛЕВ: Я поступил в аспирантуру в 1976 году на этой же кафедре экономики сельского хозяйства, к концу 1979-го диссертация была готова, 2 апреля 1980 года состоялась ее защита. Меня оставили работать на кафедре в качестве ассистента. Правда, очень долго оформляли: официально я был зачислен 15 декабря 1979 года, а приказ на меня вышел только в мае 1980 года. Так что где-то полгода я работал без зарплаты. Жена еще говорила: «Чего ты ходишь на работу, ты не получаешь зарплату». Потом это мне компенсировали, и в мае я получил очень большие по тем временам деньги, сразу рублей 500, раздал долги.

А.М. НИКУЛИН: «Выравнивание условий хозяйствования» — мне кажется, бессмысленная в наше время тема, а тогда действительно актуально было.

С.В. КИСЕЛЕВ: Я бы так сказал, что в скрытом виде она имеет право на существование и сейчас. Допустим, поднимается вопрос развития неких отсталых или депрессивных территорий, а это ведь тоже своего рода выравнивание. Или встает вопрос о том, что успехи российского сельского хозяйства последних лет связаны только с 25–30% хозяйств, а остальные перебиваются с прибыли на убытки, а часто просто убыточные. Так что эта ситуация вечная, я бы сказал.

А.М. НИКУЛИН: Да, это классическая проблема социально-экономической дифференциации.

С.В. КИСЕЛЕВ: Просто в плановой советской системе ставился этот вопрос одним образом, а сейчас по-другому. И в моей диссертации я писал о том, что можно выровнять условия. Мои выводы касались того, что отстающие регионы обладают значительным потенциалом; я сделал расчеты, как это все можно сделать. Однако позже я понял, что есть одно серьезное препятствие для того, что-

бы этот потенциал полностью использовался: это люди. Дело в том, что в отстающих регионах, как правило, всегда очень тяжелая ситуация с занятостью и с квалификацией рабочей силы.

А.М. НИКУЛИН: Это то, что называется качеством социального капитала.

С.В. КИСЕЛЕВ: Совершенно верно, все зависит от людей. В позднесоветский период это процессы депопуляции, отрицательного отбора, например, отток в Москву населения из нечерноземных регионов.

Итак, через короткое время я был назначен заместителем заведующего кафедрой по учебной работе, на мне висели распределение учебной нагрузки, планы учебной работы и другие дела, связанные с рутинной кафедральной жизни. Проработал я на экономическом факультете до июня 1983 года. Поскольку у меня не было московской прописки, только подмосковная, я по рекомендациям своих коллег перешел на работу во Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. Ленина, ВАСХНИЛ. Официальная должность — ученый секретарь. Начало 80-х годов — создан Совет по продовольственной программе ВАСХНИЛ, где я стал ученым секретарем и одновременно помощником первого вице-президента ВАСХНИЛ Александра Александровича Никонова.

А.М. НИКУЛИН: А он как раз в 1980-е становится президентом Академии.

С.В. КИСЕЛЕВ: Верно. В 1983-м он стал первым вице-президентом, а в начале июня 1986 года на общем собрании Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, которое проходило в Колонном зале Дома Союзов, был избран президентом. В дальнейшем вместо Совета по продовольственной программе возник Совет по приоритетным проблемам развития агропромышленного комплекса, который затем был преобразован в госсовет. В них я не только занимался оргработой, но и научными аспектами регулирования сельского хозяйства. Во-первых, это вопросы коллективного подряда (есть несколько статей, опубликованных в этот период). Во-вторых, мы занимались земельными вопросами. И, наконец, именно тогда, в 1980-е годы, Александр Александрович Никонов проявил инициативу по восстановлению имен наших великих ученых-аграрников, в том числе и Чайнова. Он привлек к этой работе Теодора Шанина.

А.М. НИКУЛИН: Да, Теодор об этом часто рассказывает. На него огромное впечатление произвело то, как тепло встретили его лекцию о Чайнове.

С.В. КИСЕЛЕВ: Я думаю, что, если бы Никонов тогда не оказал ему поддержку, все его достижения здесь, в России, были бы проблематичны.

А.М. НИКУЛИН: Конечно. Он очень признателен Никонову. Он ценит и его личный вклад в науку, и его финальную работу «Спираль многовековой драмы».

*С.В. Киселев,
А.М. Никулин*
«Культура — это
фактор производи-
тельности труда»

С.В. КИСЕЛЕВ: Я вместе с Александром Васильевичем Петриковым, Евгенией Викторовной Серовой, которые тогда тоже были учеными секретарями, стал изучать работы А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева и других великих ученых организационно-производственной школы. Мне удалось тогда поработать в Центральном государственном архиве народного хозяйства: было очень интересно читать тезисы выступлений Кондратьева по аграрным вопросам, ведь все его знают в основном по циклам больших волн (у меня вышла статья в журнале «Экономические науки», где я даю обзор одной из таких работ Кондратьева). Тогда же в журнале «Вестник сельскохозяйственных наук» появилась статья о Чайнове и организационно-производственной школе. В тот период времени мы очень интенсивно работали по проблематике сельхозналога, перехода от продналога к денежному налогу, сельскохозяйственному, и со всем связанным с госрегулированием.

И в-третьих, в начале 1980-х годов мы изучали опыт создания агропромышленных объединений. Это было целое движение: помимо хорошо известных, как, например, «Кубань», агропромышленные объединения возникали в Эстонии, Грузии, в других регионах Российской Федерации. Один из пионеров этого — Егор Семенович Строев, руководитель области, умный, мудрый и инициативный. К сожалению, он очень короткое время смог поработать в качестве секретаря ЦК КПСС, ответственного за сельское хозяйство. Сразу между ним и нашим институтом установились очень тесные взаимоотношения. Несколько раз мы ездили в Глазуновский район Орловской области, оказывали содействие при создании там районного агропромышленного объединения. Специфика Глазуновского района заключается в том, что, в отличие от других РАПО, это был относительно бедный район. Первые РАПО — в Вильянде (Эстония) или агропромышленный комбинат «Кубань» — это уже модифицированная форма, там районы развитые. Позже агропромышленные объединения стали создаваться в Воронежской области в Аннинском районе, также одном из самых развитых в аграрном отношении. А Глазуновский район — не самый богатый, а потому он послужил хорошим примером. Так, агропромышленное объединение Новомосковское создавал Василий Александрович Стародубцев. Об этом написаны книги, люди докторские диссертации защищали. Многие результаты и достижения науки воплотились в этих агропромышленных формированиях, в том числе таких ученых как И.Г. Ущачев, Письменная Д.Н., Б.И. Пошкус. Так я начал работать над докторской диссертацией. Первоначальная тема звучала как «Хозяйственный механизм агропромышленного комплекса», но была уже вторая половина 1980-х годов, фактически произошел слом прежней плановой системы, — так мне пришлось перейти к теме «Государственного регулирования сельского хозяйства в условиях переходной экономики». Я защитился в начале

лета 1994 года. Это была одна из первых работ по государственному регулированию в начале 1990-х годов (была позже опубликована на монографии).

Одновременно мы писали статьи о хозяйственных механизмах личных подсобных хозяйств, проводили опросы сельскохозяйственных районных руководителей, руководителей хозяйственных предприятий, о критерии оценки руководителей по их инновационному потенциалу (совместно с А.В. Петриковым опубликовали, на мой взгляд, очень интересную статью — «Инновационный потенциал руководителей предприятий АПК в области совершенствования механизма хозяйствования», которая переведена на английский язык). На основе анализа мы сделали определенные выводы о возможности развития хозмеханизма на низшем уровне (поскольку важны не только решения партии и правительства, но и то, как они реализуются на низовом уровне).

В 1990 году был создан Аграрный институт, который возглавил Александр Александрович Никонов, и я стал его заместителем. Надо сказать, что решением о создании этого института я занимался еще как помощник президента ВАСХНИЛ. Официально моя должность звучала как ученый секретарь, но фактически я был помощником сначала первого вице-президента, а потом и президента ВАСХНИЛ и заместителя председателя Госагропрома. Я готовил письма о поддержке в Минсельхоз (тогда он назывался Госагропром). Решение принимал зампред Госагропрома в ранге министра Вячеслав Иванович Черноиванов. Он был доктор наук, сейчас — академик, директор ГОСНИТИ. Вместе с ним мы потом одновременно работали заместителями министра. Я был замом по вопросам аграрной политики, а он — по вопросам развития сельскохозяйственного машиностроения, технологического развития сельского хозяйства. Так вот, он позже рассказывал, как принимал решение: увидел, что директором будет Никонов, и понял, что, безусловно, надо поддержать.

С самого начала предполагалось, что институт будет маленьким (тогда еще существовали научно-исследовательские институты с 500 работниками, например, ВНИИТУСХ) и в нем будут не отделы, а направления и группы, что позволяет более гибко трансформироваться под актуальные темы. В декабре приказ на меня был подписан, и я стал заместителем Александра Александровича Никонова. Вторым заместителем директора была Эльмира Николаева Крылатых. И вот началась работа. Это было очень тяжелое экономическое время, зарплату тут же съедала высокая инфляция, а у меня росла дочка, которую надо было обеспечивать фруктами.

А.М. НИКУЛИН: Это несмотря на то, что вы были не на рядовой позиции, а в статусе заместителя директора?

С.В. КИСЕЛЕВ: Ситуация была очень напряженная, и не только у меня, у всех. Я помню, как один раз Александр Василевич

*С.В. Киселев,
А.М. Никулин*
«Культура — это
фактор производи-
тельности труда»

Петриков на заседании дирекции сказал, что ему не хватает денег на двоих детей. Честно говоря, я даже подумывал уехать в другую страну.

А.М. НИКУЛИ: Была такая возможность?

С.В. КИСЕЛЕВ: Тогда было активное сотрудничество с западными странами, многие мои знакомые уехали в Соединенные Штаты Америки.

А.М. НИКУЛИН: Тогда предоставлялось много стипендий на обучение за рубежом.

С.В. КИСЕЛЕВ: Да, и потом народ за рубежом и оставался. Я знаю выпускника географического факультета, занимавшегося аграрной тематикой. Он уехал в США, защитил там PhD и затем ушел в бизнес, но долго еще подрабатывал в различных российско-американских проектах, связанных с агропромышленным комплексом и продовольствием. В 1994–1995 годах я приехал на стажировку в Iowa State University: был там visiting scholar, получил грант IREX (International research & exchanges board) на девять месяцев. Очень полезная была поездка. Кроме того, мы активно сотрудничали с германскими и с американскими учреждениями. Например, научный центр, располагавшийся в штате Вашингтон, активно проводил обследования о том, как шли реформы в России. Мы содействовали поездке американского коллеги Простермана по Советскому Союзу еще до 1991 года, а потом мы втроем: я, Евгения Викторовна Серова и Людмила Николаевна Крылатых — поехали в Соединенные Штаты Америки на месяц в научную командировку. До этого, в 1990 году, тоже была очень интересная поездка, когда я, Василий Якимович Узун и Сергей Анатольевич Никольский целый месяц изучали аграрную реформу в Китае, в провинции Аньхой.

А.М. НИКУЛИН: А какие направления научных исследований у вас были в то время?

С.В. КИСЕЛЕВ: Мы участвовали в разработке Земельного кодекса России. Коллеги считают, что это был первый рыночный проект. На самом деле перед Земельным кодексом, который был опубликован где-то осенью 1990 года, вышли Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле.

Тут такая история. Уже в 1990 году в законодательство пытались тем или иным способом вписать частную земельную собственность. Было очень сложно и политически, и юридически. Мы не были юристами, на этапе, пока наш вариант не был принят за основу, юристы нам не помогали, наоборот, у нас с ними были постоянные стычки. В первом варианте мы придумали формулировку «индивидуально-трудовая собственность на землю», чтобы вроде как трудовая, но не частная, частная не проходила вообще, а это, конечно, с юридической точки зрения неправильно. Мы понимали это, но надо было каким-то образом застолбить саму идею. Потом уже прошел такой компромиссный вариант,

предложенный Владимиром Александровичем Тихоновым: «пожизненно наследуемое владение». Такая формулировка юридически нигде в чистом виде не существует, но она была принята. Наш проект обсуждался на Комитете по аграрным вопросам, который возглавлял Аркадий Филимонович Вепрев, известный аграрник, председатель совхоза-миллионера в Красноярском крае. Альтернативный проект был подготовлен сотрудниками Минсельхоза СССР, одним из его авторов был Е.И. Гайдамака, в это время возглавлявший управление по вопросам землепользования. Наш проект депутаты громили в хвост и в гриву. А мы с Евгенией Викторовной Серовой сидим в конце длинного зала и в шутку рассуждаем, вот бы Юрий Черниченко поддержал этот второй неререформистский проект. А надо сказать, что депутаты очень не любили Черниченко, относились к нему критически вплоть до ненависти. И тут неожиданно слово берет Черниченко и начинает выступать против нашего проекта. Сразу же после его слов пошли выступления в нашу пользу, и в конце концов именно он был взят за основу для дальнейшей доработки. Вот была какая удивительная история при обсуждении основ земельного законодательства Союза ССР. Черниченко во время застоя долгие годы вел телепередачу «Сельский час», писал очерки, в которых даже поддерживал укрупнение деревень и развитие агропрома, во время перестройки он вдруг стал беззаветным сторонником крестьянской мелкой собственности и яростным критиком колхозов. Когда в 1990-е годы Черниченко стал заявлять, что он фермер в Нижегородской области, я про себя подумал, как он может быть фермером, если он сидит в Москве и ничего не делает на земле. Фермер — это тот, кто сам работает в поле. А если ты участок земли заимел, ты еще не фермер, ты предприниматель, который нанимает кого-то, кто и работает на тебя. Я сам своими руками на своем участке в Новой Москве выращиваю овощи и ягоды, обеспечиваю себя на зиму свеклой, морковью, чесноком, но я же себя фермером не называю. Моя жена родом из Тамбовской области, разбирается в огородничестве, вот мы с ней вместе и занимаемся садом и огородом.

Но вернемся в начало 1990-х годов. Мы месяц ездили по США, побывали в Айове, Висконсине, Небраске, в Вашингтоне посетили птицефабрику, в Вирджинии знакомились, как работают мелкие фермеры, встречались с заместителем министра сельского хозяйства США. Да, это было тяжелое время, но тогда наладилось плодотворное сотрудничество института с разными международными организациями, появились какие-то договоры, контракты, так что жизнь немножко облегчилась.

Сейчас реализуется государственная программа, а тогда в одном из первых проектов документов по реформированию сельского хозяйства, опираясь на опыт Соединенных Штатов Америки и других стран, мы писали о том, что должно быть длительное планирование, по крайней мере, индикативное, должны определяться

стратегические направления. Но в реальности это смогли осуществить только в рамках госпрограммы развития сельского хозяйства, которая появилась лишь в начале XXI века. Мы же уже в начале 1990-х писали в документах и говорили в выступлениях, что сельское хозяйство требует длительного горизонта планирования, что сельхозпроизводители и фермеры должны иметь долгосрочную перспективу, понимать, какие отрасли считаются важными с точки зрения государства, каким отраслям будет оказываться поддержка, иначе им сложно будет вкладывать средства и развивать агробизнес.

Итак, осенью 1990 года появился Земельный кодекс Российской Федерации, но уже шло политическое противостояние между союзными органами и республиканскими органами. Когда в конце 91-го года Советский Союз распался, то вся работа уже велась по российским законам.

В 1994 году начался активный процесс присоединения России к ВТО. Он шел в несколько этапов, но активная работа фактически пришлось на начало 1995 года. Летом 1995-го ко мне обратились с предложением заместитель министра сельского хозяйства Иван Григорьевич Ушачев и заместитель Министра внешних экономических связей и торговли Георгий Валерьевич Габуня с просьбой заняться вопросами подготовки позиции Российской Федерации по сельскому хозяйству. Предполагалась очень большая работа.

А.М. НИКУЛИН: Это так рано началось? Основной «шум» по вступлению России в ВТО пришелся уже на 2000-е годы.

С.В. КИСЕЛЕВ: Да, а первая рабочая встреча состоялась в 1994 году. Заявка о вступлении Советского Союза в ВТО подавалась еще во времена Горбачева. Когда распался Советский Союз, сразу же была подана заявка от Российской Федерации, она тогда получила статус наблюдателя ВТО. С 1995 года начался активный процесс присоединения России к ВТО: был подготовлен Меморандум о торговом режиме Российской Федерации (самый первый документ, который рассматривался). И тогда же в переговорах по ВТО начала фигурировать сельскохозяйственная тематика. 16 декабря 2011 года Россия была принята в ВТО, потом обсуждение этого вопроса в Государственной Думе. Летом 2012 года Государственная Дума ратифицировала все соглашения, после чего было послано уведомление во Всемирную торговую организацию, что ратификационные процедуры завершены. 22 августа 2012 года Российская Федерация формально стала членом ВТО. Так что я один из немногих, кто прошел весь путь сельскохозяйственных переговоров с августа 1995 по декабрь 2011 года.

В 1995 году готовить материалы по поддержке сельского хозяйства Российской Федерации, а уже в 1996 году — участвовать в переговорах по ВТО. Одновременно работа шла по нескольким направлениям. Надо было подготовить тарифные предложения по уровню таможенных пошлин на сельскохозяйственную продук-

цию, в начале 1997 года мы официально представили свою позицию. Следующее направление: услуги, связанные с сельским хозяйством, в частности оптовая, розничная торговля продовольствием, аренда сельскохозяйственных земель. Дальше вопросы, связанные с лизингом сельскохозяйственной техники, а также сфера услуг, ветеринарные услуги, консалтинговые услуги в сельском хозяйстве, охота и все прочее. Это все многочисленные разделы, связанные именно с сельским хозяйством.

В апреле 1997 года я стал замминистра сельского хозяйства и продовольствия. Первый раз мне предложили этот пост еще в декабре 1991 года, но я отказался от этого предложения. Тогдашний министр сельского хозяйства Виктор Николаевич Хлыстун спросил меня «Может, боишься?» Я говорю: «Да нет, я не боюсь. Мне докторскую надо сделать».

А потом уже, когда он второй раз стал министром, он вновь мне предложил стать его замом. Очень хорошо помню, как распространялась информация. 11 апреля 1997 года я был в Женеве на переговорах, и уже наши партнеры по переговорам были в курсе моего назначения, потому что в нашем министерстве тогда сидел советник по ВТО из США. Был и еще один неприятный момент. Где-то, наверное, в 1997 году мы подготовили конфиденциальный материал, а когда пришли на переговоры в Женеве, я смотрю, те таблицы, которые должны были мы представить, уже лежали у американцев. И я тогда сказал коллегам из Министерства экономики: «Ребята, это непорядок, не должны они иметь эту информацию до того, как мы им это предоставим». К концу 1995 года я сделал расчеты, а в начале весны 1996 года шли уже первые переговоры в Женеве. Могу сказать, это очень тяжелая работа. Первое время коллеги в министерстве завидовали, что я постоянно езжу в Женеву, но я отвечал: «Ребята, если бы вы знали, как это тяжело — вести переговоры». На переговорах преимущество имеет тот, кто владеет большей информацией, и надо было добывать эту информацию. И благодаря тому, что мне удавалось найти эту информацию и использовать ее в переговорах, это несколько раз помогало отстаивать нашу позицию. Россия сейчас имеет право на использование тарифных квот, но это было согласовано во многом потому, что мы не отказались от права использования тарифных квот в ходе переговоров. Мы использовали аргумент, что Латвия, которая присоединилась именно в конце 1990-х, получила право на тарифные квоты. Первая такая тарифная квота была введена по сахару.

Или переговоры по конкретным деталям расчетов объемов внутренней поддержки сельского хозяйства, в какую категорию отнести те или иные виды поддержки. Для этого пришлось изучить большое количество протоколов заседаний комитета по сельскому хозяйству начиная с середины 1990-х годов, чтобы найти аналогичные примеры, выяснять, когда принимались аналогичные программы. Так вот вся эта работа и шла до 2011 года. 16 декабря 2012

года был организован специальный рейс «Аэрофлота», все участники переговоров ездили на процедуру принятия Российской Федерации в члены ВТО. С 1995 по 2011 год сменилось много народа — этим процессом руководили и Чубайс, и Кудрин, и Шувалов на последнем этапе, сменилось несколько министров экономики. Проблемы обсуждались и на специальной комиссии в Российском союзе промышленников и предпринимателей, которую возглавлял тогда Мордашов. Я регулярно встречался с ними в рамках подкомиссии по АПК. Правда, не все понимали важности для бизнеса, часто не приходили на заседания, тогда нам самим приходилось принимать решения исходя из своего понимания возможностей компромиссов.

А.М. НИКУЛИН: Получается, что переговоры по ВТО велись полтора десятилетия, менялись люди, курировавшие этот процесс. Если в целом оценить эту эпопею, по Вашему мнению, вступление в ВТО оказалось во благо или во вред для российской экономики и, в частности, для ее сельского хозяйства?

С.В. КИСЕЛЕВ: Хороший вопрос. Расскажу одну историю. Сразу после вступления в ВТО я вместе с будущим кандидатом в президенты Российской Федерации Павлом Грудининым был приглашен на телеканал РБК, где как раз обсуждали этот вопрос. Грудинин был против вступления, я доказывал, что в ВТО ничего страшного нет. Но многие считали, в результате этого участия в России произойдет катастрофа. Завершается наша дискуссия, и я в заключение говорю оппонентам: «Через год нас еще соберите, вот тогда и поговорим». И теперь я могу со всей ответственностью сказать: я вместе со своим коллегой Романом Анатольевичем Ромашкиным использовал весь чтобы научно обосновать условия вступления и оценить возможные последствия для сельского хозяйства России от присоединения к ВТО в рамках различных сценариев. Мы с ним ездили в Purdue University в штате Индиане (США), где разрабатывалась математическая многострановая и многопродуктовая модель общего равновесия, в которую были внесены данные по России. Кроме того, в нашем распоряжении была модель так называемого частичного равновесия, которая оценивает исключительно сельскохозяйственный рынок по 11 продуктам. На всех этих моделях мы и проигрывали различные сценарии присоединения России к ВТО. Наиболее реалистичный сценарий, который мы исследовали, показывает, что Россия от вступления в ВТО получает примерно 0,5% прироста ВВП.

А.М. НИКУЛИН: Но есть мнение, что, может быть, для российского промышленника Мордашова это и выгодно, а вот выгодно ли присоединение к ВТО для российского аграрного производителя?

С.В. КИСЕЛЕВ: Есть расчеты и по сельскому хозяйству. Сценарии, которые мы просчитывали, возможные условия нашего вступления, не публиковались, потому что это было строго конфиденциально на момент переговоров, но я думаю, что пора бы уже

опубликовать, чтобы все было ясно. Расчеты показывали, что в результате вступления России в ВТО растет импорт сельхозпродукции, но одновременно растет и экспорт. И самое главное, что импорт если и растет, то незначительно.

А.М. НИКУЛИН: Сейчас, конечно, ситуация с ВТО в связи с политическими конфликтами изменилась.

С.В. КИСЕЛЕВ: Нет, есть очевидные цифры и их сравнительный анализ, которые показывают — ситуация январь-август 2013-го (до санкций) и январь-август 2014-го по импорту существенно не изменилась. Единственные товары, чей импорт вырос, это молоко и сливочное масло. Но этот рост импортной продукции происходил не только за счет стран дальнего зарубежья, но и ближнего, где никаких изменений таможенных пошлин не произошло. Как был в рамках СНГ свободный рынок, так и остается. Это означает, что на рост импорта масла и молока влияли другие факторы, а не вступление в ВТО.

Что касается поддержки сельского хозяйства: мы обеспечили такие условия, когда при рассчитанной по методологии ВТО поддержка всего 50 миллионов долларов, а у нас разрешенный объем поддержки 4,4 миллиарда долларов. Иными словами, ни с точки зрения доступа на рынок, ни с точки зрения внутренней поддержки никакого вреда сельскому хозяйству вступление в ВТО не принесло.

А.М. НИКУЛИН: До сих пор мы обсуждали с Вами общие процессы: государственное регулирование, вступление в ВТО, но ведь в Ваших исследованиях и поездках были взаимодействия с конкретными людьми. Могли бы Вы привести примеры, как все эти процессы сказываются на жизни обычного человека?

С.В. КИСЕЛЕВ: Я жил в семье одного американца, который одновременно был фермером и вице-президентом маленького сельского банка в городе под названием Москатин, на берегу реки Миссисипи, недалеко от родины Марка Твена. Я ездил с ним в его банковский офис, где ему надо было подписывать документы, одобрять какие-то кредиты, займы. Пару раз мы с ним ездили осматривать имущество, предназначенное в залог. Как-то раз мы сели в карты играть, я показал ему, как играть в русскую карточную игру «дурака». И я спросил его: «А ты мог бы жить без своего сельского хозяйства?» Он ответил: «Мог бы». «Тебе доходов бы хватало?» — «Да, я думаю, что да». — «А почему ты продолжаешь заниматься фермерством?» — «Потому что я люблю это дело». Тогда я с другой стороны подъехал: «А ты мог бы уйти из банка? Тебе бы хватило денег заниматься только сельским хозяйством?» — «Да... я в молодости был руководителем ассоциации молодых животноводов штата Айова». А я продолжаю: «А мог ты одним сельским хозяйством заниматься и уйти из банка? Раз ты такой специалист известный». Он говорит: «Можно было бы лишь сельским хозяйством заниматься, но уровень жизни у меня бы понизился». У него есть

*С.В. Киселев,
А.М. Никулин*
«Культура — это
фактор производи-
тельности труда»

друг, сосед, которому он сдает в аренду часть своей земли и с которым мы тоже играли в карты. Однажды в Лас-Вегасе он выиграл 25 тысяч долларов. Я ему говорю: «Ты выиграл 25 тысяч долларов, но, небось, за все время проиграл намного больше, чем 25 тысяч долларов?» Он говорит: «Конечно, больше». Я говорю: «А за чем ты это делаешь?» «Я получаю удовольствие от игры, а за удовольствие надо платить».

Как-то я был в Калифорнии в гостях у фермера-миллионера, который занимается виноделием. Вот еду по дороге к нему и вижу: одна разрушенная ферма, другая, спрашиваю у моего коллеги: «Что это такое?» «Обанкротились, бросили хозяйство». «А кто взял их хозяйства?» — «А вот он и взял, эти земли теперь у него». Трудно быть американским фермером. Если вы приедете в Германию, то и там фермеры начинают вам жаловаться на нелегкую жизнь.

А.М. НИКУЛИН: Мой знакомый французский предприниматель как-то сказал: «И у нас французские фермеры недовольны. Это нормально. Все сельские жители, все фермеры всего мира жалуются». Кажется, это такой общемировой культурный феномен.

С.В. КИСЕЛЕВ: Я такое же могу сказать и про ученых. Мы сидели в Лейпциге, в Германии, и пили пиво. И при нас двое ученых мужей стали жаловаться на плохую жизнь. 1996 год. Я так слушал, слушал. «Знаете, мужики, — говорю, — давайте проведем научный эксперимент. Я приеду к вам на год поработать за вашу заработную плату, а вы в Россию за мою заработную плату». Они так сразу замолчали, а потом: «Да, у нас плохо, но на другом уровне». Я и про фермеров тоже могу сказать: и у нас, и у них жалуются сельхозпроизводители, но уровни-то в различных странах разные. Конечно, наши бюджеты сельского развития несопоставимы с США и ЕС. У нас ниже затраты и на здравоохранение, и на образование, так что ситуация для российских фермеров непростая. Я жил в американской фермерской семье — у них просто выше в среднем уровень жизни и более развитая социальная инфраструктура. Но, например, качество питьевой воды у этого фермера было очень плохое. У его отца — онкология, у тестя тоже. Я ему говорю: «Том, у вас очень плохая вода, ее пить нельзя». И пока я там жил, воду покупал. Так что не надо думать, что где-то все идеально. И главное — есть общие для любой сельской местности проблемы, это исход населения в города, и в особенности в мегаполисы.

Вторая общая проблема — банкротство сельхозпредприятий.

А.М. НИКУЛИН: Можете привести конкретные примеры?

С.В. КИСЕЛЕВ: Я ездил в Америку изучать систему банкротства, где в начале-середине 1980-х годов был их всплеск. Это произошло из-за введения эмбарго на продажу зерна в Советский Союз в связи с конфликтом в Афганистане. Это было политическое решение, но никто не принял в расчет интересы американских фермеров, которые продавали до 30 млн тонн зерна в СССР и под это

взяли в залог земли технику, расширили свои площади, закупили семена, удобрения и прочее.

Я побывал в одной семье обанкротившихся таким образом фермеров. Мне было любопытно, как фермер реагирует на это банкротство. Так вот, и ему и его жене было очень больно это вспоминать. Он не возвратил долги соседям, и они ему это до сих пор припоминают. Ему-то, когда обанкротили, долги списали, а он соседям не смог отдать. Он неплохой механик, сам свой комбайн обслуживал, но после банкротства стал работать в колледже, за заработную плату, преподавал то, что знал, — как ремонтировать технику. После банкротства он стал получать нормальные доходы, сделал себе пристройку к дому, купил домашний кинотеатр. Но соседи напоминают: «Ты тут пристройку сооружаешь, а помнишь, что нам долги так и не отдал?»

А.М. НИКУЛИН: Хочу спросить Вас еще о перспективах сельского развития России.

С.В. КИСЕЛЕВ: Мне кажется, что аграрный сектор на сегодняшний день достиг определенного, как я говорю, плато. Если посмотреть индексы развития производства, то мы только-только достигли уровня 1990–1991 года, то есть за четверть века мы только восстановили то, что было.

А.М. НИКУЛИН: Можно добавить при этом, что за это же время в России в 2,5 раза выросла производительность труда в сельском хозяйстве.

С.В. КИСЕЛЕВ: По производительности труда такая ситуация. Я сейчас вам могу достать книгу «Народное хозяйство СССР», и там есть сравнение производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Знаете, какая разница была в советское время?

А.М. НИКУЛИН: Где-то в 4,5 раза отставал СССР от США по производительности труда в сельском хозяйстве.

С.В. КИСЕЛЕВ: В официальных источниках уровень производительности труда составлял 20–25%, то есть от 4 до 5 раз.

А.М. НИКУЛИН: Масштабы отставания также зависели от конкретных аграрных отраслей, где-то выше, где-то ниже.

С.В. КИСЕЛЕВ: Я делал собственные расчеты уже по 2000-м годам. Знаете, какая разница между Россией и США? 5-6 раз и более — увеличился разрыв в сельскохозяйственной производительности с 4-5 до 10 раз. В урожайные годы разрыв уменьшается. Во время одной дискуссии в Высшей школе экономики, когда Ясин Евгений Григорьевич говорил о достижениях в результате аграрной реформы. А потом я выступил: «Евгений Григорьевич, Вы правильно говорите, мы перешли от планового к рыночному. Это громадный сдвиг, но для чего это все делается? Ведь в конечном счете все определяется производительностью труда, а мы не только не приблизились по производительности труда к уровню Соединенных Штатов, а отделились». В этом проблема!

А.М. НИКУЛИН: Тема интереснейшая.

*С.В. Киселев,
А.М. Никулин*
«Культура — это
фактор производи-
тельности труда»

С.В. КИСЕЛЕВ: По производительности труда расчеты у меня сейчас делает одна студентка. Я надеюсь, она продолжит это исследование, и тогда мы получим хорошую аналитику. Производительность не только труда, но и так называемый *total factor of productivity*, совокупная производительность факторов производства, — все это возрастает в России. Но проблема в том, что во всем мире такой рост тоже происходит в сельском хозяйстве. И вопрос — мы в этом соревновании догоняем, отстаем или топчемся на месте? Расчеты, сделанные некоторыми коллегами из Соединенных Штатов Америки и Европейского союза, демонстрируют некоторую динамику, но сравнивать с нами у нас пока нет возможности. То же самое касается и всей российской экономики по показателю ВВП. Мы догоняем мир? Нет, мы отстаем. Почему? Потому что в начале 1990-х у нас был серьезный кризис. А сейчас мы достигли какого-то стабильного плато. По сравнению с советским периодом мы резко вырвались вперед в растениеводстве, а в животноводстве мы уровня 1991 года не добились еще, где-то сейчас 80% с небольшим имеем от показателей 1991 года. Конечно, очень большой скачок по птице, здесь мы значительно превысили советские уровни. Свиноводство тем временем приблизилось к ста процентам. Но почти все остальное в сельском хозяйстве у нас в минусе до сих пор. И это касается и многих других отраслей нашей экономики, если в целом смотреть. Вроде бы в Германии прирост ВВП 2% и в России 2%. Но какой уровень у Германии и какой уровень у нас в целом. А для экономики США 2% роста — это как 5% для России. А если у нас такой маленький рост ВВП, то что это означает? В целом средств для развития страны меньше. Чем больше рост, тем больше средств. Чем больше рост, тем больше средств для борьбы с бедностью, для сельского развития и так далее. Конечно, надо прежде всего обеспечивать рост, но это должен быть разумный рост, я бы так сказал.

Еще очень важный фактор — уровень культуры. Уровень бытовой культуры у нас остается в среднем ниже, чем в других странах, я хочу это подчеркнуть. И уровень производственной культуры в России в среднем ниже в сравнении с западными странами. А тут быстро все не решается, это не только деньгами решается, это и воспитание, и менталитет. Надо, чтобы наши люди ездили, смотрели, как другие живут, чтобы люди стремились делать так, как делают те, кто лучше живет.

По этому поводу хочу одну историю рассказать из советских времен, когда в конце 1980-х было движение создания агропромышленных комбинатов и агропромышленных ферм. В 1990 году, будучи замдиректора Аграрного института, я поехал на научно-практическую конференцию в Латвию. Я хорошо запомнил дискуссию о хозяйственном механизме. Встает главный экономист и говорит: «Скажите, какой нужен хозяйственный механизм, чтобы в колхозе-миллионере у неплохого здания правления убрали лужу, боль-

шую-большую лужу, которая возникает после дождей? Какой хозяйственный механизм нужен для этого?» И я так думаю: «Какая молодец, как она в корень смотрит. Культура». Это культура, это не хозяйственный механизм.

Вот, помню, мой двоюродный брат в 1980-е годы приобрел цветной телевизор с французской трубкой. Одновременно на Московском электроламповом заводе поставили линию по производству цветных трубок, и я ему говорю: «Юра, какая разница: французская трубка, советская трубка? Это же одна технология». «Ничего ты не понимаешь! Культура другая!» — сказал он мне. Почему есть «белая сборка», «красная сборка», «желтая сборка»? Одно и то же собирают, но по-разному. Это культура, тут все быстро не делается. Прежде всего я считаю, что одно из важных направлений культуры — поддержка образования, тренинга. Это важно. Система тренинга, восстановление тех направлений обучения, которые были раньше в советское время, то, что мы не ценили.

А.М. НИКУЛИН: Это и система среднего специального образования.

С.В. КИСЕЛЕВ: Да, это то, что давным-давно, в виде extension service есть в США. Система распространения знаний. Нужно именно распространение знаний, и тогда это будет постепенно-постепенно, среди детей, юношей, взрослых распространяться. Вот что надо делать. И на это обращать серьезное внимание, считать, что это одно из важных направлений — образование. Не только семена, сорта, породы, техника. Это все тоже нужно, но если человек не знает, что раз в год надо менять масло, или не хочет раз в год менять масло в тракторе («А, ничего, трактор и так поработает»), то трактор сломается, и все. Это вопрос культуры и как элемента сельского развития. Культуру же указом президента не поднимешь. Невозможно.

А.М. НИКУЛИН: Значит, не только производительность труда в конечном счете важна, но также и культура?

С.В. КИСЕЛЕВ: Культура — это фактор производительности труда.

*С.В. Киселев,
А.М. Никулин*
«Культура — это
фактор производи-
тельности труда»

“Culture is a factor of labor productivity”

Sergei V. Kiselev, DSc (Economics), Professor, Head of the Department of Agroecconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 119992, Moscow, Leninsky Gory, New Building, Faculty of Economics, Room 422. E-mail: servikis@gmail.com

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

In his interview to the *Russian Peasant Studies*, Sergei Kiselev, the Head of the Department of Agricultural Economics of the Lomonosov Moscow State University, refers to the facts of his biography to provide an extensive overview of the evolution of some

important approaches in the Russian and foreign agrarian economic science and politics in the late 20th — early 21st centuries. The interview focuses on the agrarian and economic policy of the *perestroika*, the creation of the Agrarian Institute headed by the Academician A.A. Nikonov, the interaction of the state regulation of agriculture with emerging market-economy institutions and relations. One of the topics of the interview is the long-term accession of Russia to the WTO as connected with negotiations on various areas of the economy and especially on agriculture, in which Kiselev took part. The interview also describes the studies of foreign agrarian economies, especially of the USA, which were conducted by meetings of Kiselev with American farmers, scientists and businessmen. When describing the current development of the Russian agriculture Kiselev stresses that Russia has reached a plateau of economic indicators, and to increase them the country needs a substantial increase in agricultural labor productivity, which depends not only on the successes of the national economy as a whole, but also on the quality of agricultural science and education, and the most important factor of their successful improvement is culture in the most extensive and deep meaning of the word.

Keywords: agrarian economy, agrarian policy, agricultural education, *perestroika*, WTO, farming, labor productivity, culture

Невольная воля

Люкшин Д.И. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. — 214 с. ISBN: 9785000199947

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-177-186

Я с неизменным интересом читаю то, что выходит из-под пера Дмитрия Ивановича Люкшина, и прислушиваюсь к его устным выступлениям на конференциях по истории родной страны. И не только потому, что привлекаемые им новые факты и данные из архивных и иных источников все более прочно вписывают его научное творчество в теоретические рамки концепций моральной экономики крестьянства и крестьянской революции в России 1902–1922 годов. Импонирует то, как он использует слово русского языка в качестве острого аналитического инструмента, оперирование которым просто обязывает к концептуальному синтезу именованного такого рода. Приведу простой пример. Когда имел место явный госзаказ на либерализацию общего взгляда на российскую историю XX века, и слишком многие коллеги при описании Столыпинской реформы скоренько перешли от жестких марксистско-ленинских оценок к розово-идиллическим, В.В. Кондрашин и И.Н. Слепнёв пытались противостоять этому терминем «стольпиниана»¹. А Люкшин запечатлел эту славную историографическую загогулину хлестким словцом «стольпинофилия»².

Свой основной вклад в аграрную историографию он обозначает словосочетанием «общинная революция», первые представления о которой он вместе со своим руководителем и наставником В.М. Бухараевым прописал еще в публикациях 1993 и 1998 годов

1. *Кондрашин В.В., Слепнёв И.Н.* (1998). К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. № 3. С. 207.

2. *Люкшин Д.И.* (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М. С. 34.

(с. 6, 40, 120). Он сетует на то, что историки-аграрники в большинстве своем как-то не очень торопятся присоединиться к такому взгляду на смысл российских революционных событий 1917–1918 годов (с. 8). Я усматриваю тут известное диалектическое противоречие. С одной стороны, это верно: концепция крестьянской революции 1902–1922 годов воспринимается коллегами, мягко говоря, не безоговорочно. Выступая как-то на теоретическом семинаре, Кондрашин говорил о том, как мало мы знаем о работах друг друга и сколь незначительную потребность иной раз в этом испытываем. Он резюмировал: «Почему-то все забыли о результатах грандиозного проекта Данилова–Шанина о крестьянской революции в России»³. Я и сам столкнулся с этим в сентябре 2018 года на симпозиуме историков-аграрников, когда, сделав доклад о методологическом потенциале крестьяноведения⁴, вынужден был и на самом заседании, и в кулуарах отвечать на вопросы, зачем нам все это нужно.

С другой стороны, в тексте рецензируемой монографии почти нет ссылок на результаты упомянутого грандиозного проекта. Если и кивает автор на какие-то из тех работ, то безотносительно проекта в целом, следовательно, никак не соотнося свои результаты с теми, что были достигнуты втянутыми в него исследователями. Хотя справедливости ради отмечу, что та замечательная фактура, что приводится в книге, и основанные на ней суждения и умозаключения автора прекрасным образом вписываются в концепцию крестьянской революции, подкрепляя ее в целом и разрабатывая детально некоторые важные ее аспекты. Данилов еще в 1992 году писал об «аграрных беспорядках», предшествовавших революционному взрыву 1905 года, как о начинавшейся в России крестьянской революции, «на фоне (и основе) которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г. ...Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. — до 1922 г. включительно. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам... Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной развертки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни»⁵.

3. Марченя П.П., Разин С.Ю. (2013). Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола — третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М. С. 434–435.
4. Бабашкин В.В. (2018). Крестьяноведение как теоретико-методологический подход в области аграрной истории // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. М.: Брянск. С. 162–174.
5. Данилов В.П. (1992). Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М. С. 314, 319.

Понятно и похвально стремление автора не размазывать предмет своего особого интереса — «общинную революцию» — по столь широкой исторической палитре. Похвально, поскольку дает возможность сосредоточиться на тонкостях, что он и делает вполне успешно. Но то, как это все вписывается в более широкий исторический контекст, тоже имеет значение.

По-моему мнению, употребление этого словосочетания сегодня приобретает особую важность в связи с тем обстоятельством, что часть исторического сообщества, склонная к написанию учебников к столетию событий, пришедшихся в отечественной истории на 1917 год, таки выработала формулировку: «Великая российская революция 1917 года». И учебная версия логики, в какой разворачивались главные исторические события этого года, разительно отличается от «общинной революции» Люкшина. Причем это касается всех трех линеек, которые воплотили идею единого школьного учебника истории. Уже за одно это автору «Коммунаров поневоле» низкий поклон. Его книга ставит во главу угла осмысление событийных рядов именно 1917 года уже в силу того, что, по авторскому определению, следует считать общинной революцией. «Размахивая “картонным мечом”, — пишет он, — Временное правительство само запустило механизм общинной революции, которая и стала действительной причиной краха русской армии и банкротства государственности. Запоздалые попытки государственных и общественных структур восстановить контроль над торжествующей деревней вызвали лишь раздражение и саботаж. Совпав по времени, массовое дезертирство, отлынивание отпускников и кризис администрации обернулись черным переделом, руководство которым приняли на себя вернувшиеся домой “хозяева”. Эта смена трендов, произошедшая между началом и осенью 1917 года и получившая в историографии название “общинной революции”, и опознается коллегами... в качестве “сначала резкого разрыва внутренних социальных контактов”, а потом “вновь” восстановления их “в очень жесткой структуре”» (с. 89).

Далее исследователь поясняет, почему данный термин представляется ему более удачным, нежели предложенное М.Л. Левиным еще в 1991 году в отношении деревни того времени слово «архаизация»⁶, которое многим коллегам-единомышленникам кажется вполне адекватным для описания сельской реальности в 1917/18 году. А мне вспоминается, как в одном из своих устных выступлений Левин сказал, что логику событий крестьянской революции в России можно представить как многолетние упорные попытки деревни уйти в полную автономию от города и жесткие до жестокости действия со стороны последнего, не позволяющие ей это сделать. С такой точки зрения монография Люкшина об общинной револю-

6. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / Под ред. В.В. Бабашкина. М. С. 270, 287–288.

ции — подробный и взволнованно-сочувственный рассказ автора о времени столетней давности, когда эта «крестьянская утопия» почти воплотилась в жизнь. Вот он напоминает читателю, насколько легко Временное правительство по ряду причин, включая доктринальные, освободилось от корпуса жандармов, департамента полиции, институтов полицейского сыска, и пишет далее: «Утратив “око государево”, правительство как бы враз ослепло, лишившись не только контроля над деревней, но и просто возможности получать и анализировать информацию о жизни большинства населения страны» (с. 121). «В результате за стремительно вестернизирующимся фасадом Петербургской квазигосударственности разворачивались спонтанные и децентрализованные процессы социального генезиса, в ходе которых либеральные интенции, переплавляясь в тигле общинных традиций, обретали форму действительно инновационных социальных институтов будущей страны “Крестьянской утопии”, по определению А.В. Чаянова» (с. 164).

В последней фразе слово «будущей» — лишнее, ибо распространив упомянутую идею Левина о сельско-городском противостоянии в крестьянской революции на время окончания Гражданской войны, а тем более — начала нэпа, мы вынуждены будем констатировать переход города в наступление и осуществление, так сказать, «общинной контрреволюции». На всякую утопию найдется своя антиутопия. По убеждению Данилова, полная победа крестьянской революции в России, ознаменованная принятием в декабре 1922 года Земельного кодекса РСФСР, который законодательно оформил общинные принципы крестьянского землевладения, стала залогом ее полного поражения⁷. Последнее ученый связывал с коллективизацией. Кажется, Люкшин обнаруживает аналогичный взгляд на это глобальное событие в истории СССР, утверждая, что ряд имманентных социально-политических качеств «не позволили российскому крестьянству сбежать от государства в страну крестьянской утопии, конкиста которой была спланирована и проведена новыми правителями России, роль которых приняли на себя большевики...» (с. 211). Я на сей счет придерживаюсь особого мнения⁸, излагать которое здесь было бы не вполне уместно. Зато лишний раз озвучу здесь мысль, в которой я в последнее время все больше утверждаюсь: у каждого крестьяноведа свое крестьяноведение.

Сегодняшнее крестьяноведение Люкшина, судя по книге, это пристальное внимание к общинным институтам крестьян и стремление прочно опираться на ту аксиоматику, которая была выработана в англоязычных *Peasant Studies* еще в 60–70-е гг. прошлого

7. Данилов В.П. (1992). Аграрная реформа и аграрные революции в России. С. 319.

8. См.: Бабашкин В.В., Толстов С.И. (2016). Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 216–234.

века, когда в советской историографии писать о таком было крайне затруднительно. Указывая на известные проявления эгалитаризма общинного бытия, он использует термин «этика выживания» и подчеркивает: «Легко впасть в серьезную ошибку, если романтизировать эти социальные приспособительные приемы, столь много определяющие в крестьянском хозяйстве. Они не являются радикально уравнительными и безвозмездно благотворительными, а скорее подразумевают только то, что все имеют право на жизнь на основе деревенских ресурсов, и платой за них зачастую является утрата статуса самостоятельности производителя» (с. 62–63). Методология «моральной экономики» Дж. Скотта как важнейший инструмент современного крестьяноведения дает возможность историку отточить тот взгляд на события ключевого года революции, согласно которому «основной причиной возмущения представляется не само падение уровня жизни, а моральное напряжение, вызванное противоречием между определенными поступками властей и устоявшимся крестьянским представлением о справедливости в условиях ослабления репрессивного аппарата государства» (с. 108).

Множество самых нелепых и возмутительных для крестьян поступков властей в связи с участием сельского в массе своей народа России в Мировой войне анализирует автор. Это и невероятные 15 млн селян-резервистов, окопавшихся на тыловых складах и в запасных частях (с. 88), и решение Временного правительства о «возможно широком отпуске для работ воинских команд из запасных частей» (с. 114–115). «Это ж надо было додуматься, — пишет он, намекая, что тут нужен не столько исторический, сколько психиатрический анализ, — оторвать от собственного хозяйства почти пятнадцать миллионов мужиков, чтобы потом их же силой отправлять пахать чужие наделы» (с. 115). А затем «демократическая диктатура» продемонстрировала свою полную неспособность справляться с волнами дезертиров с фронта, направлявшихся в собственные хозяйства и приносивших в родные деревни несколько скорректированные представления о том, что можно, что нельзя — даже в рамках моральной экономики. Классик *Peasant Studies* Дж. Скотт описывает такое дезертирство с фронтов войны, которую правительство крестьянской нации ведет в явном расхождении с интересами народа, как одно из самых грозных видов вооружения в непобедимом крестьянском арсенале «оружия слабых».

Люкшин показывает невероятный рост мужского населения Казанской губернии в 1917 году за счет возвращавшихся с фронта солдат и описывает первые хулиганские и разбойные действия дезертиров и отпускников, направленные прежде всего на излишне разбогатевших за годы войны односельчан, включая столыпинских выделенцев. Общинные структуры, как правило, попустительствовали этому, жандармский контроль отсутствовал. «Крестьяне, — полагает исследователь, — стали подключаться к акциям бывших солдат по мере развала структур управления, когда дезер-

тиры как бы легализовались и смогли вновь включиться в структуры крестьянских общин. ...Раз уж те или иные действия не вызвали репрессивной реакции государства, они в соответствии с принципами моральной экономики считались как бы санкционированными властью. Поскольку в крестьянской среде было широко распространено убеждение, что максимы моральной экономики серьезно искажены землевладельцами и чиновниками, постольку крестьяне воспринимали все происходившее именно как санкционированную (наконец-то) Властью акцию. Причем крестьяне всерьез считали, что в своих волостях и деревнях им никто не указ» (с. 123).

Приводится много интересных примеров того, как «мужички разгромили внеобщинные хозяйственные формы» и какими нормативными соображениями они при этом руководствовались. Постановления Казанского губернского совета крестьянских депутатов от 13, 16 и 17 мая 1917 года выглядят так, как будто ни Всероссийский совет, ни Временное правительство и в самом деле «не указ» (с. 124), и сильно напоминают «Распоряжение № 3» земельного комитета Тамбовской губернии от 11 сентября, после которого стало ясно: на местах будет принята только та верховная власть, которая даст декрет «О земле». Пишет автор и о печальной судьбе тех органов власти на местах, которые, уповая на «законы общественного развития» и тешась иллюзией, что их удалось «оседлать» (с. 162), создавало питерское «демократическое» правительство. Они фактически перемалывались вековыми структурами общинного самоуправления, не в состоянии хоть как-то защитить молодую поросль «аграрного капитализма». «Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, — пишет Люкшин, — но с особой силой стремление выкорчевать стольпинские «саженцы» проявилось в Самарской, Уфимской, Саранской, Казанской и Симбирской губерниях, то есть в регионах, где община была традиционно сильна» (с. 129). В принципе это совпадает с теми выводами, к которым на основе анализа обширнейшего архивного материала приходит в ряде своих работ Г.А. Герасименко⁹. Остается только пожалеть, что Люкшин в рецензируемой монографии нигде на эти работы не ссылается.

Мне становится немного жаль, когда я подумаю, какое радостное чувство мог бы испытывать Дж. Скотт, читая в английском переводе и книги Герасименко, и «Коммунаров поневоле». Ведь в обоих случаях блестяще подтверждается концепция «моральной экономики крестьянства»; и то обстоятельство, что в первом случае исследователь к ней не обращался, означает лишь чистоту экс-

9. Герасименко Г.А. (1974). Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов; Герасименко Г.А. (1985). Борьба крестьян против стольпинской аграрной политики. Саратов; Герасименко Г.А. (1995). Народ и власть (1917 год). М.

перимента. А вот автор «Коммунар» использует этот инструмент анализа сознательно и активно. Напомнив читателю о глубоко антинародном характере аграрного реформирования второй половины XIX века, оставившего крестьян не столько без земли, сколько без угодий, он формулирует вывод, под которым я готов подписаться: «Думается, что так называемые захватные акции крестьян можно интерпретировать не как “битву за землю”, а как планомерное вытеснение за пределы выживания хозяйствующих субъектов, не включенных или исключенных из структур моральной экономики» (с. 312).

Под другим умозаключением Люкшина также подпишусь, но с некоторыми существенными оговорками. «История общинной революции в России, обеспечившей в нашей стране социокультурное доминирование крестьянства, никогда не была написана не просто потому, что пролетариат стеснялся себя признать агентом мелкой буржуазии, — пишет он, — но и в силу того, что категориальный аппарат и способ мышления современников этого исторического феномена не позволял за наглými мордами мешочников и сытыми ухмылками каннибалов разглядеть либретто российской исторической драмы первой четверти XX века» (с. 37). «Никогда не была написана» — это в данном случае неверное словоупотребление. Какие-то вещи (иной раз весьма масштабные) по этой истории были написаны. Один «Тихий Дон» чего стоит! Да и исследовательское творчество упомянутых выше Г.А. Герасименко, В.П. Данилова, Т. Шанина¹⁰ уж никак тут не сбросить со счетов. Я бы сказал, что мы просто обречены писать эту историю всю жизнь, все более осознанно и добросовестно. Уместно вспомнить, что еще великий Маркс в письме к Вере Засулич настоятельно рекомендовал русским революционерам не впадать в восторг неопитов от западных политэкономических теорий, но изучать общину с целью понять саму суть прошлого, настоящего и будущего своей страны¹¹. Можно также вспомнить, что о крестьянском будущем страны пророчески говорил великий историк С.Ф. Платонов, к чему сам Люкшин неоднократно обращается (с. 10, 37, 210).

Но я, кажется, понимаю, что имеется в виду под этим «не была написана». Скорее, это недоумение, почему нас так долго кормили нелепой легендой о Великой Октябрьской социалистической революции, которая якобы подтвердила законы общественного развития, описанные в марксизме-ленинизме, вместо того чтобы более или менее адекватно показать, что на самом деле происходило. В свойственной автору манере одну из версий ответа он упаковы-

10. См., в частности: Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг. М.

11. См.: Шанин Т. (ed.) Late Marx and the Russian Road. New York, 1983. P. 97–126; Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 250–251.

вает в словосочетание «логократический режим», от которого веет каким-то прямо нейролингвистическим программированием. Подтверждение этому он усматривает в том, как все поплыло в советской политической системе, как только в хрущёвскую «оттепель» ослаб доктринальный пресс «Краткого курса», и многие интеллектуалы вознамерились «очистить Ленина от Сталина» (с. 38–39). К догматам веры пришлось срочно возвращаться, а там все подогнано кирпичик к кирпичику, и ни для какой «общинной революции» места нет. Думаю, неплохим подтверждением, что все было именно так, является судьба «нового направления» в советской историографии, представители которого пытались поставить под сомнение существование аграрного капитализма в российской истории¹². Таковой играл слишком важную роль в этой догматике, чтобы можно было позволить себе усомниться.

Самое интересное, что советская версия отечественной истории с ее революционным прорывом в наиболее передовой общественный строй, способный всем странам мира показать, как надо жить, парадоксальным образом резонирует с особенностями крестьянского общинного мироощущения с его жесткой гранью по линии «мы — они»¹³. Поэтому на месте автора «Коммунаров» я бы не торопился полемизировать с академиком Платоновым, утверждая, что рурализация России в XX веке произошла «обратным порядком», через уничтожение собственно крестьянского класса» (с. 210).

Наконец, я бы не был столь настойчив в утверждении, что с помощью «концепта “общинной революции” ...удалось *непротиворечиво* истолковать поведение общинного крестьянства Казанской губернии в социально-политических коллизиях начала XX века» (с. 2) [курсив мой. — В.Б.]. Я насчитал еще пять случаев заявления о непротиворечивости содержания рецензируемой книги (с. 8, 33, 35, 65, 92). Но это не соответствует заявлению о том, что само словосочетание «общинная революция» — не что иное, как оксюморон (с. 177, 188). Не соглашусь. В определении крестьянства, которое сформулировал Т. Шанин, к чему авторитету Люкшин в данном случае апеллирует, община занимает настолько важное место, что в известном смысле понятия «крестьянин» и «община» можно считать синонимичными¹⁴. Однако и термин «крестьянская революция», как мы говорили выше,

12. См.: *Анфимов А.М.* (2002). П.А. Столыпин и российское крестьянство. М. С. 186–232.

13. См.: *Бабашкин В.В.* (1995). Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 107–108.

14. Хотя либерально мыслящие исследователи аграрных цивилизаций с этим категорически не согласны — см.: *Бабашкин В.В.* (2018). «...Жить единым человеческим общежитием», или Теория общины // *Крестьяноведение*. Т. 3. № 2. С. 179–187.

с огромным трудом втискивается в современную российскую историографию. Дело в том, что крестьянская революция консервативна по определению. Вот уж где оксюморон-то: консервативная революция. Что-то не стыкуется с «локомотивами истории». Но на то и крестьяноведение, чтобы вносить сумятицу в догматику теоретических вариаций на тему прогресса. Такое определение крестьянской революции можно почерпнуть из работы Э. Хобсбаума «Крестьяне и политика»¹⁵ или из известной специалистом монографии Э. Вульфа «Крестьянские войны XX века»¹⁶. Кстати сказать, в обоих случаях представители западных *Peasant Studies* должны были обобщать какие-то аналогичные событийные ряды в новейшей истории разных стран, а это входит в методологическое *противоречие* с утверждением Люкшина, что «конец 1917 — начало 1918 годов — уникальный момент не только в российской, но и в мировой истории» (с. 177, 188).

Крестьяноведение вообще противоречиво — подобно хрестоматийному двоедущию своего главного объекта — крестьянина. Я рад, что крестьяноведение Люкшина столь во многом совпадает с моим собственным. И далеко не все важные моменты, вызвавшие у меня ощущение правды и справедливости при чтении «Коммунаров поневоле», удалось отметить выше. Но об одном все же не умолчу. Пытался понять, что заложил автор в название книги. Кажется, понял и отреагировал заголовком этой рецензии. В заключении Люкшин пишет, что крестьянско-большевистского симбиоза никогда не было; «малопродуктивной представляется и гипотеза о совпадении (хотя бы и временном) интересов коммуны и общины» (с. 208). А мне гипотеза об этом совпадении, причем вполне догвоременном, представляется не просто продуктивной, но помогающей раскрыть глубинные смыслы генезиса советского общества на протяжении как минимум всего истекшего столетия, а как максимум — и на длительную историческую перспективу. Прилагательное «невольная» в русском языке чаще всего означает нечто неожиданное для себя самого. Именно так, невольно, согласно описаниям Э. Хобсбаума и Э. Вульфа, народы в странах, где разворачивалась крестьянская революция, оказывались в совершенно новой общественной ситуации (революция ведь). Остается лишь пояснить, почему для обозначения такой ситуации я использовал слово «воля» — не для красного ли словца? Это слово обладает в нашем языке такой мощью, что предпочитаю поставить здесь многоточие, оставляя простор для дальнейшей дискуссии...

15. *Hobsbawm E.J.* (1973). *Peasants and Politics* // *The Journal of Peasant Studies*. October. Vol. 1. No. 1. P. 3-22.

16. *Wolf E.R.* (1971). *Peasant Wars of the Twentieth Century*. L.

Unwitting will

Book Review: Lyukshin D.I. (2017) Unwitting Communards: The Communal Revolution in the Drama of the Second Russian Discord. Kazan: Kazan University Publishing House, 214 p.

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Глобальное и локальное в социальной истории: реальные взаимосвязи и концептуальные противоречия

Рецензия на книгу: Конрад С. Что такое глобальная история? / Пер. с англ. А. Степанова; науч. ред. и предисл. А. Семенова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 312 с.

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: trocuk@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-187-199

Согласно аннотации, книга С. Конрада призвана показать, помогает ли глобальная оптика понять локальные события и процессы и преодолеть ограничения национальной истории, каким политическим и культурным потенциалом обладает глобальная история, предоставляя право голоса тем, кто лишился его в ходе глобализации и вследствие эпистемологического доминирования европейского взгляда на мир, и каковы опасности нерerefлексивного применения глобально-исторического подхода. Решающая подобные задачи книга явно будет интересна не только историкам, потому что, по сути, рассуждает о возможности создания некоего универсального дискурса для описания логики исторического развития разных общественных систем. В качестве примера необходимости анализа эвристического потенциала глобальных/универсальных категорий можно рассмотреть понятие «крестьянин». В последние годы на научных мероприятиях в России побывали многие наши коллеги (крестьяноведы и сельские социологи) из Индии, Бразилии, Китая и других стран, которые, следуя устойчивому историческому дискурсу, считают нашу страну традиционно крестьянской, в том числе потому, что российское правительство активно позиционирует ее на международной арене как мощного сельскохозяйственного производителя. Однако когда мы берем их в поездки по сельским регионам и показываем отечественные сельскохозяйственные предприятия, наши коллеги с грустью признают, что крестьянства

в российском обществе сегодня не существует, и в этом принципиальное отличие нашей страны от многих регионов мира, где крестьянство (в традиционном смысле слова и с полным или частичным набором «правильных» эмпирических индикаторов) легко обнаруживается вблизи даже крупнейших городских агломераций.

Данный пример — лишь одна из возможных иллюстраций того вопроса, который имплицитно задается в книге Конрада: насколько в принципе мы можем говорить об общей глобальной истории, основанной на неких универсальных типологических категориях? И в этом несомненное достоинство книги: она заставляет задуматься о том, столь ли безупречны с аналитической точки зрения те исследовательские инструменты, которые мы столь уверенно используем в том числе для сопоставления разных социально-экономических и политических систем и формулировки далеко идущих теоретических выводов и практических рекомендаций.

Безусловно, приведенный выше вопрос не представлен в книге как основной или прямо заданный автором — скорее он читается из текста читателем — представителем социальных или гуманитарных наук, но вряд ли историком, который будет солидарен с научным редактором книги: в предисловии он представляет ее как попытку разрешить вопрос, как сегодня следует трактовать глобальную историю — как окончательный синтез научного исторического знания (хотя полноценный синтез здесь вряд ли возможен) или как продолжение диалога разных исторических направлений (сочетание различных методологических подходов). Он также отмечает, что российскому читателю с историческим образованием книга может показаться лишенной новизны, поскольку «наследие германской университетской системы и советская марксистская модель изучения мировой экономики и политики (жесткое разделение на отечественную и всеобщую историю) сделали проект глобальной истории иллюзорно узнаваемым и знакомым разным поколениям историков и интеллектуалов в России». Однако Конрад представляет глобальную историю иначе — как «относительно новое поле исторического знания, которое противопоставляет себя парадигме всеобщей и мировой истории» (с. 7) и возникло в 2000-е годы под влиянием затухания эйфории от идеи «конца истории», признания процессов глобализации в качестве универсального и неоспоримого механизма развития современного мира, а также кризиса нормативной концепции капиталистической и либеральной глобализации (неравномерность развития мира, периодические кризисы капиталистической системы, частые военные конфликты, политизированная религия и пр.). Иными словами, глобальная история «направлена на преодоление родовой травмы современной исторической дисциплины — изоляционизма национальной истории и методологического национализма (в российском варианте [хотя вряд ли только в нем] — это государственническая версия российской истории)» (с. 9).

Структурно книга состоит из введения и девяти глав, однако нет смысла тезисно излагать содержание каждой из них, поэтому обозначим лишь основные линии рассуждений автора. Прежде всего это реконструкция «биографии» глобальной/мировой истории, которая сегодня переживает настоящий бум, обусловленный в первую очередь процессами глобализации («реалиями опутанного сетями глобализованного мира»), но также концом холодной войны, событиями 11 сентября 2001 года, требованиями менее дискриминационного и узконационалистического подхода к прошлому, изменениями социокультурного облика научной среды, трансформациями в социологии знания, революцией в средствах массовой коммуникации, всеобщим ростом мобильности и т.д. (с. 17-18). Вот уже несколько десятилетий глобальная история является наиболее быстро развивающейся исторической дисциплиной, поскольку историки «имеют дело с большим количеством соперничающих между собой нарративов... все больше используют язык сетей и узловых точек вместо старой “территориальной” логики. Писать историю в XXI столетии означает совсем не то же самое, что это значило раньше» (с. 18).

Признаваемая Конрадом сложность институционализации глобальной истории как особой исторической дисциплины состоит в том, что данное понятие обозначает одновременно и предмет исследования (масштаб исторического процесса), т.е. речь может идти об очень древней хронологии, и определенный научный подход, сложившийся относительно недавно (скажем, в истории рабства его интересуют не столько социальная, гендерная или экономическая подоплека, сколько сравнение с другими формами порабощения, последствия работорговли для разных государств и континентов, формирование пространства «Черной Атлантики» и т.д.). Соответственно, «подлинно глобальное сознание начало формироваться в нескольких евразийских регионах в начале современного периода, в эпоху европейской гегемонии появился общий нарратив материального прогресса и национального развития, и написание истории мира в определенном смысле столь же древнее занятие, как и сама историческая наука» (с. 35). Все виднейшие историки прошлого, несмотря на особые историографические традиции разных регионов, писали историю собственной ойкумены, принимая во внимание и «мир» вокруг нее (соседние территории), однако главной их целью было не объяснение действительности, а «прославление сущности собственного общества, уникальная культурная идентичность... которого была для них чем-то самоочевидным» (с. 36). Прошлое неизменно «осмыслялось и оценивалось в соответствии с критериями морального и политического кодекса ценностей того общества, к которому принадлежал историк, понятие “мир” не значило “наша общая планета”, как сегодня, но “подразумевало только тот мир, который имел значение”... и главные установки ойкуменической историографии в основном сохранились вплоть до XIX века» (с. 39).

Речь идет не об отсутствии всемирно-исторических моделей как таковых, а о том, что они не стали мейнстримом исторической дисциплины, поскольку часто создавались историками-любителями без официальных должностей (и не только в Европе) и потому оставались вне поля зрения ученых в последующие эпохи. Только со второй половины XVIII века, по мере расширения глобальных торговых связей и имперских структур, стали появляться подробные и эмпирически детализированные обзоры всемирной истории, призванные описать все страны, о которых было хоть что-то известно (например, энциклопедичная «Всеобщая история», выходявшая в Лондоне с 1736 по 1765 год и представлявшая собой «гигантскую (65 томов) компиляцию по методу простого «нанизывания фактов» — с. 42). Расцвет жанра всемирной и всеобщей истории пришелся на рубеж XVIII и XIX веков, когда с позиций европейской культуры были созданы панорамные картины социальных институтов и этапов развития ряда государственных образований в разных уголках земного шара, привязанные к понятию «цивилизация».

XIX столетие ознаменовало фундаментальное изменение во взгляде на прошлое — европейское (а затем североамериканское) господство унифицировало подходы и методологические стандарты исторических повествований, ознаменовав «триумф вестернизации как... просвещенного и рационального взгляда на историю и явный прогресс по сравнению с мифическими и религиозными подходами к прошлому» (с. 44). Повсеместно заимствовались не только ключевые понятия из европейских исторических нарративов и европейская история как универсальный образец развития, но и институциональная структура европейской исторической науки (факультеты, журналы, учебники). Такая европеизация стандартов истории была реакцией на меняющийся геополитический баланс сил — тенденцию интеграции мира под европейской гегемонией. Однако нельзя объяснять «повсеместное утверждение единообразно понимаемой всемирной истории в конце XIX — начале XX века... просто переносом европейских интеллектуальных ценностей... нарративы историков и социальных мыслителей за пределами Европы... не были простыми слепками, но часто соответствовали реформаторским интересам местных авторов и их собственному пониманию реалий глобальных перемен» (с. 49). Кроме того, евроцентричный нарратив подвергался критике как с позиций системного подхода (например, марксисты подчеркивали роль связей и взаимодействий в социальном развитии в мировом масштабе), так и цивилизационного анализа (так, ученые арабского и исламского мира отстаивали право на иную, незападную, модель социальной истории).

«Статус мировой истории внутри дисциплины в целом оставался неопределенным в большинстве стран вплоть до 1990-х годов... учитывая, что послевоенный период повсеместно оказался временем национального строительства... особенно для многих бывших колоний... которые использовали европейское прошлое как мери-

ло для оценки собственной истории» (с. 53). Важную роль в становлении всемирной истории в XX веке сыграла и цивилизационная концепция А. Тойнби, и теория модернизации У. Макнила, и расцвет марксистских идей после 1945 года (они часто требовали подогнать реальность под теоретические выкладки), и мир-системная теория И. Валлерстайна, возникшая в 1970-е годы (несмотря на доминирование евроцентричной интерпретации, говорила о системных процессах в глобальном контексте, а не об абстрактной логике развития), а также критикующие подобные макроисторические и евроцентричные нарративы «микроистории», «лингвистический поворот», развитие страноведения, формирование разнообразных «постколониальных» идеологий, теория зависимого развития и «исследования угнетенных» (своего рода «история снизу», зародившаяся в Индии, но с опорой на международные теоретические модели).

В итоге к концу XX века «работы по всемирной истории стали весьма диверсифицированными, хотя в большинстве стран и оставались маргинальными... Глобальная история была — и остается — особым подходом, ...она формируется условиями места и времени, в которых возникает... Глобальная история сегодня отличается от своих предшественниц во многих важных отношениях, и наиболее фундаментальное из них — это акцент на сопряжениях и интеграции, а также решимость выйти за пределы господствовавших ранее понятий, в том числе концептов дискретных цивилизаций, распространения европейских ценностей и телеологических нарративов» (с. 57-58). Сегодня «глобальная история — это ракурс, который высвечивает определенные грани феномена; при этом другие аспекты отступают на второй план... Цель состоит не в том, чтобы написать тотальную историю планеты... а в рассказе об ограниченных пространствах, но с учетом глобальных связей и общих структурных условий... Глобальная история, следовательно, не является синонимом макроистории. Наиболее интересные вопросы часто возникают на пересечении глобальных процессов с их локальными воплощениями» (с. 29-30).

Конрад убежден, что социальные и гуманитарные науки сегодня не в состоянии адекватно ставить вопросы и давать ответы о реалиях современного мира, поскольку не способны к полноценному системному пониманию мировых процессов по причине двух «родовых травм»: во-первых, рождение этих наук было связано с национальным государством, т.е. оно стало их предметом как некое территориальное единство и определило их традиционный «методологический национализм» (история стала прежде всего национальной историей); во-вторых, новые дисциплины были глубоко евроцентричны — рассматривали Европу как главную движущую силу мировой истории, представляли европейскую историю как универсально-всеобщую модель развития, превратили понятия, отражающие сугубо европейский опыт (нация, революция, общество

и прогресс) в универсалистские концепты. Глобальная история выступает как «ревизионистский подход», который бросает вызов национальной истории, пытается изменить методологию, организацию и институциональный порядок исторической науки, призывает историков к более широкому и менее фрагментированному видению мира, чтобы понять конституирующие его многообразные взаимодействия и взаимозависимости.

Конрад признает, насколько сложно реализуем проект глобальной истории как дисциплины, объект которой — взаимосвязанный мир, а предмет — обмены вещей, людей, идей и институций в глобальных контекстах, учитывая наличие иных проектов: это компаративистика (первоначально сопоставительный анализ государственности, революций и социальных перемен, сегодня — компаративная оптика, выводящая нас за пределы отдельных случаев, но неизбежно гомогенизирующая предметы, слаживающая их внутренние различия, тяготеющая к телеологии, стандартизации и мнимой автономии объектов, а потому порождающая нарративы уникальности/исключительности); транснациональная история (изучает текучие и взаимно переплетенные аспекты трансграничных процессов, каким образом страна вписана в мировой контекст и как он на нее влияет, однако лишь указывает на глобальное, не изучая его вызовы и последствия); мир-системная теория (рассматривает большие региональные объединения и «системы», считая меньшие единицы их производными, часто впадает в экономический редукционизм на основе абстрактной трактовки капитализма, априори предполагает существование системного контекста, а не конструирует его из реалий, не свободна от элементов евроцентризма); постколониальные исследования (оценивают взаимодействия через культурные границы на основе посылки, что современный мир вырос из колониального порядка, который определил не только формы господства и экономической эксплуатации, но и категории/уровни/режимы знания; исследуют динамику транскультурного обмена, создают транснациональную историографию, критикуют теорию модернизации и категорически исключают риторику «глобального» как дискурс империалистического доминирования); теория множественных модерностей (новый вариант цивилизационного дискурса, возникший в 1990-е годы и преодолевший телеологичность классической теории модернизации, т.е. признавший фундаментальное нормативное равенство разных траекторий развития культур и обществ; критикуется за отсутствие четкости и ограниченность сферой культуры, трактовку обществ как герметически закрытых и гомогенных цивилизаций и игнорирование истории их взаимодействий) и т.п. Все эти проекты, казалось бы, выдвигают на первый план особые тематики, но на самом деле обладают массой методологических и концептуальных сходств и общей целью — «дать целостное объяснение глобальных процессов и динамических сдвигов... изучать исторические

проблемы, не ограничивая себя априори пределами национальных государств, империй или других политических образований» (с. 59-60). Конрад подчеркивает, что всемирную историю, постколониализм, «множественные модерности» и глобальную историю «нельзя жестко разграничить: во многих аспектах они пересекаются... каждый представляет собой некий идеальный тип» (с. 104).

Глобальная история призвана преодолеть ограничения перечисленных подходов: например, в отличие от компаративистики, она не проводит (макро)сравнения без обобщений и системных контекстов, избегает нормативности и телеологии, выходит за рамки бинарных сопоставлений, а «когда сравниваемые объекты погружены в общую глобальную ситуацию, сравнения сами становятся частью глобального-исторического подхода» (с. 67); в отличие от транснациональной истории, считает глобальное не «фоном, на котором можно продемонстрировать национальное, а контекстом, который позволяет систематически ставить вопросы о причинах и следствиях» (с. 71); выступает как ответ на тупик, в который зашли постколониальные исследования в начале 1990-х годов под влиянием критики их избыточной культурологичности, игнорирования политических и экономических вопросов, зараженности подспудным национализмом, использования квазинативистских концептов и опоры на абстрактное понятие колониализма (с. 80-82); отталкивается от антиевроцентричной повестки «множественных модерностей», но не сводит историю современности к набору «аналогичных, самосозидающихся цивилизаций, а уделяет внимание истории сопряжений и системной интеграции мира... крупным структурам и асимметрии власти» (с. 87).

Конрад делает вывод, что в нынешних условиях «господства электизма и теоретической неопределенности» бессмысленно говорить о методологической особенностях глобальной истории — следует развести три ее разновидности по типам реакции на вызовы «глобального» (с. 23-28): «история всего» — попытки широкомасштабного синтеза событий глобальной реальности в определенный период («биографии» отдельного года, десятилетия или столетия) или применение некоей концепции ко всей истории человечества (истории империй, королевских династий, чая и кофе, торговли, религии и т.д.); история взаимосвязей обществ, наций и цивилизаций на протяжении веков (истории миграций, перемещений идей и товарообмена на больших расстояниях); узкая версия глобальной истории, основанная на понятии интеграции как совокупности регулярных и устойчивых взаимообменов, определивших становление конкретных стран, — «самый многообещающий подход для глобальных историков, желающих идти дальше простых символических жестов к истинному пониманию взаимосвязей» (с. 23). В отличие от всемирных историй (теории модернизации, марксизм, цивилизационный подход и пр.), которые обычно занимаются макропроблемами и оперируют широкомасштабными сравнениями обществ

И.В. Троцук

Глобальное и локальное в социальной истории: реальные взаимосвязи и концептуальные противоречия

или цивилизаций, связанных евроцентричной диффузией от центра к периферии в модерный период, глобальный подход исследует текущие и неустойчивые сети и взаимодействия в контексте структурных трансформаций в глобальном масштабе.

Для этого глобальная история выработала методологию, которая обладает следующими особенностями (с. 91-94): глобальные историки не занимаются только макроперспективами, а изучают конкретные проблемы и явления в широких/глобальных контекстах и экспериментируют с альтернативными понятиями пространства (не национальные государства, империи и цивилизации, а конкретные сообщества или иные аналитические единицы); работы по глобальной истории реляционны, построены на изучении отношений, т.е. рассматривают все исторические единицы через их взаимоотношения с другими единицами, а потому не интересуются эндогенными изменениями и отказываются от телеологии, свойственной теории модернизации (развитие, отсталость и др.); глобально-исторический подход выдвигает на первый план синхронию, не отказываясь при этом от традиционного изучения проблем непрерывности или зависимости выбранного пути развития; и, наконец, глобальные историки осознают проблему евроцентризма и призывают иначе осмыслить глобальное прошлое — через понятия широкомасштабной интеграции и каузации, т.е. «эффективные глобальные истории должны учитывать системное измерение прошлого и структурный характер социальных перемен» (с. 97).

Безусловно, как любой научный подход, глобальная история имеет ограничения, обусловленные в первую очередь ее основным исследовательским акцентом — на глобальной интеграции. Конрад справедливо отмечает, что проблема не в самом данном фокусе, а в порожденных им вопросах: можно ли считать глобальную историю синонимом истории глобализации — нет, потому что история глобализации — лишь «поджанр глобальной истории», а глобализация (трактовки ее этапов и источников различны, а сам термин до сих пор размыт и не всегда позволяет отличить глобализацию от «простых» исторических связей) является не предметом, а контекстом глобального подхода (с. 121-122). Или: «сохранится ли в будущем понятие глобализации в качестве полезного для историков аналитического инструмента — большой вопрос. Среди ученых распространено мнение, что более специфичные, тоньше описывающие исторический контекст понятия могут принести более плодотворные результаты — даже если мы признаем необходимость периодизировать прошлое не только локально и регионально, но и в глобальном масштабе... Временные срезы — более подходящие темпоральные единицы для изучения многих тем, чем представление о неумолимой поступи глобализации» (с. 132-133).

Второй важный для глобальной истории вопрос — критерии и характеристики той интеграции, о которой она постоянно говорит, а также границы рассматриваемого интегрированного целого. Фак-

тически мы признаем наличие «у интеграции множества причин, проявлений и последствий, а также в определенном смысле множества хронологий — более и менее протяженных... и пяти доминирующих локомотивов перемен/факторов: технология (средства массовой коммуникации, транспорт, вооружения), империя (устойчивость полиэтничных экспансионистских государств), экономика (торговля и способы производства), культура (религии, идеологии и космологии), биология и экология (эпидемии, развитие сельского хозяйства и т.д.)» (с. 135) и человеческий фактор (с. 144). «Задача глобальной истории как подхода состоит в том, чтобы понять отношения различных причинностей, действующих в больших масштабах... То, что мы обычно называем “глобализацией”, было... результатом действия сложного комплекса взаимосвязанных и налагающихся друг на друга структур, каждая из которых подчинялась собственной динамике» (с. 142-143). Таким образом, глобально-исторический подход может быть применен к любому региону и периоду прошлого при условии, что мы признаем разную силу и масштабы интеграционных процессов в разные исторические эпохи, а также что не все темы в равной мере подходят для глобальной интерпретации (автор утверждает, что в ряде случаев можно обойтись и «традиционным сопоставлением», т.е. не ставить вопрос о причинности в глобальном масштабе, что заставляет читателя вновь задаться вопросом о понятийных и эвристических границах глобальной истории).

Третий принципиальный для глобальной истории вопрос — масштаба/пространства как полноценной теоретической категории, т.е. как «локализуется глобальное» (с. 151): на примере работ торговли и экологической истории Конрад показывает, что глобально-исторический подход не отказывается исследовать историю торговли, империй, миграции, религии и пр., но предпочитает фокусироваться не на дискретных национальных нарративах, а на связях и взаимодействиях, «переключаясь» между разными масштабами и территориями. Автор рассматривает четыре стратегии переосмысления глобального пространства (с. 153-173): конструирование широких транснациональных пространств, занимающих промежуточное положение между местными условиями и глобальными констелляциями (великие океаны или крупные регионы, объединенные под общим названием, например, Средиземноморье); парадигма «следования», преодолевающая территориальную ограниченность (например, глобальная история труда, описывающая мобильность разных типов работников, или история сахара, хлопка, фарфора, стекла и т.д.); сетевой подход (именно сети делали мир связанным — торговые пути, цепные миграции, трансграничные финансовые инвестиции); создание микроистории глобального — «исследования, в которых анализируется какой-то один конкретный объект (отдельная личность или небольшая группа, город или его район) со всеми его отличительными пространственными и социальными свойствами, только помещенный в глобальные контексты» (с. 168-169).

Четвертый вопрос глобально-исторического подхода — какое значение имеет категория времени, если он работает преимущественно с пространством и оспаривает приоритет темпоральных метафор и трактовку истории как большой хронометрии. Признавая наличие в исторических описаниях двух крайних временных точек — изучение всей человеческой истории в рамках одной концептуальной модели (например, глубинная и большая истории) и акцент на синхронии (анализ одновременных географически удаленных событий) — Конрад подчеркивает, что «разные концепции времени подходят для разных вопросов и формируют определенные ответы... Однако большинство исследований частных случаев заметно выигрывает, если ученые рассматривают проблемы в различных временных масштабах (на разных уровнях темпоральных “строительных лесов”») (с. 184). Соответственно, «не существует предпочтительных временных рамок, равно пригодных для любого исторического вопроса — так же как не существует идеально подходящей для любой темы пространственной категории. Каждая проблема требует своего темпорального и пространственного порядка... и выбор той или иной шкалы глобальной истории означает необходимость принять критическое решение о том, что и кого считать первичными силами и деятелями истории (а также что считать необходимостью и случайностью») (с. 200).

Пятый вопрос, по сути, сводится к тому, кто пишет глобальную историю, вернее, насколько следует верить заявлениям, что глобальный подход обеспечивает неангажированную объективность историка и транскультурную версию истории. По мнению Конрада, подобные надежды иллюзорны, поскольку «глобальные истории не пишутся в вакууме, даже если историки описывают историю всего мира, они неизбежно делают это из определенной локации и в определенное время... большинство описаний истории мира базируется на определенных аксиоматических посылах, ценностных суждениях и иерархиях смыслов» (с. 207). Автор разрабатывает методологию критики «центризмов» (евроцентризма, антиевроцентричных подходов — синоцентризма и нативистских цивилизационных подходов) и обосновывает невозможность «нейтральной архимедовой точки обозрения», т.е. утверждает неизбежную позиционированность любого исторического источника и перспективы любого историка (зависимость от локальных, национальных и региональных факторов, государственных институций и коллективной памяти). Однако Конрад предупреждает и об опасностях увлечения позиционированностью и требует отличать неизбежные смещения научного поиска от продуманных акцентов политизированной версии истории: «выявление культурной и социальной принадлежности историка помогает понять его идеологическую позицию, влияющую на интерпретации прошлого, однако радикально альтернативные версии — подход к истории с точки зрения австралийских аборигенов, американских индейцев или китайцев — могут

легко превратиться в новые формы центризма, которые сделают диалог поверх границ таких нативистских эпистемологий трудным, если не невозможным» (с. 221).

Конрад разрабатывает конструктивистскую версию глобальной истории в двойном «измерении»: и историк выбирает разные масштабы описания явлений (глобальный, региональный или локальный), чтобы сконструировать особую реальность прошлого согласно своим представлениям об изучаемом предмете («уплощая» мир своей терминологией); и исторические субъекты (социалисты и анархисты, феминистки и представители религиозных меньшинств, члены диаспор и активисты антиколониальных движений) конструируют собственные жизненные миры как многоуровневые и детерминированные разными контекстами прошлого и настоящего (и соответствующими дискурсами). Для понимания сконструированности наших знаний и представлений «историк должен реконструировать условия, в которых ныне существующие понятия появились и были приняты всем миром, равно как и анализировать асимметрии власти, которые были причастны к их созданию. Ключевые понятия завоевывают всемирное признание отнюдь не благодаря своему внутреннему универсализму; часто... их господство достигается за счет насилия, подавления и вытеснения альтернатив... В то же время следует с осторожностью относиться к призывам выбросить за борт инструменты социальных наук вместе с их универсализирующими претензиями... Универсально применимые термины могут иметь свои недостатки, но в целом их способность облегчать диалог через границы все-таки перевешивают преимущества более фрагментированного словаря... И многие акторы по всему миру уже приспособили язык социальных наук к своим целям и «регионализировали» его» (с. 252-254).

И, наконец, последний вопрос книги — для кого пишется глобальная история. Конрад полагает, что обычный ответ на этот вопрос характеризует глобальную историю как «космополитическое предприятие, по сути инклюзивный проект как в географическом, так и в нормативном отношении» (с. 258), т.е. глобальная история утопически обещает превратить всех нас в граждан мира, показав и описав глобальные интеграционные процессы, хотя на практике такая самоидентификация редко встречается (с. 259). Кроме того, глобальная история выполняет просветительскую функцию — объясняет и проблематизирует политические нарративы, демонстрируя телеологическую риторику глобализации, опровергая утверждения о «естественности» глобальных структур и процессов, показывая не только выгоды, но и издержки глобальной интеграции, раскрывая ограниченность интернационалистских объяснений, утверждающих полную ответственность индивидов и групп за свое счастье или несчастье в условиях, сформированных геополитическими структурами и иерархией властных отношений (с. 266-267).

Следует признать, что Конрад успешно отбивает два основных критических выпада в адрес глобальной истории: с одной стороны,

И.В. Троцук

Глобальное и локальное в социальной истории: реальные взаимосвязи и концептуальные противоречия

ее обвиняют в избыточном макроподходе, в котором теряется человек как исторический субъект с собственными представлениями и жизненным опытом, — автор убедительно показывает возможности сочетания микроистории с глобально-историческим подходом: «глобальные структуры в той же мере сформированы человеческой деятельностью, в какой сама эта деятельность формируется глобальными структурами... но они ни в коей мере не детерминируют выбор как отдельных личностей, так и отдельных сообществ» (с. 206). С другой стороны, глобальную историю критикуют за чрезмерную увлеченность поиском связей и заимствований — на это Конрад отвечает требованием не просто описывать взаимовлияния, но оценивать их регулярность и устойчивость, выявлять их причины и воздействие на протекание исторических процессов (важны не только интерпретации, но и причинные объяснения, сколь бы сложными они ни были). Автор признает ограничения глобальной истории как одного из множества возможных подходов: это «не панацея от всех бед и не отмычка от всех дверей; далеко не всякий исследовательский проект требует подобного ракурса: часто для решения задачи ключевую роль играет отнюдь не глобальный контекст и нельзя утверждать, что все связано со всем» (с. 33). Более того, он называет еще четыре проблемы, с которыми сталкиваются глобальные историки, если преувеличивают значение глобальных контекстов (с. 279-288): стирание специфической логики (упрощение) прошлого под давлением «глобального» (богатство реальной жизни сводится к метафорам глобальности, порождая одномерный и поверхностный образ прошлого); фетишизация связанности (например, утопии безграничной мобильности товаров, людей и идей); игнорирование роли власти — за понятием глобального скрываются социальные иерархии и асимметрии; нивелирование реальности в поисках объединяющих все факты концепций (например, сверхконтекстуализация — предпочтение глобальных факторов конкретным деятелям — ведет к релятивизации проблемы ответственности и экстернализации вопроса вины) и т.д.

Даже с учетом обоснованных в книге возможностей и признанных ограничений глобальная история как особая исследовательская «оптика» (с «риторикой» и «методологией» таких проблем не возникает) остается весьма сложной для практической реализации, поскольку каждый историк (человек) неизбежно «врастает» в социокультурно детерминированный набор дискурсов своего общества, и ему крайне сложно настолько дистанцироваться от своей «территориальности и локальности», чтобы избежать «методологического национализма» (и евроцентризма, если он является «продуктом» европейского общества), особенно когда сама глобальная история призывает лишь корректно задавать вопросы на пересечении глобальных процессов с их локальными воплощениями, но не предлагает четких критериев того, каковы должны быть масштабы и количество глобальных контекстов и локальных явлений.

Безусловно, глобально-исторический анализ — поразительно увлекательное, но в то же время трудоемкое и даже сомнительное занятие (по причине отсутствия однозначного его определения), что, впрочем, вряд ли остановит заинтересованного исследователя, особенно учитывая, сколь внушительный список убедительных примеров глобально-исторического поиска Конрад представил в своей работе и сколь самокритично он ее оценивает: «если принять во внимание скорость, с которой меняется область глобальной истории, легко понять, что подведение научных итогов в ней в любом случае получилось бы всего лишь моментальным снимком» (с. 293).

И.В. Троцук

Глобальное и локальное в социальной истории: реальные взаимосвязи и концептуальные противоречия

Global and local in social history: Real relationships and conceptual contradictions

Book Review: Conrad S. (2018) What is Global History? Transl. from English by A. Stepanov; scientific editing and foreword by A. Semenov. Moscow: New Literary Review, 312 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Sociology Chair, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Крестьяноведение

2019. Том 4. № 2

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.07.2019. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1124.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ